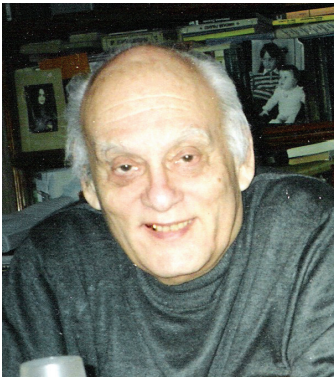
ВИКТОР ФАЙН

Школьная дорога, опалённая войной

Издательство ТРИУМФ
Москва
2012



Виктор Файн

Школьная дорога, опалённая войной

Документальная повесть

Издательство ТРИУМФ
Москва
2012

УДК 821.161.1-312.6Файн В.
ББК 84(2=411.2)6-44
Ф17

Файн, Виктор Яковлевич.

Ф17 Школьная дорога, опалённая войной : докум. повесть / Файн В. Я. — М. : Изд-во ТРИУМФ, 2012. — 218 с. : ил.
ISBN 978-5-89392-538-8

Агентство CIP РГБ

Автор – выпускник 1950 года Ростовской-на-Дону школы № 39 рассказывает о своём детстве, войне, Холокосте, эвакуации в Пермскую глухомань, послевоенном Ростове, школе, учителях, друзьях-товарищах, подругах, дружбе, пронесенной через всю жизнь, детском литературном творчестве. О потрясениях, связанных с именем Сталина. Фотографии, карты. Предисловие профессора М.М. Бабаева.

ISBN 978-5-89392-538-8 **© Файн Виктор Яковлевич**

О документальной повести Виктора Файна

Я очень хочу, чтобы тот, кто увидит эти первые строки, предваряющие небольшую книжку воспоминаний моего одноклассника Виктора Файна, дочитал её до конца. Старикам, вроде нас с Витькой, она многое напомнит. Не исключаю, что не только весёлое и смешное, но и горестное. Однако, беру на себя смелость сказать, что даже прошлые беды, всплывшие в памяти, как ни удивительно, способны отозваться в сердце не только щемящим чувством, но и странным теплом. По себе знаю.

А молодым и совсем молодым, возможно, будет интересно заглянуть в приоткрытую дверь класса и увидеть, как жили, чему радовались, от чего страдали, как набирались ума-разума ребята 40-х годов прошлого века, которым посчастливилось не сгореть в страшной войне.

Перед вами дневник, рассказ о жизни простых мальчишек и девчонок, учившихся в обыкновенных школах («элитных» тогда не было). Рассказ, намеренно «очищенный» от социального и политического фона, глубоких обобщений и философских наставлений для нынешней молодёжи. Не найдёте вы здесь горьких описаний жизни в полуразрушенном городе, отсутствия нормальных удобств и наличия других «прелестей» проживания в огромных коммуналках. Не найдёте «сводок» с пионерских слётов и классных собраний, рассказа о том, как свирепствовал криминал «Ростова-папы» и насколько помогал людям выжить наш базар (по-московски – рынок, а по-одесски – привоз). И многого другого.

В этом смысле автор (и здесь я вижу одно из главных достоинств текста) начисто лишён претензий на создание панорамной картины эпохи. Вот ещё одно доказательство. В отличие от множества других мемуаристов, В. Файн не пытается себя и нас, его школьных друзей, даже тех, кто сподобился не вступить в комсомол, представить некими мудрецами и провидцами, которые уже в детском саду понимали всю гнусную сущность кровавого сталинского режима и необходимость борьбы с ним. Скажем честно: мы жили в Ростове-на-Дону. Тогда ещё небольшой, сравнительно тихий провинциальный город. Никаких очагов инакомыслия. И хотя А.И. Солженицын, как выяснилось через множество лет, учился до войны в соседней школе, где параллельно с нами учились «наши» девочки, здравомыслия это нам не прибавило.

О репрессиях в отношении «врагов народа» узнавали только из газет, а газетам привыкли доверять. Пионерия, комсомол. Идеологическая машина работала надёжно и эффективно, поэтому, нечего лукавить, мозги были повёрнуты в нужную партии

и правительству сторону. Знание, понимание, прозрение пришли позже, по мере взросления.

Мы были пацанами, по сути, просто ещё детьми. И хотя нас всех, пусть в разной мере, «догнали» война и послевоенное время с его бесконечными проблемами, мы, понятно, далеко не так остро ощущали невзгоды, как старшее поколение. И, наверное, не до конца понимали, какими, без преувеличения, героическими усилиями «вытаскивали» они нас из войны и её последствий. Не ценили их подвиг не только потому, что юность – это «море – по колено», а пустяковые детские радости или размолвка с девочкой, в которую влюблён, всегда «пересилят» сообщения о гибели мира. Просто привыкли к заботе, и казалось, будто всё само собой разумеется.

А родители у нас (открытие!) были замечательные. Они самоотверженно (в точном смысле этого слова) оберегали наш покой, заботились, чтобы мы были сыты, пристойно одеты и обуты даже тогда, когда семья бедствовала за гранью нищеты. И пусть большинство из нас «пижонило» в курточках, сшитых из старой маминой юбки, и щеголяло в штанах, купленных на «вторичном рынке», проще говоря, на толкучке, и тщательно обработанных на предмет насекомых, − всё равно мы жили полноценной жизнью и были счастливы. И эта «внесемейная» жизнь была, главным образом, неотрывно связана со школой. И с уроками, и с развлечениями, коих было немного. Вечера отдыха, когда к нам приходили девочки из соседней школы или мы к ним. Уроки бальных танцев, спорт. Всё здесь! Гуляли вечерами по главной улице тоже школьными компаниями.

Одним словом, школа и была нашей жизнью. Если прочитаете книжку, поймёте, сколько там было замечательных ребят. И был там Витя Файн. Умница. Отличник. Всегда аккуратно одет и причёсан. Дружелюбен и готов помочь (кому надо – охотно давал списать). Пунктуален до безобразия. Его чистенькие, помещённые в обложки тетради и дневник, исписанные безупречно каллиграфическим почерком, доводили нас до бешенства, ибо именно их постоянно демонстрировала наша незабываемая Ираида Михайловна Владыкина, когда надо было упрекнуть нас в разгильдяйстве и неаккуратности.

И ещё, оказывается, наш дорогой Витька с присущей ему тщательностью вёл дневник. И по всем этим причинам, а также «по причине» его прекрасной памяти (завидую!) на свет появились эти воспоминания. Он пишет и о себе, и о своей замечательной семье (я хорошо помню его гостеприимных родителей). И о событиях, которые пришлось пережить. Но, не скрою, главное для меня (эгоизм?) – о нашей школе и нашей юности.

Спасибо тебе, Витька, за то, что напомнил мне о нашей, уже почти забытой, юности. Спасибо, что рассказал читателю о юности людей, которых сегодня осталось уже очень, очень мало.

М.М. Бабаев,
заслуженный деятель науки России,
доктор юридических наук, профессор

Вместо предисловия

Это повесть о моём детстве. О школьных годах, разорванных и омрачённых страшной войной. О школьных учителях. О школьных товарищах, дружбу с которыми мы пронесли через всю жизнь. О Ростове-на-Дону, городе моего детства и ранней юности.

Это не художественное произведение, и его не стоит оценивать с точки зрения литературных достоинств. Это документ. В нём нет места вымыслу. Даже все фамилии – подлинные. Я нисколько не заблуждаюсь относительно достоинств стихов, включённых в повествование. Это не поэзия. Это часть документа, только и всего.

Более того, это не просто воспоминания пожилого человека о своих школьных годах. Значительная часть этой документальной повести написана тогда, в конце 40-х – начале 50-х. Глазами участника описываемых по горячим следам событий.

Писать я начал с 10 лет. Мне хотелось писать, мне это было интересно. Моя фантазия била через край. Но я понятия не имел о той жизни, о которой фантазировал. Я смело брался за крупноформатные произведения – повести, романы, не имея представления даже о существовании законов жанра. Естественно, получалось плохо, и я это чувствовал. Возможно поэтому ни один из «романов» до конца так и не был дописан.

Потом я понял, что писать надо о том, что хорошо знаешь. А хорошо знал я единственное – мою школьную жизнь. Глазами школьника. Так возникла идея написать повесть о наших школьных годах. Я был уверен в том, что напишу эту повесть. Писал дневник и отдельные фрагменты повести.

Моим самым любимым предметом в школе была литература. Я с удовольствием писал сочинения, особенно на свободные темы. Наша классная руководительница Ираида Михайловна Владыкина, организовав литературный кружок, сделала меня его старостой. Мы издавали классный литературный журнал «Наше творчество», я был его редактором. Я пытался писать стихи и рассказы, некоторые из которых мой отец показывал профессиональным литераторам – для критики. Из вежливости они давали положительные отзывы, это их ни к чему не обязывало.

В будущем я видел себя журналистом, писателем.

Ни писателем, ни журналистом я не стал.

Я окончил химический факультет Ростовского университета, защитил кандидатскую диссертацию, занимался созданием новых химических производств. И никогда не жалел, что стал химиком.

Мне много приходилось писать. Шесть монографий, около двух сотен научных статей, материалы к полутора десяткам изобретений,

научные отчёты, литературные обзоры, техническая документация, отзывы о диссертациях. Брошюра «За связь пропаганды химических знаний с жизнью», изданная в Киеве издательством «Знание» в 1961 году, тексты публичных лекций, с которыми я выступал как лектор общества «Знание» и многое другое. Так что мои школьные литературные опыты напрасными не были.

Журналистская деятельность имела некоторое продолжение. Я редактировал стенгазеты, в том числе очень серьёзную университетскую стенгазету «Химик», которая два года выходила ежедневно. Сотрудничал с городскими газетами, которые охотно печатали мои материалы.

А заметки к автобиографической повести о школьных годах многие годы лежали, забытые, в моём архиве.

В 2000 году мы поняли: грядёт не только XXI век. Исполняется 50 лет со дня окончания школы, полвека. Потрясающий юбилей, такого в нашей жизни больше не будет. Нужно встретиться и отметить эту дату!

Я давно уже жил в Москве, а юбилейная встреча, конечно же, должна пройти в Ростове. Ростовские друзья взялись её готовить.

Я вспомнил о своих школьных дневниках, заметках, стихах. Нашёл их и, забыв обо всём, погрузился в чтение. Я уже знал, с каким подарком приеду в Ростов на встречу школьных друзей. Я объединил свои заметки, дневниковые записи, стихи, чуточку их *причесал*, немножко дополнил. Так родились «Страницы ненаписанной повести».

Увы, юбилейная встреча не состоялась. Возможно, мы забыли, что уже немолоды и не слишком здоровы.

Мои «Страницы» всё же дошли до адресатов и вызвали живой интерес и одобрение. В узком кругу школьных друзей мы собирались многократно. И каждый раз заходил разговор о «Страницах».

– Их нужно опубликовать в Интернете, – предложила Ирина Гвоздева, певица, поэт, Лауреат Всероссийского и Международного конкурсов, заслуженная артистка России, жена моего одноклассника писателя-сатирика Георгия Терикова.

– Но они писались совсем не для широкой публики, – возразил я.

– Это документ эпохи, – поддержала её Джемма, жена Юрия Голоднова, моего старого школьного друга.

А вот что написала мне Лиля Тащилова, моя школьная и университетская подруга: «Твои «Страницы ненаписанной повести»… могут быть опубликованы, они интересны для широкого круга читателей. Интересна сама описанная эпоха. Я очень благодарна тебе за «Страницы», я их перечитываю, мне они очень дороги».

Я задумался. Наверное, они правы. Моё повествование может оказаться интересным не только нескольким школьным друзьям и их жёнам. Но тогда нужно не ограничиться «Страницами», а доработать их и дополнить. Закончить ту самую «ненаписанную повесть». Так родилась эта документальная повесть.

Может быть, кто-то узнает себя или своих близких среди участников или свидетелей описываемых здесь событий, узнает неназванных лиц на групповых фотографиях, захочет что-то уточнить или добавить, располагает неизвестными мне фотоснимками. Или просто захочет написать отзыв. Для них я сообщаю свой адрес: vfain@mail.ru.

Довоенное детство

Война чётко и резко разделила моё детство на две части – до и после.

Я родился в Ростове-на-Дону 19 февраля 1933 года. В год, когда свирепствовал страшный голод, унёсший жизни сотен тысяч людей. Можно только догадываться, каких усилий стоило моим родителям, чтобы выжить самим, вырастить меня, сохранить своих родителей.

Потом был 37-й год. Отец рассказывал, что вокруг него почти ежедневно исчезали знакомые, а он сам каждую ночь ждал ареста. Пронесло.

Мой отец, Яков Михайлович Файн (1904-1984), начал свой трудовой путь в 1921 году учеником в электроцехе 2-го Таганрогского кожевенного завода. Только после окончания гражданской войны, в 1923 году сумел завершить среднее образование, с отличием окончив Таганрогский вечерний рабфак. В том же году его выдвинули на профсоюзную работу, а год спустя – освобождённым председателем завкома профсоюза Ростовского кожзавода № 5. В 1925 году его избрали зав. отделом Северокавказского крайкома профсоюза рабочих кожевенно-обувной промышленности в Ростове-на-Дону. С 1932 года работал инспектором труда ЦК профсоюза лёгкой промышленности по Ростовской области, Краснодарскому и Ставропольскому краям и республикам Северного Кавказа.

Доктор М.Х. Гутман с дочерью Зинаидой

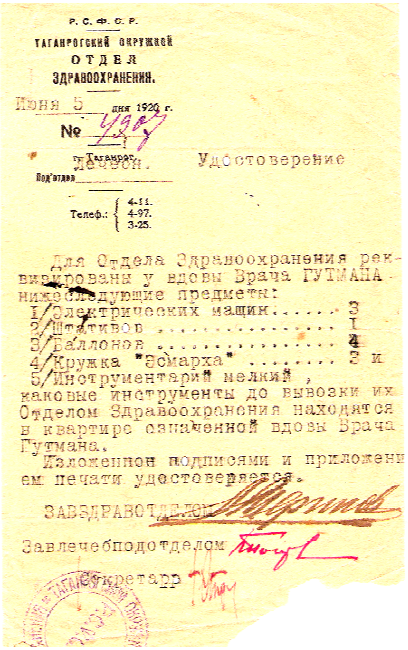
Работу отец совмещал с учёбой на вечернем отделении экономического факультета Ростовского университета (1924-1929), где получил диплом инженера-экономиста, затем на Ростовском вечернем отделении института инженеров по технике безопасности при ВСНХ (1932-1934), где приобрёл специальность инженера по технике безопасности.

Мой дед, отец мамы, был старшим сыном в бедной многодетной семье, обитавшей в Орше, что в Белоруссии.

Дорогу в жизни дед пробивал исключительно собственным талантом, упорством и настойчивостью. Медицину изучал

в Петербурге. Участвовал в Русско-японской войне. Интеллигент в первом поколении, он был известным таганрогским врачом. Лечил всех обращавшихся к нему больных, независимо от того, в состоянии ли они оплатить его труд. Человек высочайшей нравственной пробы, он подчас давал бедным пациентам деньги на лекарства, которые им выписывал. В марте 1922 года он погиб при исполнении служебных обязанностей: во время эпидемии сыпного тифа он руководил противотифозным госпиталем, заразился и умер. Мне очень жаль, что мы не встретились с ним в этой жизни.

Мамина мама, моя бабушка Розалия Иосифовна, зубной врач, происходила из большого, известного в Таганроге, богатого до революции рода Сабсовичей. Когда умер дед, советские городские власти в награду за его самоотверженный труд… реквизировали её зубоврачебное оборудование. Бабушка была очень больным человеком и после гибели мужа не в состоянии была возглавить осиротевшую семью. Я её не помню, она умерла в 1934 году, когда мне был всего 1 год.



Р. С. Ф. С. Р.
ТАГАНРОГСКИЙ ОКРУЖКОЙ
ОТДЕЛ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.

Июня 5 дня 1920 г.
№ 4207
Таганрог.
Лечебн. Удостоверение
Под'отдел
Телеф.: 4-11. 4-97. 3-25.

Для Отдела Здравоохранения реквизированы у вдовы Врача ГУТМАНА нижеследующие предметы:
1/Электрических машин..... 3
2/Штативов 1
3/Баллонов 4
4/Кружка "Эсмарха" ..... 3 и
5/Инструментарий мелкий ,
каковые инструменты до вывозки их Отделом Здравоохранения находятся в квартире означенной вдовы Врача Гутмана.
Изложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

ЗАВЗДРАВОТДЕЛОМ
Завлечебподотделом
Секретарь

Документ эпохи: удостоверение о реквизиции зубоврачебного оборудования

Старшая сестра мамы Лида вскоре вышла замуж, и мама воспитывалась в её семье. Муж Лиды, Аркадий Семёнович Тарханов

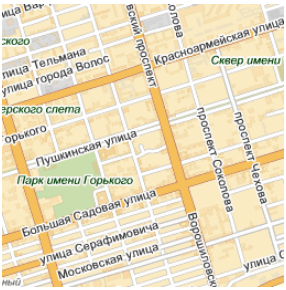
(1894-1946) – революционер, командир Конной армии Будённого, наживший туберкулёз на полях гражданской войны, талантливый организатор и честнейший человек, крупный советский хозяйственник – директор завода в Таганроге, затем советский торгпред в Берлине, Париже и Осло. Мама, Гутман Зинаида Моисеевна (1907-1981), жила в их семье до 1928 года, когда вернулась в Таганрог, чтобы выйти замуж за моего отца, которого знала едва ли не с детских лет. Мама работала экономистом Ростовского областного отдела коммунального хозяйства (Облкомхоза) и окончила в 1941 году заочное отделение Московского Планового института Госплана при СНК СССР по специальности «планирование промышленности».

Мои родители со своим единственным сыном. 1934 г.

О довоенном детстве у меня остались несколько смутных, обрывистых воспоминаний. Мы жили в новом большом, многоподъездном благоустроенном кирпичном доме неподалёку от гостиницы «Ростов», что на Будённовском проспекте. Таких домов с современными благоустроенными квартирами в Ростове было немного. До войны жилья строили мало, и жилищный фонд, в основном, состоял из дореволюционных построек. Большинство больших домов находилось в центре, на улице Энгельса (Большой Садовой). Чуть в сторону – небольшие, одно- и двухэтажные дома с *удобствами* в маленьких дворах, часто лишённых растительности. Мой отец был видным профсоюзным работником регионального масштаба, что, по-видимому, и способствовало получению квартиры в элитном доме.

Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

Наш дом располагался на улице Подбельского (№ 43) и занимал весь квартал между улицами Просвещения и Тельмана. На улице Просвещения находились склады. Окна нашей квартиры № 53 выходили на параллельную ей улицу Тельмана, где прямо напротив наших окон располагалась воинская часть. Таинственная жизнь военных казарм за проходной с неизменным часовым постоянно привлекала моё внимание. Было очень интересно и… опасливо: родители рассказывали мне, как случайный выстрел разбил нам окно и оставил вмятину в стене. Хорошо ещё, что никто не пострадал.



Фрагмент карты современного Ростова. Улица Просвещения теперь называется улицей города Волос. Левый перпендикулярный проспект – Будённовский. Правее него улица Подбельского.

Дом был расположен так, что внутри него был огромный двор. Раздолье для нас, пацанвы! Летом носились большими ватагами.

Играли «в войну», «в казаки-разбойники», «в жмурки», в чести была *чилика*.

Как-то играли мы «в жмурки». Была моя очередь *водить*.

– Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать! Кто не *заховался* – я не виноват!

В противопожарном ящике с песком я нашёл одну из *заховавшихся* – самую младшую участницу игры, девчушку лет пяти. Когда она вылезала из ящика, я заметил, что под платьем у неё нет трусов. Я громко засмеялся:

– Она без трусов! Ай-яй-яй, как тебе не стыдно!

Понурив голову, девочка побрела домой. Сначала я испугался, что вот сейчас выйдет её мама и *задаст* мне. Но мама не вышла. А мне стало страшно стыдно за такой некрасивый поступок. Так стыдно, что этот эпизод я запомнил на всю жизнь.

Двор окружал высокий кирпичный забор – башенки с двумя кирпичами наверху и между ними стена поуже и чуть пониже. Однажды в пылу очередной игры я полез через этот забор. Почти добрался доверху и там ухватился за кирпичи. А они, оказалось, не были прикреплены. Я свалился на землю, и один из кирпичей разбил мне голову так, что всё моё лицо залило кровью. Я не ревел, я просто очень испугался – того, что мама будет меня ругать. Мама не ругала, она-то испугалась куда больше меня и немедленно потащила меня в поликлинику для оказания первой помощи. И попросила меня никогда больше не лазить на забор. От этого кирпича остался шрам на правой брови.

Я ходил в детский сад. С детским садом связана глубокая травма, которую мне нанесли глупые взрослые. После обеда детей укладывали в кроватки для дневного сна. Кроватки стояли длинными рядами в большой спальне. Спать было обязательно, никакой возни не допускалось. И категорически не разрешалось выходить в туалет. *Оскандалившиеся* дети обязаны были при подъёме оставаться в своих кроватках. Однажды мне очень захотелось по малым делам. Терпеть я не мог, что же делать? Я пополз под кроватями подальше от своей кроватки, зажал между ногами ночную рубашку и… После подъёма я вынужден был остаться, и мне было мучительно стыдно.

Ещё одно детсадовское воспоминание. Кончилось лето, мы чуть повзрослели, и нас перевели из младшей группы в среднюю. Состоялось торжественное собрание, закончившееся шествием детей в новые, *старшие* комнаты. Меня поставили во главе теперь уже средней группы и сказали: «Веди!». И я повёл группу… по хорошо знакомому маршруту в комнату для младших.

О том времени сохранилась фотография:

В детском саду. Впереди меня – Алик По́ляк. После войны мы с ним учились в одной школе, а потом он стал известным в Ростове врачом-аллергологом, профессором

Уже в младшей группе детского сада я дружил с девочкой. Мама очень хотела, чтобы я с ней дружил. Её звали Мила Ма́лина. Наши мамы познакомились в роддоме (или в женской консультации?). Мила родилась на три недели раньше меня – 30 января. Дом, в котором она жила, находился напротив нашего дома, рядом с военной казармой. Насколько я помню, летом наш детский сад вывозили (или один раз вывезли?) на дачу. Там почти все дети переболели одной из детских болезней. И я, здоровый, трогательно ухаживал за заболевшей Милой – приносил ей горшок.

Отца Милы мобилизовали в первые дни войны и сразу же отправили на фронт. Вскоре пришла *похоронка*: он погиб в первом же своём бою. Позже моя мама даже сомневалась: действительно ли в бою? Сколько солдат погибло в первые недели войны в разбомблённых эшелонах, не добравшись даже до театра военных действий!

Когда мы вернулись в Ростов из эвакуации, я нашёл Милу. Их дом уцелел, и они жили в своей старой квартире. Я хотел возобновить старую дружбу и не нашёл ничего лучшего, как пригласить девочку в кино, на коллективный поход нашего класса. Когда мы пробирались к своим местам в середине ряда, занятого одноклассниками, один из них, Поляков, увидев незнакомую девочку, злобно зашипел:

– А ты, сучка, куда лезешь?

– Она со мной, это моя сестра, – вступился я.

– Божись! – почему-то изумился он, но от нас отстал.

Возобновления дружбы не получилось. Мы оба стали другими, и ничего, кроме воспоминаний раннего детства, нас уже не связывало.

У меня была няня – молодая девушка Ульяна, Уля. Не знаю, как сочеталась её работа с детским садом. Возможно, отдавая меня в детский сад, родители *преобразовали* Улю в домработницы. Но для меня она навсегда осталась няней, которую я любил. Родители очень доверяли Уле, и она это доверие оправдывала.

Мои родители были очень общительными людьми, у них всегда было много друзей и приятелей. Нередко в нашей квартире собиралась компания. Сборы гостей я любил. Когда приходило время, меня отправляли спать. Я уходил с большой неохотой, но режим дня соблюдался неукоснительно.

Одним из моих друзей был Боря Гольдман. Гольдманы жили в нашем доме, в их семье было 2 сына – старший Витя и Боря, мой ровесник. Мир тесен: после эвакуации мы с ним оказались в одном классе, вместе окончили школу. Много лет спустя виделись на встречах школьных друзей, в Москве и в Ростове. Видный врач-онколог, Борис Григорьевич Гольдман заведовал онкологическим отделением в Московской областной клинической больнице.

Рядом с домом была открытая киноплощадка, на которой вечерами *крутили* кино. Это было очень привлекательно, но… темнело летом поздно, и меня отпускали в кино неохотно. После просмотра кинофильма «Тимур и его команда» я был настолько восхищён этой картиной, что решил взять пример с тимуровцев и в отсутствие матери помыть пол. Взяв борщовую кастрюлю, я тряпкой размазал грязь по полу. После этого случая мама долго шутливо называла меня тимуровцем.

В 1940 году летом мы с мамой ездили отдыхать в Ворзель, курортное место под Киевом. Мама была во взрослом санатории, а я – в детском, рядом. Там было очень хорошо, и мне было комфортно: я чувствовал себя большим и самостоятельным. И мама была рядом. С Ворзелем у меня ассоциируется песня, которая была очень популярна перед войной, и её все время передавали по громкоговорителю:

Чайка смело
Пролетела
Над седой волной,
Окунулась
И вернулась,
Вьётся надо мной.

Ну-ка, чайка,
Отвечай-ка:
Друг ты или нет?
Ты возьми-ка,
Отнеси-ка
Милому привет.

(слова В. Лебедева-Кумача, музыка Ю. Милютина из кинофильма «Моряки»)

Во время войны наш дом был разрушен. Когда мы вернулись из эвакуации, я пошёл его посмотреть. Горько было видеть одни стены с пустыми глазницами окон. А двор оказался совсем не такой большой, каким он был в моей памяти. Это я вырос…

Совершенно не помню, какие оценки я получал в 1-м классе. Впереди были война, эвакуация, немецкая оккупация Ростова, гибель дома, в котором мы жили, – всё это стёрло из памяти воспоминания об оценках. Сохранилась только фотография. Худенький мальчик, сидящий с правого края в среднем ряду, – это я. Наверное, я не был в числе лучших учеников: таких обычно сажают в центре, поближе к учительнице. Не знаю, кто рассаживал детей – у фотографов иные критерии. Мальчик слишком невзрачен, чтобы занимать на фотографии почётное центральное место. Впрочем, скорее всего, это любительский снимок: бросаются в глаза его композиционные недостатки.

1-й класс «А» школы № 36 города Ростова-на-Дону. 1940 год.

Вот только был ли я действительно таким уж невзрачным мальчиком, как на школьной фотографии? Сохранился другой снимок, профессиональный, датированный тем же 1940 годом, с моей двоюродной сестрой Аллой, на 4,5 года младше меня. Дети очень даже не невзрачные…

Сегодняшний адрес школы: ул. Максима Горького, 115. Теперь это – гимназия с углубленным изучением английского языка. Была ли она до войны по этому адресу? И как родители отпускали меня в школу одного, если путь к ней преграждала магистральная Красноармейская улица с интенсивным транспортным движением?

Я рано научился читать и считать, и в 1-м классе у меня не было никаких проблем ни с чтением, ни с арифметикой. А вот тщательно выводить буквы мне было скучно и не интересно. Мои тетради по чистописанию скорее походили на *грязномарание*. Учительница пожаловалась родителям на мои каракули и попросила за мной проследить. Строгий отец усаживал меня делать уроки, а сам садился рядом с линейкой в руках. Нет, он не бил меня этой линейкой, но давление оказывал такое, что цель была достигнута.

Теперь в школе нет такого предмета – чистописания. Ученики не носят в школу белые фарфоровые чернильницы в маленьких полотняных мешочках с тесёмочкой. Не покупают металлические *перья ученические*, приспособленные к тому, чтобы писать *с нажимом*, прописывая толстые палочки букв, и *без нажима* для тонких соединительных линий между буквами. Закончилась изнурительная борьба с кляксами, приводящая в изнеможение добросовестных учеников. По закону подлости предательская клякса срывалась с пера чаще всего в конце приготовления домашнего задания, когда уже предвкушаешь спасительный конец. Тогда мама вынимала испорченный лист тетради, на его место вставляла новый, а упражнение приходилось переписывать. Недобросовестные ученики сдавали тетради с кляксами и получали двойки.

В средних классах у нас уже появились авторучки, и чернильницы были отправлены на заслуженный отдых. Впрочем, от клякс это не гарантировало: авторучка могла вдруг потечь в самое неподходящее время. В старших классах появились первые шариковые ручки. Однако они писали плохо – толсто и прерывисто.

Я благодарен своей первой учительнице за её строгие требования по чистописанию. Они позволили мне выработать неплохой почерк. Её имя память, увы, уверенно не сохранила. Кажется, Анна Ивановна.

В нашей хрестоматии, «Книге для чтения», были статьи о прославленных советских маршалах с их портретами. Однажды

учительница объявила нам, что мы должны заклеить портрет маршала Блюхера. Враг народа. Я, конечно, тогда не понимал, что происходит. Но было тревожно: как прославленный маршал мог оказаться врагом народа? Спрашивал отца, но он *вешал мне лапшу на уши* – боялся, что я *ляпну* что-нибудь в школе или во дворе.

Отец вообще умел *накрутить* такое, что вроде бы и ответил на вопрос, но ничего не понятно. Как-то Белла, сестра отца, назвала свой возраст таким образом, что он получился меньшим, чем у отца. Но я-то знал, что отец – самый младший. Обратился к отцу за разъяснением. Он «разъяснил» мне так, что всё правильно: и он – самый младший, и Белле столько лет, как она сказала. Уметь надо!

В мае 1941 года мама уехала в Москву сдавать сессию в своём институте, она вернулась в начале июня. Меня, чтобы не болтался на каникулах один дома, определили в детский сад. Восторга это у меня не вызвало: я ведь уже перешёл во 2-й класс – и вдруг назад, в детский сад! Но делать было нечего. Зато родители дали мне возможность самому ходить туда утром и самому возвращаться домой – уже ведь большой!

Однажды, когда я возвращался из детского сада и уже заходил во двор нашего дома со стороны улицы Просвещения, на меня неожиданно набросилась собака и укусила за голень. Мальчишки, игравшие у входа, мигом разбежались. Отец допытывался:

– Ты что, дразнил её?

– Нет, я просто шёл.

– Но не могла же собака ни за что тебя укусить!

Собака принадлежала сторожу соседнего склада и *имела репутацию* вполне мирного пса. Оказалось, что игравшие у входа мальчишки дразнили-таки собаку и даже кидали в неё камни. А тут и я подошёл. Собака приняла меня за одного из своих обидчиков. Хотя пёс и оказался мирным, 8 противостолбнячных уколов мне всё же сделали. Ежедневно ездил на трамвае в поликлинику.

Беженцы

Когда началась война, мне было 8 лет, отцу 37, маме 34.

Я очень хорошо помню тот воскресный день 22 июня 1941 года. Стояла отличная солнечная погода, и я пошёл в цирк на 11 или 12-часовое представление. Впервые в жизни – один. Цирк находился недалеко от дома, на Будённовском проспекте. Для меня это был праздник. Торжественные сборы. Утро было ещё прохладным, и мама надела мне поверх рубашки лёгкую летнюю курточку. В цирке мне стало жарко, я снял курточку, положил её на скамейку, а сам сел сверху. Представление было интересным и весёлым.

Довольный, в хорошем настроении я возвращался домой. На выходе спохватился: а где же курточка? Курточка осталась на скамейке в цирке. Кинулся обратно, но курточки уже не было. До сих пор помню, как я расстроился. Жалко было курточку, да и представлял себе, как мама станет ругать меня за то, что я такой *шляпа*.

Мама не ругалась. Совсем расстроенная, она встретила меня коротким, но ёмким и страшным словом: *война*!

Когда в 40-м году шла война Германии с Францией и Англией, я воспринимал её как нечто далёкое, ко мне отношения не имеющее. Сообщали о продвижении немецких войск во Франции, о бомбардировках Англии. Мне было это интересно, и я, несмышлёныш, «болел»… за Германию. Наверное, был в этом какой-то отголосок тогдашней пропаганды, после заключения пакта о ненападении с Германией. Как теперь всё изменилось!

Отец не стал ждать, когда его призовут «куда-нибудь». У него, несомненно, был талант организатора и большой опыт организационной работы. И он хотел быть там, где мог бы его применить. Знакомые врачи, которым было поручено организовать вывоз с фронта раненых и отправку их по госпиталям, позвали его с собой и организовали его призыв в *Распределительный эвакопункт* № 34, базировавшийся в Ростове.

Отец рассказывал мне, как это было сделано. Просто так взять его в эвакопункт было нельзя – *не положено*. Шла всеобщая мобилизация, кого и куда направлять решали военкоматы. Представитель эвакопункта пришёл к военкому: нужен специалист с такими-то качествами. Требования сформулировали *под отца*. Принесли несколько личных дел резервистов, стоявших на учёте. Среди них, конечно, оказалось и дело отца.

– Выбирайте!

В Эвакопункте отец возглавил транспортный отдел.

Из письма отца 17.01.42 г.:

Меня аттестовали техником-интендантом 2-го ранга. Это два кубика, в переводе на строевой язык – лейтенант. Так и передай сыну, ведь его этот вопрос очень волновал.

Потрёпанная фотография отца из служебного удостоверения 1941 года

Детсад вскоре закрыли, и я оставался дома один. В нашем большом дворе вырыли *щели* – глубокие траншеи, соединённые друг с другом под углом, частично накрытые навесом с трубами для забора воздуха. В них полагалось прятаться в случае воздушного нападения. Это была нелишняя предосторожность: соседство воинской части создавало дополнительную опасность жителям нашего дома. Но мы, пацанва, меньше всего думали о какой-то опасности. Войны мы ещё не понюхали. Там было сыро, холодно и темно. Но зато как интересно! Мы, мальчишки, все их облазили.

Всё население заставили сдать «на хранение» радиоприёмники, чтобы не слушали никакие «вражьи голоса, сеющие панику». Слушать полагалось только репродукторы радиосети. В архиве моих родителей сохранилась квитанция за сданный радиоприёмник. Конечно же, больше мы его никогда не видели.

Исторический документ: квитанция за сданный радиоприёмник

Потом всем раздали противогазы. Был противогаз и у меня, и меня учили, как правильно и быстро его надевать.

Родители оставили мне строгую инструкцию: если будет сигнал воздушной тревоги, хватать противогаз и бежать в щель.

Однажды я позвал своего друга Бориса Гольдмана, и мы устроили с ним «час отдыха». В пылу своей изобретательности вынесли на балкон подушки от дивана и патефон с пластинками. Уселись на подушках и завели патефон. Вдруг завыла серена, а по радио сообщили: «Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!» Мы побросали подушки на диван, занесли патефон. Я схватил свой противогаз, и мы пулей метнулись в уже хорошо знакомую щель. Про ботинки я забыл. Босым ногам в щели было холодно. Сесть там было негде. Пришлось бежать домой за ботинками. Страшно мне не было. Не знаю, была ли это учебная тревога или самолеты противника до Ростова не долетели, но вскоре *дали отбой*, и я вернулся домой.

Сводки с фронтов приходили тревожные. Фронт быстро и неумолимо приближался к Ростову. По малолетству я не понимал

толком, что такое война и какие последствия могут быть от неё для меня и моих близких.

В нашей школе разместили госпиталь, а нас перевели в другую школу. Учебный год начался с большим опозданием. Долго учиться не пришлось. В октябре, когда немцы заняли Мариуполь и приближались к Таганрогу, *объявили эвакуацию*. Семьи работников облисполкома и горисполкома в организованном порядке должны были вывезти на Кавказ.

Помню, как мы с мамой шли к огромному, недавно построенному Дому Советов на углу Энгельса и Ворошиловского проспекта. Там была *мамина работа*, и мама должна была решить какие-то вопросы, связанные с эвакуацией. По дороге завыла серена воздушной тревоги, и мы ускорили шаг. Навстречу бежали две женщины, и я заметил, как одна из них уронила паспорт. Я поднял его и, крича, бросился вдогонку. Как они меня благодарили! Можно себе представить, что означало остаться без документов в такое время.

Мама оставила меня в подъезде, велела никуда не уходить, а сама отправилась по своим делам. В это время прямо над площадью Дома Советов разгорелся воздушный бой: несколько наших истребителей отважно бросились навстречу немецким бомбардировщикам. Я высунулся из подъезда, поднял голову и заворожено наблюдал за боем. Но тут прибежала мама и утащила меня в подвал.

Конечно, я, восьмилетний мальчишка, не мог тогда осознавать, какой опасности себя подвергаю. Что самолёты там, в небе, не просто гоняются друг за другом, но ещё и стреляют. И кто знает, куда понесутся выпущенные ими пули. Я так и не узнал и никогда уже не узнаю, чем закончился тот единственный бой, который мне довелось воочию увидеть.

Когда мы уезжали, отца в Ростове не было, и все хлопоты, связанные с отъездом, легли на мамины плечи. Она побеспокоилась о тёплой зимней обуви для меня – заказала бурки и купила к ним калоши. Однажды попросила меня принести из обувной мастерской туфли, которые отдавала в починку. Оставила квитанцию и деньги для оплаты. Я всё сделал, как она велела.

– Ну, и где же туфли? – спросила она вечером.

Туфель не было. Вряд ли я их потерял по дороге. Скорее всего, просто забыл в мастерской, думая о чём-то своём. Всё-таки я был ещё маленьким…

Отец позвал Улю пожить в нашей квартире. До самой оккупации она писала ему письма.

12 октября 1941 г.[1] мы покинули Ростов. Эшелон, в котором мы отправлялись, был набит до отказа. Мы ехали в купейном вагоне, в нём было раз в 5 больше пассажиров, чем положено.

Вечером поезд взял курс на юг. Самое опасное было в начале пути. Немцы бомбили мост через Дон. Единственный железнодорожный мост, ведущий на Кавказ.

Мама накануне войны

Он находился непосредственно в городе, сразу же за вокзалом. На полном ходу поезд пронёсся по мосту. Потом сбавил ход и шёл страшно медленно, подолгу стоял. Когда проснулись утром, оказалось, что мы едем совсем не на Кавказ. Говорили, что впереди, где-то в районе станции Кавказская, немцы разбомбили эшелон, подорвали мост, и дорога на Кавказ закрыта.

Это было 13 октября. А вот как описывает станцию Кавказская спустя всего 4 дня очевидец, вырвавшийся последним эшелоном из Таганрога за несколько часов перед захватом его немцами 17 октября (Авраам Гальперн. Мой Таганрог. Историко-литературный альманах «Вехи Таганрога», № 18, 2001, с. 43): «Проехали только что разбомблённую станцию Кавказская. На путях стояли горящие вагоны, на земле лежали трупы людей…».

Так, вместо Кавказа, мы попали в Зимовники, районный центр на востоке Ростовской области, на границе со Сталинградской областью. Так оборвалась наша связь с отцом, который долго не мог нас найти в хаосе первых месяцев войны.

В Зимовниках мы пробыли примерно неделю. Видимо, руководство никак не могло решить, куда деваться облисполкому, его работникам и их семьям.

Однажды мама привела меня в школу. Пауза затягивалась, а ребёнку нужно учиться. Хорошо помню один из двух уроков, на которых я успел побывать в зимовниковской школе. Урок чтения.

---

[1] По картотеке Центра розыска и информации Российского Красного Креста, располагающим сведениям об эвакуированных в годы войны, мы эвакуировались 25 октября. Карточка составлена 25 июня 1942 г., и под ней стоит подпись моей мамы, т.е. запись сделана в Малой Вильве. Дата 12 октября известна мне точно. Началом эвакуации посчитали не организованный отъезд из Ростова, а наше самостоятельное бегство, уже из Зимовников.

Рядом со мной девочка, перед ней учебник. Ученики один за другим бубнят что-то почти по складам, запинаясь и заикаясь. Никак не могу понять, что они читают: заглядываю в учебник девочки, а там – не то. Тихонько спрашиваю, что задавали. Показывает в своём учебнике полстранички. Оказалось, у учеников два разных учебника, и каждому задают текст по тому учебнику, который у него есть.

– А теперь посмотрим, как новенький читает, – сказала учительница и дала мне учебник с совсем новым для меня текстом.

Когда я стал бегло его читать, это вызвало у всех изумление. А удивляться надо было другому: как же учили этих детей, если во 2-м классе они всё ещё читали по слогам! Интересно, пришла ли эта очевидная мысль учительнице или она увидела в рядовом ростовском школьнике вундеркинда?

На следующий день мы уехали в Сталинград.

Мы бежали от войны, а война быстро двигалась вслед за нами. 21 ноября 1941 года немцы заняли Ростов. Началась первая, 9-дневная оккупация города. В своих низовьях Дон течёт с востока на запад, преграждая дорогу на Кавказ. Ростов, расположенный на правом, северном берегу Дона, немцы заняли, а форсировать Дон тогда не смогли. Через 9 дней, в результате контрудара наших войск Ростов был освобождён. Вместе с Тихвинской операцией под Ленинградом это были самые первые успехи советских войск в войне.

Конечно, мы не могли знать, что в Сталинграде начнётся одно из самых кровопролитных и судьбоносных сражений войны.

Начался наш долгий, долгий путь в Молотовскую (Пермскую) область, в Малую Вильву, где уже была мамина сестра Лида.

Великое переселение народов. Миллионы людей, бегущих от войны. Сейчас это назвали бы *гуманитарной катастрофой*.

Сначала мы плыли на барже вверх по Волге. Баржа была битком наполнена людьми. Скученность невероятная. Боялись налётов гитлеровской авиации. Ходили страшные слухи о разбомблённых эшелонах с беженцами, расстрелах разбегающихся людей из пулемётов штурмовиков, огромных жертвах.

Помню, как молодой парень отсасывал молоко из груди женщины, потерявшей на дорогах войны грудного ребёнка. Грудь была переполненной, а парень несколько дней ничего не ел…

Самой большой проблемой был туалет. Крохотный туалет баржи не мог справиться с такой массой людей, к нему постоянно стояла огромная очередь. И все сколько-нибудь укромные места на барже были основательно загажены.

Видимо, у мамы были с собой кое-какие деньги, и она пыталась хоть как-то скрасить мне тяжёлый путь. Договорившись с кем-то

из команды, она поместила меня на полку в небольшой каюте. Сама же осталась снаружи, в общей толпе. В каюте было тепло и уютно.

Волгой мы плыли до Владимировки. Затем железнодорожный эшелон очень долго вёз нас на восток. Мы ехали в небольшом товарном вагоне, *теплушке*. Поперёк вагона, на некоторой высоте были сделаны большие деревянные нары. Их покрывали одеялами, и это были элитные спальные места для детей и стариков. Остальные сидели, лежали внизу, на полу, где дуло и было холодно. В углу стояла железная печь-*буржуйка,* которую топили, чем бог послал.

Меня поместили на нары, там было очень тесно и очень душно. Там же высаживали маленьких детей на горшок. Как-то ночью я, сдавленный с двух сторон телами, не выдержал и слез к маме. Мама принялась отвоёвывать для меня территорию. Положила наше одеяло, на котором я спал, так, чтобы у меня была сносная спальная полоска. И отмела предложение соседей, чтобы я частично залезал на их одеяло…

Уже наступила зима. Эшелон шёл страшно медленно, подолгу стоял на станциях, полустанках, а то и вовсе в чистом поле. И никто не знал, сколько времени он простоит – несколько минут или несколько дней. Боялись отстать от эшелона. Когда поезд останавливался, люди высыпали из тесных вагонов. На станциях бегали за кипятком. И опять самой острой была проблема туалета. Все станции были страшно загажены. В укромных местах справляли нужду одновременно несколько человек. Использовали даже промежутки между двумя железнодорожными путями, где стояли два эшелона. Прилюдно справлять нужду было большим стрессом, но выбора не было.

Однажды эшелон остановился на ровном месте, и я отбежал от него несколько метров по снегу. Вдруг гудок – и поезд тронулся. В испуге бегу обратно. Когда залез в теплушку, оказалось, что с бурки свалилась и потерялась одна калоша. Это была катастрофа: без калош ходить в бурках нельзя, а другой зимней обуви у меня не было. К счастью, поезд через десяток метров снова остановился, и мама нашла в снегу мою калошу.

В одной теплушке с нами ехал мальчик, года на 2 старше меня. Мама сказала, что он – мой троюродный брат. Я не помню, что это было за родство. Троюродный брат – значит родственник, которого положено любить. Я ластился к нему, а он посмеивался над этими *телячьими нежностями.*

…В 1948 году, на Торжественном акте в нашей школе, посвящённом окончанию учебного года, мама указала мне на Голянского, который учился на класс старше меня:

– Это тот самый твой троюродный брат.

Мы друг друга не узнали. Знакомство не возобновляли.

Поезд остановился у красивого здания свердловского вокзала. Приехали.

Свердловск встретил нас негостеприимно: в вокзал нас не пустили, пришлось несколько часов просидеть на сорока-пятиградусном морозе. Мама разыскала Аркадия Семёновича Тарханова, мужа её сестры, у которого мы прожили около месяца. Свердловск остался в моей памяти в виде большого замёрзшего пруда перед большим зданием оперного театра. Дядя Аркадий переправил нас в Малую Вильву.

Из сочинения, написанного в 1947 г.

Утро 25 декабря 1941 года. Я сидел в помещении маленького Кизеловского вокзала и ждал, пока мама договорится с двумя нашими попутчиками, когда ехать дальше. Мы должны были попасть на разъезд Косая Гора, в 18 километрах от Кизела. Пригородный поезд, который останавливался на этом разъезде, шёл в 6 часов вечера, а сейчас только 9 часов утра. А от Косой Горы до Малой Вильвы ещё 7 километров. Решили ехать на порожняке, пустом товарном поезде, который шёл через этот разъезд. Попутчики, двое мужчин, договорились с начальником станции, и тот приказал машинисту остановить состав на Косой Горе на 1 минуту.

Ехали в старой, грязной, как плохой свинарник, теплушке. Через многочисленные дыры и щели дул пронизывающий до костей холодный ветер. Я сидел на большом тюке с бельём, мои ноги были плотно укутаны чужим полушубком. Тем не менее, почти за час пути я порядком замёрз. У нас всё было готово для мгновенной высадки: вещи стояли у самых дверей, и мы были готовы в любую минуту столкнуть их в снег и последовать за ними. Попутчики знали эти места. Они стояли у слегка приоткрытой двери теплушки и следили за дорогой.

– Во-он она, Косая Гора. Пора!

Я освободил свои ноги от полушубка и подошёл к двери. Из-за поворота показались несколько белых домиков и железнодорожная будка. Разъезд проплывал мимо, а поезд ходу не сбавлял. Зелёная лавина леса, покрытая золотистым от яркого солнца пушком снега, наплыла на разъезд и скрыла его от наших глаз.

– Проехал, чёрт! – выругался попутчик.

Прошло еще минут 5. Паровоз вдруг застопорил ход, яростно зашипел и едва не остановил состав. Сразу же все мешки, чемоданы, тюки и, наконец, мы сами – всё полетело в снег, пробивая глубокие сугробы. Я очутился по шее в снегу, рядом с каким-то чемоданом. Еле выбрался на узкую твёрдую полосу снега между рельсами одноколейки.

Вокруг тянулась бесконечная тайга, утопающая в снегах. Красивые стройные ели и пихты стояли гордо, широко раскинув свои пушистые ветви. Сосны тянулись вверх, к солнцу. Голые, без единой веточки стволы выносили ввысь колючие косматые головы. Беленькие берёзочки скромно жались на опушке леса. Вдоль полотна железной дороги шла узкая открытая полоса снежных сугробов, в которых чернели сброшенные нами вещи. Вокруг – ни души.

Собрали вещи и по шпалам медленно стали пробираться в сторону разъезда. От Косой Горы мы отъехали километров на 5, но эти километры давались нам с большим трудом. Мы переносили часть вещей метров на 50, затем возвращались за остальными. Промучились часа 4, а не прошли и полдороги. Тогда мы с мамой решили, бросив вещи, идти на разъезд, чтобы взять санки. Там нас, оказывается, уже ждали. Огромного роста дед с большой бородой, в лаптях и полушубке, трижды обвитом лыковой верёвкой, взвалил на свои огромные сани наши вещи и неспешно побрёл к Косой Горе.

Темнело, но мы уже мчались на санях по узкой просёлочной дороге к Малой Вильве.

Судя по этому рассказу, железная дорога Кизел – Александровск была весьма пустынной: за полдня, пока мы *пробивались* по шпалам к Косой Горе, по ней не прошёл ни один состав. А вдоль неё не было ни дороги, ни пешеходной тропки, одни сугробы.

Те самые края. Дорога в Башмаки (бывшая узкоколейка). Автор фотографии − grigorjew. Башмаки – посёлок недалеко от Кизела, в направлении к Малой Вильве.

Нам очень повезло: война, самая кровопролитная в истории человечества, не затянула нас в свои жернова. Нас не сожгло адское пламя геноцида евреев в Ростове. Мы уехали из Ростова до начала его регулярных бомбёжек. Благополучно миновали самое опасное место – железнодорожный мост через Дон. Немцы разбомбили не наш эшелон, а тот, который шёл впереди. Сорвалась наша эвакуация на Кавказ, и мы не попали под немецкое наступление летом 1942 года. Мы не застряли в Зимовниках или в Сталинграде, вовремя покинув

места, где потом разыгралась Сталинградская битва. Нашу баржу не разбомбили на Волге. Нам удалось попасть в один из эшелонов с беженцами, уходящим на восток. На нас не падали бомбы и снаряды. Мы не видели живых оккупантов. И тот воздушный бой в небе Ростова, за которым я наблюдал из Дома Советов, остался единственным боевым действием войны, происшедшим на моих глазах. И лишь на исходе войны мы узнали, что наша семья всё-таки отдала страшную дань фашистскому нашествию: в Таганроге погибли наши близкие, в том числе родители отца − Михаил Леонтьевич (1869 – 1941) и Анна Ефимовна (1877-1941).

17 октября 1941 года фашисты захватили Таганрог. Говорят, что в самом начале войны в Таганроге ходили слухи о том, что фашисты будут истреблять евреев. Достоверной информации об этом не было. Много лет спустя стало известно, что в правительство поступали донесения об уничтожении евреев на оккупированных территориях, но их засекретили. Сколько жизней спасло бы обнародование этой информации!

Таганрог стал местом одной из первых акций гитлеровцев по тотальному уничтожению еврейского населения.

Большинство жителей Таганрога не смогло эвакуироваться из города: было объявлено, что Ростовская область окружена, и эвакуация невозможна.

На следующий день после начала оккупации ортс-комендантом города был назначен капитан Альберти, который 19 октября 1941 г. приказал евреям под угрозой расстрела зарегистрироваться и носить нарукавные повязки с жёлтой шестиконечной звездой, а 26 октября опубликовал «воззвание к еврейскому населению города Таганрога», которое распространялось в виде листовок на заборах. Г.В. Гофман («Герои Таганрога». Документальная повесть. – Ростов н/Д: Росткнигоиздат, 1972. С. 37-38) дословно цитирует это воззвание:

«В последние дни имелись случаи актов насилия по отношению к еврейскому населению со стороны жителей-неевреев. Предотвращение таких случаев и в будущем не может быть гарантировано, пока еврейское население будет разбросанным по территории всего города. Германские полицейские органы, которые по мере возможности соответственно противодействовали этим насилиям, не видят, однако, иной возможности предотвращения таких случаев, как в концентрации всех ещё находящихся в Таганроге евреев в отдельном районе города. Все евреи города Таганрога будут поэтому в четверг, 30 октября 1941 года, переведены в особый район, где они будут ограждены от враждебных актов. Для проведения в жизнь этого мероприятия все евреи обоих полов и всех возрастов, а также лица из смешанных браков евреев с неевреями должны явиться в четверг, 30 октября 1941 года, к 8 часам утра на Владимирскую (при советской власти Красная) площадь города Таганрога.

Все евреи должны иметь при себе документы и сдать на сборном пункте (школа № 26) ключи от занятых до сих пор ими квартир. К ключам должен быть проволокой или шнурком приделан картонный ярлык с именем, фамилией и точным адресом собственника квартиры. Евреям рекомендуется взять с собой ценности и наличные деньги; по желанию можно взять необходимый для устройства на новом местожительстве ручной багаж. О доставке остальных оставшихся на квартире вещей будут даны дополнительные указания. Беспрепятственное проведение в жизнь этого распоряжения – в интересах самого еврейского населения. Каждый препятствующий ему, а также данным в связи с этим указаниям еврейского совета старейшин берёт всю ответственность за неминуемые последствия на самого себя».

…30 октября 1941 года происходило уничтожение евреев под руководством Альберти… на Петрушиной косе (Петрушанская балка, где до войны добывали глину для кирпичного завода, «Балка смерти») на западной окраине города (завод имени Дмитрова). Их расстреляли в первые же дни (в самый первый день 2-3 тысячи человек), в последующие дни вылавливали не явившихся евреев и убивали их там же. Евреев вывозили на машинах и гнали пешими колоннами. По свидетельству рабочего завода «Красный котельщик» Михайлова, за город прошло 13 колонн евреев по 400-500 человек, не считая машин, количество которых было трудно точно подсчитать. …По официальным данным, в «Балке смерти» погибло 6975 человек, а всего в Таганроге уничтожено около 10 тысяч человек».

Знали ли таганрогские евреи, собираясь по приказу коменданта 30 октября 1941 года на Красной площади, что идут на смерть? Скорее всего, не знали. Мерзкая ложь оккупантов о защите от актов насилия со стороны нееврев упала на благодатную почву: ещё живы были в памяти еврейские погромы начала XX века, да и грабежи перед приходом немцев, возможно, не миновали еврейские семьи. К тому же разовое уничтожение всего еврейского населения города – акция, слишком чудовищная, чтобы её можно было предвидеть. А когда поняли, что их ждёт, было уже поздно.

В анкетах и автобиографиях, которые в сталинские времена сопровождали каждый жизненный шаг советского человека, обязательно нужно было указывать, был ли на оккупированной территории. Пребывание в оккупации – несмываемое пятно в биографии. Считалось: остался на оккупированной территории – значит, сделал это добровольно. И ещё вопрос, не сотрудничал ли с оккупантами. Сотрудничеством считалась любая работа *при немцах*, даже чтобы не умереть с голоду. Конечно, были и такие, кто оставался добровольно и, действительно, помогал оккупантам. Но подавляющее большинство попало в оккупацию в результате крупных поражений советских войск в первые месяцы войны. Фашисты появлялись там и тогда, где и когда их никто ещё не ждал.

Малая Вильва

Детский санаторий ВЦСПС, принявший эвакуированных, был расположен в очень живописном месте, в верховьях реки Вильва (в переводе с коми-пермяцкого языка виль – свежая, ва – вода). Вильва – это бассейн реки Кама. В том месте – довольно мелкая, но сильно набухающая во время весеннего половодья. В низовьях – бурная река с порогами, на которой ныне проложены маршруты экстремального сплава на катамаранах.

Маркером показано место расположения деревни Малая Вильва.
http://www.karta-russia.ru/permskaiy_malaya-vilva/

Холмистая местность, частично открытая, но, в основном, покрытая лесом. Примерно в километре вниз по течению, на другом берегу реки – деревня Малая Вильва, где располагалась наша школа.

В Малую Вильву жену Лиду и дочь Соню *пристроил* Аркадий Тарханов при эвакуации из Москвы. 18-летнюю Соню мы там уже не застали, она вернулась в Москву. В Малой Вильве Соня два месяца работала в колхозе и очень надеялась на продукты, которые ей должны были выдать *за трудодни*. Но Лиде выдали лишь ничтожную часть того, что заработала Соня.

Вскоре после нашего приезда восстановилась связь с отцом. Мы не знали, что отец находится в Армавире, а он не ожидал, что мы

направимся на Урал. Наводил справки у кого только мог. Написал и Лиде в Малую Вильву. Письма отцу и от отца были важнейшим элементом нашей жизни. Нередко письма приходили с опозданием, иногда по 2-3 сразу. Но разве можно ругать почту за это?! Работа почты в военное лихолетье – это настоящий подвиг.

Из письма отца. 17 января 1942 г. После многократных попыток разыскать вас письмами и телеграммами я выехал в Зимовники, но безрезультатно. Розыски тебя – это своеобразное приключение с участием в нём не менее 50 человек.

Типичная панорама окрестностей. Июнь 2010 г. Фото Богдана Кокорина
(http://www.drive2.ru/cars/uaz/3151/3151/baga/journal/4062246863888405445)

Зимой, в начале 1942 года, когда положение на фронтах улучшилось, отец активно звал нас к себе, в Армавир. Ждали весны, когда вскроются реки, и можно будет водой добраться от Молотова до Сталинграда, а там до Армавира уже недалеко. Полагали, что этот путь будет наименее болезненным. Отец даже комнату в Армавире для нас снял и ремонт в ней делал. К счастью, уехать мы не успели. Летом 42-го немцы прорвали фронт, заняли Армавир, добрались до Кавказских гор, началась знаменитая Сталинградская битва. В этом *пекле* нас только и не хватало…

Уже после войны отец рассказал мне, что летом 1942 года, когда фашистские орды ринулись на Кавказ, он дни и ночи мотался по городам и весям в поисках хоть какого-нибудь транспорта для эвакуации госпиталей. В суматохе погрузки раненых в только что приведенный отцом поезд его вдруг окликнул мальчонка моих лет, лежавший с оторванной ногой:

– Дядя Яша! Спасите меня! Я с Вашим Витей во дворе играл…

Отцу стало страшно от одной мысли, что на месте этого мальчишки мог оказаться я.

Мальчишку погрузили в поезд, который успели отправить в самый последний момент, когда немцы уже входили в город, оставленный нашими частями.

Отец называл мне имя этого мальчишки – я, действительно, играл с ним до войны. Его дальнейшая судьба осталась нам неизвестной.

Однако вернёмся в Малую Вильву. Отдельной комнаты у нас не было, был какой-то *угол*, вокруг жило довольно много людей. Несомненно, маме было нелегко организовать наш быт.

Я не знаю, на каких правах нас приняли в этот санаторий. Отец в своих письмах очень беспокоился, не выгонят ли нас оттуда. Отец сообщал, что его зарплата – 500 рублей, из которых 150 отправляли семье *по аттестату.* Отец постоянно спрашивал, получает ли мама эти деньги. За пребывание в санатории мама ежемесячно платила 180 рублей, и отец регулярно *добавлял*. А мама искала какую-нибудь работу для себя и была довольна, что удалось *устроиться* в школе. Довольной должна была быть и школа, где мама была одной из самых образованных и грамотных учителей. Преподавала она сначала во 2-м и 4-м классах, затем в 5-7-х классах арифметику и немецкий язык, которым мама хорошо владела.

В санатории нас худо-бедно кормили. Какое-то продовольствие получали по карточкам, немного и нерегулярно. Тем не менее, мы не голодали. В большом дефиците были сахар, соль и мыло. Вместо сахара часто выдавали конфеты-леденцы, сразу на целый месяц. Помню девочку, которую мама послала получить сахар на месяц, а та по дороге домой *слопала* все полученные конфеты.

Летом с питанием было проще – дары леса были большим подспорьем. Вокруг росло много щавеля. Напротив деревни были огромные заросли чёрной смородины, никогда в жизни не видел такого количества. Поляны вокруг санатория были красными от обилия земляники. В лесу, подальше от нас, был большой малинник. Мы ходили туда с мамой с большим берёзовым лукошком, наполняли его малиной и наедались сами. Жаль, не было сахара для переработки всего этого изобилия. Лида сварила себе как-то стакан малинового варенья и потихоньку его ела. Мне тоже хотелось, но я на него не претендовал – понимал, что могу поесть ягод в лесу, а она со своей больной ногой ходить в лес была не в состоянии.

Осенью мы ходили с мамой по грибы. На опушке леса *водились* маслята. На *просеке* вокруг пней росли огромные колонии опят. Их не *собирали,* а *набирали* в нужных количествах. Другие грибы мы собирали в лесу. Никакого опыта у нас с мамой не было,

и собирать грибы мы не умели. За нами увязывалась собака Норка, которая учила нас находить грибы. Она садилась возле гриба, лаем звала нас к себе и с укоризной смотрела, если гриба мы все-таки не замечали.

Я часто потом вспоминал лесное изобилие Малой Вильвы и очень хотел ещё туда попасть. Не пришлось. Конечно, мне не дано было знать, какой зловещий подтекст оказался у этого желания. Лишь недавно мне стало известно, что после войны в этих краях были развёрнуты лагеря КизелЛАГа.

Весной мы вскопали маленькую грядку, посадили редиску и ещё какую-то зелень. Только из наших сельскохозяйственных опытов мало что получилось. То ли из-за отсутствия опыта, то ли детвора не дала вырастить.

Зимой для ребятни тоже было полное раздолье. Детей было много, практически все были с детьми. Одного мальчика прозвали *мерином*. На вопрос: «Ты чей?» он отвечал: «Мерин». Его мать звали Мери.

Нигде и никогда я не видел больше такого количества снега. Вокруг протоптанных дорожек возвышались сугробы с человеческий рост. Во дворе стояла высокая перекладина, к которой летом привязывали качели. Мы забирались на самый верх и прыгали в сугроб. Под снегом строили целые города: снежные пещеры, пол которых устилали мягкими ветвями пихты, длинные подснежные переходы между ними. Строили снежные баррикады, из-за которых обстреливали «противника» снежками.

Не помню уже, где и как мама умудрилась достать для меня санки, коньки и лыжи. Сколько сил она приложила к тому, чтобы в эвакуации у меня был минимум тягот!

Рядом с домом находилась горка, с которой я катался на санках. Вокруг по лесу была проложена лыжня, и я научился ходить на лыжах. (В Ростове снега практически не было, и лыж мы не знали). Как-то мчался по лыжне с горы и вдруг заметил впереди трамплин. Объезда не было, прыгать я не умел, да и не знал, большой ли трамплин. Счёл за благо повалиться на бок в снег.

Ранней весной, когда пригревало яркое солнце, на поверхности снега образовывался твёрдый *наст*. По нему можно было ходить, практически без риска провалиться в глубокий снег.

Раз в неделю в санатории топили баню. В какие-то часы мылись немногочисленные мужчины, в основном, подростки, в какие то – женщины с детьми. Мама осталась очень недовольна моим первым опытом самостоятельной помывки. К тому же я ещё и умудрился потерять дефицитный обмылок. В следующий раз она взяла меня с собой. Мне было весьма неуютно в обществе голых женщин,

тем более что среди детей находились и некоторые мои одноклассницы. Мы усердно старались не замечать друг друга. В условиях маленькой баньки, где одновременно моется много народу, это получалось плохо. Как ты будешь *не замечать* ровесницу, которая моется совсем рядом с тобой?

Конечно, памяти свойственно удерживать всё хорошее и забывать плохое. О Малой Вильве у меня остались хорошие воспоминания.

Семилетняя школа в Малой Вильве была очень маленькой, и учеников в ней было мало. Даже несмотря на то, что эвакуированные существенно увеличили их количество. Учеников 5-7-х классов было совсем мало. Не помню, чтобы на переменах стоял обычный для школ гвалт, а дети носились по школьным коридорам. Да были ли в этой школе коридоры, по которым можно было носиться?

Каждая из двух учительниц начальных классов одновременно работала в одной классной комнате с двумя классами: 1-й и 3-й, 2-й и 4-й. Когда у одного класса был письменный урок и ученики трудились над *упражнением* или решали задачи, у другого класса был устный урок – отвечали домашнее задание и выслушивали объяснение учителя. Нередко я, быстро выполнив письменное задание (или попросту забыв про него), заслушивался тем, что учительница рассказывала 4-му классу, и даже *вылезал* со своими вопросами.

Уровень требований в этой школе был весьма низким, учителями работали случайные люди. А где в такой глуши в военное время можно было найти настоящих учителей? Учиться мне было легко. Несмотря на то, что я пропустил половину учебного года, 2-й класс я окончил с Похвальной грамотой *за отличные успехи и примерное поведение*. Только потом, когда мы приехали в Молотов, и позже, по возвращении в Ростов, я узнал истинную цену своим маловильвенским пятёркам. Но та моя первая Похвальная грамота дорога мне тем, что она подписана двоими: директором школы О. Полянской и учителем З. Гутман. Моей мамой. Не помню уже, почему на ней нет подписи той моей учительницы.

Похвальная грамота – под № 4. Значит, были выданы как минимум ещё три. Интересно, сохранились ли другие документы Маловильвенской школы военных лет?

Степень грамотности учителя, заполнявшего эту грамоту, выдали две грамматические ошибки, допущенные в 7 словах документа: «КизИловского» и отсутствие склонения фамилии Файн…

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученику II-го класса Малой Вильвенской школы Казиловского р-на Молотовской обл. Файн Виктору

ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

М. Вильва 21 - мая 1942 г.

№ 4

Тетрадей не было. Мы писали между строк на старых газетах. Да и газеты экономили – откуда их могло быть много в Малой Вильве? Можно только удивляться тому, что я вконец не испортил почерк, который мне настраивал отец с линейкой в руках. Но иногда отцу удавалось переслать мне несколько тетрадей.

Помню, как учительница, не глядя, тыкала указкой в карту, висевшую за её спиной – она и сама в ней плохо разбиралась. Или рассказывала нам о том, как в лесах под Ростовом действовали партизаны.

– В каких лесах? – изумлялся я, – под Ростовом нет лесов, где могли бы прятаться партизаны.

Учительница, прожившая всю жизнь среди лесов, даже не подумала о том, что где-то их может и не быть.

Мама, преподававшая в той же школе, рассказывала, что одна из учительниц не раз обращалась к ней с предложением:

– Мосевна, давай я тебе дров наколю, а ты мне задачки порешай. Такой альянс устраивал обе стороны.

В школу я ходил сам. Поздней весной и ранней осенью переходил речку вброд. Этот брод мы все хорошо знали, и мама за меня не тревожилась. Зимой шли по льду. Был случай, когда я, переходя речку по льду, провалился ногой в прорубь и вынужден был вернуться домой. Бывало, ходил в школу на лыжах. Однажды задержался в школе на какой-то репетиции и возвращался домой на лыжах уже вечером. В темноте налетел на занесенную снегом корзину и сломал лыжу. Какое это было огорчение!

Были периоды, когда в школу было не попасть – в начале замерзания зимой и перед вскрытием, во время ледохода весной. В это время нам устраивали каникулы. Но маме, учительнице, приходилось вышагивать по грязи в обход, по мосту, находившемуся в 4 км вниз по течению. Осенью, когда вода становилась холодной, и весной, когда речка очищалась ото льда и, полноводная, неслась

быстро и мощно, нас перевозили через неё на *душегубке*, лодке без скамеек и вёсел. Её *вели*, отталкиваясь шестом от дна.

Мы, мальчишки, внимательно следили за событиями на фронтах. В школе была карта, на которой флажками отмечали движение линии фронта. Меня не миновали романтические мечты о фронте. Попасть бы на фронт, а уж там мы фашистам покажем! С кем-то из мальчишек у меня был даже *заговор*: мы хотели *стащить* в школе малокалиберную винтовку, стрелять из которой, конечно, не умели, неизвестно, где и для чего взять гитару, играть на которой тоже не умели, и бежать на фронт. Осуществить столь злодейские замыслы я, конечно же, никогда бы не решился. Да и не было у них ни малейшего шанса осуществиться. Мы даже не задумывались над тем, как такие пацаны, да ещё без денег, доберутся не то, что до фронта, а хотя бы до Кизела.

Заболевать в Малой Вильве было опасно – врачей вокруг не было. Помню, как погиб от перитонита мальчик, которому некому было сделать срочную операцию при гнойном аппендиците. Когда у мамы разболелся зуб, она пешком отправилась за 12 километров в ближайший город Александровск.

Весной 42-го я… влюбился. А почему бы и нет? Мне уже было целых 9 лет! Причём влюбился не один, а вместе со своим приятелем Геркой Соколовым. Предмет нашего совместного обожания – маленькая хорошенькая чёрненькая 8-летняя девочка в бархатном пальтишке – Эмма Тимошенко, москвичка, участница наших детских игр. Мы с Геркой не считали себя соперниками, нам и в голову не приходило ревновать друг друга. Мы решили действовать совместно. Из берёзовой коры ножичком старательно вырезали буквы: Эмма, мы тебя любим.

Однажды я сбежал с горки за Эммой, догнал её на аллее, ведущей из санатория к большой дороге, и спросил:

– Эмма, ты *нас* любишь?

Мне очень легко было задать этот вопрос, я ничего *неудобного* в нём не усматривал. Даже это *нас* не смущало меня.

Потупив головку, она ответила:

– Тебя – люблю, а Герку – нет. Только не говори ему об этом.

Я даже огорчился тогда за товарища. Но, удовлетворённый ответом, тут же побежал обратно, а Эмма пошла дальше. Такое вот объяснение в любви…

Её просьбу не говорить Герке я не выполнил, и Эмма укоряла меня за то, что я выдал её девичью тайну.

Я назначил Эмме *свидание* в заброшенном «Ганином домике», в котором много лет никто не жил.

Было уже тепло, но снег растаял ещё не полностью. Где-то вылезла зелёная травка, появились первые голубые подснежники. Я догадался нарвать небольшой букетик подснежников и преподнести его девочке.

Я написал ей тогда на бумажке: «Эмма, можно тебя поцеловать?» Она не ответила, только смущённо опустила голову. Видно было, что она против этого ничего не имеет, но ей было совестно сказать прямо: «Можно». А я нерешительно мялся рядом, так и не рискнув сделать это без разрешения. Да и не знал толком, как нужно целовать девочку – в щёчку?

Что нужно делать *на свидании* мы оба не знали. Просто гуляли по лесу и разговаривали. Даже за руки не взялись. У Эммы был расстроен желудок, и она несколько раз присаживалась под ёлкой, а я галантно отворачивался и отходил в сторону.

Сколько лет прошло с тех пор, а я помню это своё первое детское свидание. Мы любили друг друга так, как могут любить только дети.

Потом, из Песчанки, я написал ей письмо с самыми тёплыми и ласковыми словами, которые тогда знал, и передал его… с мамой. Эмма не ответила. Ещё позже, в 43-м, я пытался в Москве узнать её адрес, но мне этого не удалось – слишком мало сведений я знал об их семье, а фамилия – очень распространённая.

…Прошло много лет, прежде чем я заинтересовался в подробностях, что же это за место такое – Малая Вильва, куда меня забросила судьба в военное лихолетье.

Кизел − город в Пермском крае (в те годы – Молотовская область), административный центр района. Расположен в западных предгорьях Среднего Урала на реке Кизел, притоке реки Вильвы бассейна реки Кама, в 166 км к северо-востоку от Перми. Железнодорожная станция на линии Чусовская – Соликамск. Возникновение города связано с открытием в 1750 г. по рекам Кизел и Малый Кизел залежей железной руды. В 1762 г. начал действовать первый рудник, в 1786 г. открыто месторождение угля, а в 1789 г. пущен Кизеловский завод. С 1797 г. началась добыча угля на штольне Западной, что послужило началом эксплуатации Кизеловского угольного бассейна. В 1879 г. открыто движение по железнодорожной линии Чусовая — Соликамск, что послужило толчком для дальнейшего развития угледобычи. 5 апреля 1926 г. Кизел из рабочего посёлка преобразован в город областного подчинения. Бурный рост населения Кизела пришёлся на 1930-50-е годы и был связан с увеличением добычи угля, а также с расположением около Кизела и в самом городе ряда учреждений системы ГУЛАГа.

Карта Пермской области

В 1960 году был достигнут максимум добычи (12 млн тонн), после чего Кизеловский угольный бассейн начал приходить в упадок — в 1980 году добыча составила около 6 млн тонн, в 1990 — 3,2 млн. Основной причиной сокращения добычи была высокая себестоимость угля. В 90-х был ликвидирован трест «Кизелуголь». Окончательно добыча угля была прекращена в 2000 году. Упадок промышленности города вызвал сокращение численности его населения. Население этого города без будущего 21,1 тыс. жителей, с подчинёнными населёнными пунктами — 30.286 человек (2008).

Состояние окружающей среды в Кизеле крайне неблагоприятное. Большинство малых рек Кизела сбросами кислых шахтных вод превращены в мёртвые водоёмы.

Климат Кизела													
Показатель	Янв	Фев	Мар	Апр	Май	Июн	Июл	Авг	Сен	Окт	Ноя	Дек	Год
Средняя температура, °C	−14,8	−13,6	−7,1	0,0	8,6	15,2	17,4	13,5	7,6	0,2	−9,6	−14,1	0,3

Источник: NASA. База данных RETScreen

Алекса́ндровск расположен на западном склоне Среднего Урала, на реке Лытва, в 185 км к северо-востоку от Перми. Численность населения 15,3 тыс. человек (2008). Основан в 1783 г. как посёлок при Лытвинском металлургическом заводе. Завод был запущен только в 1808 году. В 1811 заложен Всеволодо-Вильвенский завод аналогичного профиля (запущен в 1850 г., работал до 1883 г.). В 1920-30-е годы Александровский машиностроительный завод производил бурильное оборудование и насосы, стальные заготовки. В 1942 г. выделением из Кизеловского района был образован Александровский район с центром в рабочем посёлке Александровский, который в 1951 г. преобразован в город областного подчинения Александровск. Важнейшими событиями послевоенной истории города стало строительство и запуск Яйвинской ГРЭС (1963). В 1990-е годы, в отличие от шахтёрских городов и посёлков Кизеловского бассейна, Александровск избежал потери градообразующих предприятий и острой депрессии промышленности. Александровский машиностроительный завод производит шахтные ленточные конвейеры, рудничные электровозы, рельсовые погрузочные машины, шахтные прессы-вулканизаторы, насосы центробежные секционные, обогатительное оборудование. Завод стеновых материалов производит кирпич. В Александровске и Яйве широко развита первичная переработка леса (лесопилки).

Первое упоминание о Малой Вильве относится к 1869 году. Согласно спискам населённых мест Российской империи, изданным в 1875 году в г. Санкт-Петербурге, в д. Малая Вильва (Новая Вильва) – 15 дворов, в них проживают 39 мужчин и 43 женщины, в д. Косогорская (Косая Гора) – 3 двора, в них проживают 18 мужчин и 12 женщин.

1914 г. – В д. Малая Вильва открыта школа.

1930 г. – Образован колхоз "12 лет Октября" М-Вильвенского сельского совета.

1930 г. – Открыта начальная школа в деревне Малая Вильва.

1931 г. – Образованы сельхозартели: "Калинина" и "Ленина" М-Вильвенского с/с.

Последующие документы свидетельствуют о постепенном угасании Малой Вильвы:

1959 г. – Принято решение о переводе Мало-Вильвенской семилетней школы в п. Башмаки.

1967 г. – Среди школ Александровского района названа Мало-Вильвенская начальная школа.

1967 г. – Среди населённых пунктов, в которых сохранены фельдшерско-акушерские должности, названы Башмаки и Малая Вильва.
1968 г. – Среди населённых пунктов, отнесенных к г. Кизелу, названа остановка Косая Гора.
1978 г. – Закрыта сберкасса в д. Малая Вильва.
2005 г. – По официальным данным Александровского муниципального района, в деревне Малая Вильва, находящейся в 12 км от города, было 4 хозяйства и проживало 6 (шесть!) человек.

По свидетельству Богдана Кокорина, отец которого был родом из Малой Вильвы, теперь (8 июня 2010 г.) этой деревни уже нет.

«Малая Вильва была раньше богатой деревней. Жалкие кадры наблюдаются, когда проезжаешь мимо тех мест, где когда-то гудели рёвом мотоциклы, пелись песни под гармошку, где мужики пили, распахивались поля, гудела деревня! А теперь… слов подобрать невозможно… домов нет, поля зарастают, всё глухо, создаётся ощущение, что тут прошла война, и всё, никто не выжил в ней. Стоит дом… без крыши… в нём родился мой папа, дом провалился на этаж вниз, жалкие кадры…поля зарастают, а сколько в них было вложено труда!»
(http://www.drive2.ru/cars/uaz/3151/3151/baga/journal/4062246863888405445)

«Башмаки – деревня, где были зоны. Теперь там ничего. Ни магазинов, ни больниц, ни-че-го. Зато есть люди, которые там живут. Жители с благоговением вспоминают времена, когда здесь были зоны. Им тогда жилось в 1000 раз лучше».
(По рекам памяти. Осознанное. 18.05.2009.
http://emanacia.livejournal.com/13107.html).

Лучше, конечно, было не заключённым, а тем, кого кормила зона.

Дорога на Малую Вильву. Июнь 2010 г. Фото Богдана Кокорина

Справка. *Кизеловский ИТЛ. Организован в июне 1947 года и действовал вплоть до начала 2000-х гг. Его управление располагалось в городе Кизел. Число заключённых в лагере в сталинский период достигало 21300 человек (на 1 января 1953 года), занятых в основном на лесозаготовках, достройке Широковской ГЭС, в промышленном, дорожном, гражданском и жилищном строительстве.*

На письмах, которые присылал отец, в качестве почтового штемпеля прибытия стоит штемпель Кизела. Значит, в Малой Вильве отделения связи во время войны не было. В Интернете я нашёл сообщение, что письма в Малую Вильву следует направлять в отделение связи 618331 (Усть-Лытва), но и это отделение связи, вероятно, закрыли, передав его функции отделению связи 618320 (г. Александровск). Своим отделением связи Малая Вильва, похоже, так и не обзавелась. Интересно: почта обслуживает деревню, которой уже нет.

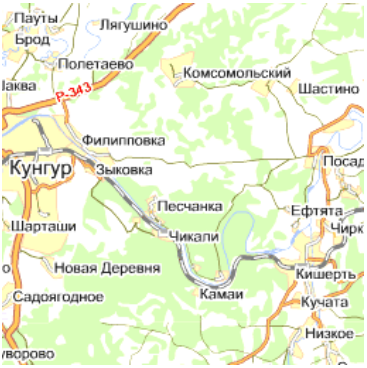
На приведенной выше подробной современной карте деревня Малая Вильва не значится. Нет и детского санатория, никаких его следов в Интернете я не обнаружил. Если посмотреть на карту, можно безошибочно угадать место, где должен был находиться разъезд Косая Гора: железная дорога делает там дугу в направлении Малой Вильвы.

Я не очень удивлюсь, если эти мои воспоминания, написанные, в основном, ещё школьником в конце 40-х годов, когда всё было ещё свежо в памяти, окажутся единственным живым свидетельством о Малой Вильве первых военных лет.

Путь к дому

После Малой Вильвы была Песчанка Кунгурского района той же Молотовской (Пермской) области, на северном берегу реки Сылва. Вероятно, из санатория в Малой Вильве эвакуированных *попросили*. Мама работала в школе и до конца учебного года не могла оставить работу. Я не знаю точно обстоятельств, которые заставили маму на некоторое время расстаться со мной и отвезти меня в Песчанку. Увы, когда ещё была возможность, не расспросил об этом маму… В интернате Песчанки я прожил несколько месяцев.

На современной карте Кунгурского района Пермского края, восточнее Кунгура я нашёл и деревню Песчанку, и дом отдыха «Песчанка», рядом с деревней, на берегу Сылвы. В Интернете приведен адрес этого недействующего дома отдыха – г. Кунгур, станция Чикали. Именно в этом доме отдыха размещался тогда интернат.



Деревня Песчанка и станция Чикали на одной из современных карт

Судьба этого дома отдыха печальна. В материале о Кунгурских пещерах, размещённом в Интернете в июне 2005 г., сообщается о «развалинах дома отдыха Песчанка», а 5 ноября 2011 г. появилось объявление «Продам земельный участок, бывший дом отдыха Песчанка, 1000 соток (55 000 руб.)». Задёшево.

В интернате процветали драки. Силовые столкновения детей *классифицировались* на 2 уровня: *стыкаться* и драться. *Стычка* проходила по строгим правилам: в ход пускали только кулаки, махать которыми немедленно прекращали, если противник сдался или при появлении крови. Драка была посерьёзней, никаких правил она не знала. *Стычки* происходили ежедневно. Никаких конфликтов не требовалось, кулаки пускали в ход чаще всего для того, чтобы выяснить, кто сильнее. Детей просто *науськивали* друг на друга.

Отказаться нельзя – прослывёшь трусом. Это ещё хуже. Если драчунов заставали воспитатели, начиналось разбирательство с наказаниями и *выволочкой* на вечерней *линейке.* Да только взрослые и не пытались выяснять причины драк… *Стыкаться* приходилось и мне, хотя я драчуном не был и делал это без всякого удовольствия. И на *линейке* перед всеми меня *прорабатывали*.

Летом нас, мальчишек, выводили на общественные работы: строили дорогу, а мы собирали и складывали камни – в кубы со сторонами 1 м. Была какая-то *норма*, не слишком трудная, но выполнять её было обязательно. Никакой оплаты за эту работу не полагалось.

В интернате выступал детский хор, в котором я был чуть ли не художественным руководителем. Трудно вспоминать об этом без смеха: с моим-то слухом, с моим голосом руководить хором! Мы пели три песни: «Тачанку», «Орлёнок» и «Кантату о Сталине».

Ещё в Малой Вильве, в 1943 году, у меня *прорезалась потребность писать*. О чём может поведать миру 10-летний пацан? Такой вопрос передо мной даже не возникал. Я начал писать потому, что мне это было интересно, потому, что *не мог не писать*. Под влиянием «Тома Сойера» я начал фантазировать о деятельности некоей организации американских мальчиков, которые освобождали негров и боролись с богатыми. Сюжет этой «повести» обдуман не был, он должен был оформиться в процессе работы. Большая часть оказалась написанной в Песчанке. Я написал глав 5 или 6, пространно и скучно описывая постройку каждого дома в лесном лагере моих героев. Подробно останавливался на изготовлении каждой оконной рамы, о чём, естественно, не имел ни малейшего представления. Тетрадку со своим «сочинением» я показывал ребятам, они с интересом всё читали. Не потому, что написанное их увлекало. Их очень заинтересовал сам факт, что мальчик, такой же, как они, мог что-то *сочинять*. Жаль, что эта тетрадка не сохранилась.

В 1943 году, после окончания учебного года мама увезла меня в город Молотов (ныне Пермь), куда её пригласили на работу в Облкомхоз. Жилья у нас там не было. Жили в крохотной комнатке прямо на маминой работе. Вечерами и в выходные дни меня влекли к себе канцелярские столы. Там стояли пишущие машинки и телефоны. Тогда я и научился одним пальцем печатать на машинке. Телефонов было много, а звонить было некому. А очень хотелось. С каким-то товарищем мы хулиганили: звонили в первые попавшие квартиры и затевали пустые разговоры.

Эту фотографию мы послали отцу на фронт.

Однажды мама принесла домой баночку мёда, и мы устроили пир. Наутро я не смог открыть глаза: веки так сильно вспухли, что сомкнулись. Перепуганная мама потащила меня к врачу. Тот предложил вспомнить, что необычное мы вчера ели. Ответ был на поверхности: мёд! Оказалось, у меня аллергия на мёд. Больше пировать мне не пришлось, а мёд на долгие годы был исключён из моего рациона.

Два раза мама ездила в командировку в Москву и брала меня с собой. Там уже жили вернувшиеся из эвакуации наши родственники. Это было моё первое знакомство с Москвой.

Мне очень хотелось побывать в цирке, и мама разрешила мне поехать за билетами. Рядом с домом Тархановых на Чистопрудном бульваре была остановка трамвая «А». Он без пересадки шёл к цирку. С билетами было очень плохо. Я простоял в очереди целый день, но билетов так и не достал. Огорчённый, вернулся домой, а там уже царила паника – пропал мальчик! Мне так и не поверили, что я всё это время стоял в очереди:

– Признайся: ты, наверное, на дневное представление ходил?

На Новый, 1944-й год дядя Аркадий достал 2 билета на ёлку в Колонный зал Дома Союза. Мы с моей двоюродной сестрой Цилей торжественно отправились на ёлку. Какой это был праздник! Как было интересно и как весело! Но в конце праздника оказалось, что у Цили украли билеты, по которым надо было получать подарки. Мы остались без подарков. В голодный и серый 43-й год это было большим потрясением…

1944 год. Война медленно, но верно шла к Победе. Пришло время возвращаться домой, в Ростов.

Стояла зима. У мамы перед отъездом было столько дел, что она с ними не справлялась. Мне было уже 11 лет, большой сын должен был помочь. Мама поручила мне отвезти наши вещи на вокзал и сдать их в камеру хранения. Возчик, которого она наняла, на санях привёз меня с ними на вокзал. Мама просила его проследить за благополучным завершением этой операции, но он отнёс вещи к камере хранения, после чего сразу же уехал. Свободных мест в камере хранения не оказалось, стояла огромная очередь. Вещи принимали только по предъявлении паспорта. А какой у меня паспорт? В очереди мне говорили, что кладовщику надо *дать*. Мне же *давать* было нечего. Положение казалось мне безвыходным. После долгого сидения я придумал. Надо нанять другого возчика, чтобы он отвёз вещи обратно. Конечно, ему нужно будет заплатить, а у меня ничего нет. Ничего, **я от него убегу!** Я плохо представлял себе, как это сделаю. Допустим, сам убежать я бы смог. Но как убежать от вещей? Возчик запросил буханку хлеба. Я согласился. Хлеба дома не было. Мы получали его по карточкам, и лишнего хлеба у нас никогда не было. Ничего – **убегу!** Когда мы подходили к дому, из него как раз выбегала мама. Встревоженная моим длительным отсутствием, она собиралась ехать на вокзал искать меня. До такого исхода я почему-то не додумался. Мама заплатила возчику 170 рублей – стоимость буханки хлеба на рынке. Я был очень огорчён такой большой затратой.

Возвращение

1944-й год. В освобождённый Ростов съезжались те, кто спасался от фашистов *в эвакуации*. Я ходил по родному городу и не узнавал его. Сколько разрушений! Сожжён и дом, в котором мы жили до войны.

Фашистские варвары успели *нахозяйничать* даже при первой, 9-дневной оккупации Ростова. Вот что писал нам об этом отец:

Из письма отца маме, 18 января 1942 г. Вот краткий перечень известных тебе домов, разрушенных и сожжённых немцами в Ростове: Андреевского райсовета (где ты работала), театр кукол, Дворец труда, куда перешёл Финансово-экономический институт (на углу Ворошиловского и Садовой), дом, где был радиоцентр и кинотеатр «Буревестник» на том же углу, новый дом напротив Витиной школы, где жил профессор Зимонт, молзавод и много, много других. Людей расстреливали целыми кварталами, вместе со стариками и детьми. Особенно они натворили в Нахичевани.

Разрушенный Ростов. Перекресток Соборного и Темерницкой.
Temernik.ru - самая большая коллекция фото старого и современного Ростова

Подобных фотографий в последнее время опубликовано немало.

Мы вернулись в Ростов спустя год после его освобождения. За это время его развалины успели очистить от основной массы груд камней, заваливших город. К этой работе привлекали пленных немцев. И хотя Ростов производил уже не такое удручающее впечатление, каким его увидели сразу после освобождения, разрушения ужасали.

Мы поселились в самом центре города, на улице Энгельса (Большая Садовая), 102, на углу Газетного переулка в квартире старых приятелей родителей Беллы Исааковны и Якова Витальевича Теплинских. На нижних этажах большого дома размещались учреждения, в том числе и Облкомхоз, где работала мама, а наверху – квартиры. На самом верхнем этаже дома был очень длинный и мрачный коридор, куда выходили двери многочисленных квартир. Квартира Теплинских была в самом конце коридора. Малюсенькая прихожая, из которой дверь вела в большую кухню. Из кухни, прямо по ходу, вход в две квартиры. В левой квартире, в двух больших смежных комнатах жили Теплинские. В дальнюю из них поселили нас с мамой. В правой квартире жили Кузнецовы. Из кухни – дверь в туалет. У Кузнецовых был сын Игорь, несколькими годами старше меня, он покровительствовал мне. Одну комнату Кузнецовы сдавали студенткам.

С одной из этих студенток у меня случилась комичная история. Днём, воспользовавшись тем, что никого нет дома, она решила помыться на кухне. Поставила на табуретку тазик с водой, на пол рядом – корыто. Сама стала в корыто лицом к входной двери. Голая, с пояса свешивается фартук, прикрывающий нижнюю часть тела. В таком виде я застал её, вернувшись из школы. Увидев меня, она воскликнула: «Ах!» и откинула фартук на грудь… Я поспешил ретироваться.

Родители не посвящали меня в условия, на которых мы оказались в квартире Теплинских. Эта квартира не являлась их частной собственностью. Городские власти оказались вынужденными *уплотнять* сохранившийся жилой фонд, иначе невозможно разместить жителей в полуразрушенном городе. Две комнаты для двоих супругов − непозволительная роскошь, и для Теплинских комфортнее было иметь соседями знакомых, чем чужих людей, которых им принудительно подселят. К тому же необходимый ремонт в квартире мы произвели за наш счёт.

Быт… Моим детям и внукам трудно даже приблизительно представить себе, каким был наш быт тех лет. Квартира, в которой мы жили, ещё считалась малонаселённой. Но уединиться было решительно негде. Центрального отопления не было, топили углем, *доставать* который было тогда непросто. На кухне не было ни газа, ни электроплит. Главное кухонное «оборудование» – примус, затем керогаз, керосинка. Постоянный запах керосина, постоянные походы в керосиновую лавку. Холодильников тоже не было. Где-то доставали лёд, но я и сам толком не знаю, каким образом мама умудрялась сохранять пищу, особенно в условиях жаркого ростовского лета.

Ни ванной, ни душа в квартире не было. Еженедельно ходили в городскую баню, славившуюся вывесками: «Мужские души» и «Женские души». Я смеялся и спрашивал:

– А где здесь «Мёртвые души»?

Наверное, такая ассоциация руководителям Банно-прачечного комбината в голову не приходила.

Отец регулярно присылал нам посылки, иногда продуктовые, чаще промтоварные. Эвакопункт, в котором служил отец, постоянно отправлял санитарные поезда с ранеными, нередко через Ростов. Этими поездами сотрудники старались отправлять своим семьям письма и небольшие посылки.

Из письма отца. 19 октября 1942 г. Бельцы. Приходится довольно часто обращаться к помощи рынка. Цены здесь неизмеримо ниже, чем в Ростове. Ведро яблок стоит 30-35 руб., сотня орехов 10-15 руб., мясо 25-30 руб./кг, курица 35-40 руб. Молочных продуктов маловато, так что я даже не знаю цен.

Отец тратил на покупки практически всю свою зарплату и почти всё свободное время, которое ему удавалось выкроить. Нам было бы очень трудно без этих посылок. Но даже в Европе, разорённой войной, он так и не сумел добыть для нас, практически разутых, хоть какую-нибудь обувь.

Телевидения мы тогда, конечно, не знали. Даже на радиоприёмник разбогатели значительно позже. Главным источником информации служила чёрная тарелка радиосети, *радиоточка*. Её никогда не выключали – иначе можно было прозевать сводку Совинформбюро о положении на фронтах или, ещё хуже, *важное сообщение*. Хорошо известный всем торжественный голос Левитана провозглашал:

– От Советского информбюро! Вечернее сообщение за 5 сентября 1944 года. Севернее города Тарту немцы атаковали наши позиции. Завязались ожесточённые бои. Противник непрерывно наращивал свои силы, стремясь любой ценой добиться успеха. Пехотинцы и артиллеристы Н-ского соединения мощным огнём и контрударами отбили все вражеские атаки. На поле боя осталось более 400 убитых гитлеровцев. Сожжено и подбито 6 немецких танков и самоходных орудий.

О наших потерях никогда не сообщалось.

Или радостные сообщения:

– Внимание, внимание! Через пять минут будет передано по радио *важное сообщение*!

Это повторялось несколько раз, и к радиоточкам сбегались все.

– Говорит Москва! Приказ Верховного главнокомандующего. Сегодня… войска … фронта после упорных боёв штурмом овладели городом… В боях за город… особо отличились… В ознаменование… в 21 час по московскому времени в столице нашей Родины Москве, столицах союзных республик и городах… произвести салют 30 артиллерийскими залпами из …орудий!

Война победно двигалась на запад. Были дни, когда передавали по три *важных сообщения* с разных фронтов.

А ту ночь мне, конечно, не забыть никогда. Ночь на 9 мая 1945 года, когда по радио передали **самое важное** сообщение – о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Меня разбудили громкие крики и беспорядочная стрельба на улице.

Снимок Дня Победы 9 мая 1945 года сделан рядом с нашим домом: на заднем плане фотографии – Дворец пионеров на углу Газетного и Энгельса. Я видел это собственными глазами. Обратите внимание на сосредоточенные лица солдат и встречающих их женщин. Эйфория всеобщего ликования от сообщения о капитуляции Германии прошла. Каждый потерял близких на этой страшной войне. Каждый хлебнул горя сполна. В руинах лежит родной город. «Это праздник со слезами на глазах»…

9 Мая 1945 года в Ростове. Скан из книги-фотоальбома "Ростов-город, Ростов-Дон", стр. 122)

Летом 45-го года меня отправили в пионерлагерь. И в какой – в Хосту, на черноморское побережье Кавказа! Это было моим самым первым знакомством с Чёрным морем. В памяти остались всего два эпизода, и оба – неприятные. От Сочи до Хосты нас везли автобусом. На крутой извилистой горной дороге многих, и меня в том числе, изрядно укачало. Кормили в лагере плохо, и мы постоянно ходили голодными. Лагерный гуляш, приготовленный из хрящей и соединительных тканей, почти не содержащий мяса, надолго привил во мне отвращение к блюду под таким названием. Когда несколько лет спустя мне довелось есть нормальный гуляш, я даже удивился:

– Да разве это гуляш?! Это же не гуляш!

Вокруг лагеря рос орешник – земляные орехи, фундук, ещё неспелые. Мы наелись орехов, и половина лагеря слегла с расстройством желудков. Я лежал в *изоляторе* – большой палатке. Туалета поблизости не было, и девушки-пионервожатые в качестве ночных горшков приносили нам маленькие консервные банки. У 12-летнего пионера от этого расстраивался не только желудок…

Отец вернулся в ноябре 1945 года. Мы регулярно получали от него письма. В конце войны их часть стояла в Закарпатской Украине, в городе Мукачево, который тогда был в составе Чехословакии. Конечно, сообщать о том, откуда он пишет, долго было нельзя. Письма адресовались на *Полевую почту* с определённым номером. На каждом письме стоял штамп «Проверено военной цензурой». Иногда, правда, отец прибегал к *иносказаниям*. Например, в одном из писем он сообщил: «Встретил здесь Витечкиного папу, он уезжает в Чехословакию». Многие письма передавались с оказией.

Отец вернулся в квартиру Теплинских, и главной проблемой моих родителей стала жилищная. Следующая наша квартира находилась на углу того же Газетного переулка и Ульяновской улицы. Газетный переулок, дом 13, квартира 20.

Улица Ульяновская, где я прожил бóльшую часть ростовских школьных лет, совсем рядом с центром. По Газетному переулку вниз, к Дону. Улица – параллельная Энгельса. От центра десяток кварталов, но они все маленькие – некоторые дома разными сторонами выходят на обе улицы. Минут десять хода – и ты на Энгельса. До Дона пустяк – два или три квартала. Улица небольшая – всего каких-нибудь 4 квартала. Старый Ростов – наверное, с этого места начинался город.

Ульяновская улица. Фрагмент карты Ростова

В нашем доме – два или три этажа, точно уже не помню. Вход со двора. Маленький, невзрачный, грязный двор без следов растительности. В таком и погулять негде. Первый этаж. Прихожая, она же кухня, она же умывальная. В квартире три комнаты, наших – две. Никакой ванны или душа. Туалет во дворе, зимой в нём очень холодно.

Ульяновская улица, угол Ворошиловского проспекта – типичная панорама улицы. Наш дом находился в одном квартале от этого места.
Темерник.ру - сайт ростовской истории

Центральное отопление – это огромное преимущество квартиры. Семья Иосифа, брата моего отца, жила в старом доме, который отапливали печкой. Нужно было выписать и привезти уголь. Просто так его купить нельзя, отпускали по талонам в ограниченном

количестве. Уголь нужно где-то хранить, нужен сарай. Но уголь спичкой не подожжёшь – нужны дрова для растопки. Это ещё одна проблема. Под Ростовом нет лесов, дров тоже не было. Топка печи занимает очень много времени и сил. В конце концов, Иосиф не выдержал и, как только представилась возможность, поменял огромную четырёхкомнатную квартиру с печным отоплением на однокомнатную, но с центральным.

Конечно, дом на Ульяновской не сравнить с нашим новым довоенным домом. Но по меркам того времени – далеко не самый худший вариант. Отдельную благоустроенную квартиру в те годы мало кто имел. В подобных домах жили все мои товарищи. Павлик Певзнер жил в большом доме в Халтуринском переулке – третьем от Будённовского проспекта в сторону вокзала, недалеко от улицы Энгельса. На их третий этаж нужно было подниматься по железной лестнице на внешней стене дома. Неподалёку, на Социалистической улице, в частном одноэтажном доме деда жил Юра Ермаков.

Рассказ о быте завершу перечислением того, чего не было в наше время, но составляет неизменный атрибут современной жизни. Не было ни газа, ни электроплит. Не было холодильника. Не было телевидения. Радиоприёмники, изъятые в первые дни войны, нам не вернули, других тоже не было. Источником информации служила *радиоточка* – круглая чёрная тарелка, подключённая к радиосети. Телефона у нас не было. Таким уровнем удобства мало кто располагал. Да и куда звонить, если почти нигде телефонов не было! Мобильников тогда не существовало. Так же, как и компьютеров. Даже настольный вентилятор, гонявший в ростовскую жару перегретый воздух, и тот появился в нашей семье значительно позже. И патефон с пластинками – радость довоенных лет – не сразу после войны стал радовать нашу семью.

Когда мы жили на Ульяновской улице, у нас была домработница Ольга Ефимовна – полноватая хромая женщина средних лет. Через каждое слово она вставляла «Отой», такое слово-паразит. *За глаза* я звал её «Отой». Меня она не любила, и я платил ей той же монетой. Мама гасила конфликты, но и я старался с ней не ссориться. Понимал, что маме без домработницы трудно – родители часто уезжали в командировки, нередко оба одновременно. Но конфликты возникали помимо моей воли. Ольга Ефимовна могла устроить большой скандал, увидев, что я накапал на пол возле умывальника. Или накинуться на меня из-за грязного пола, который она сама же давно не мыла. Как-то забыл дома тетрадь и на большой перемене прибежал за ней. Школа достаточно далеко, только и успеть

туда и обратно. Прибегаю – квартира заперта изнутри. Стучу – не откликается. Стучу сильнее. Кричит:

– Подожди!

Легко сказать «Подожди», когда у меня времени в обрез. Кричу:

– Откройте, пожалуйста, мне тетрадь надо взять, я на перемене прибежал!

Опять:

– Подожди!

А чего ждать и сколько – не говорит. Стучу опять. Наконец, открывает со словами:

– Ну, отой, на, смотри!

Стоит совсем голая. Мыться собралась. Всю жизнь мечтал на тебя смотреть! Хватаю тетрадь – и пулей в школу. А вечером объясняю маме, что рвался в дом совсем не для того, чтобы её, голую, разглядывать.

Ольга Ефимовна могла наговорить мне кучу обидных слов, а потом рассказывать маме, что это я ей эти слова говорил. Мама просила:

– Раз такое дело, старайся вообще с ней не разговаривать.

Старался, но это бесило её ещё больше: она меня ругает, а я молчу.

Ростов послевоенный

Каким был Ростов моего послевоенного детства и ранней юности? Я попытался воссоздать его облик по тем фотографиям, которые сумел найти в Интернете.

Улица Энгельса (Большая Садовая) – центральная улица города. Это о ней поётся в самой популярной песне о Ростове:

Улица Садовая,
Скамеечка кленовая…
Ростов-город, Ростов-Дон!

Я нашёл дореволюционную открытку, на которой изображён наш дом на Энгельса, 102. Трамвайной линии на улице Энгельса в наше время уже не было. Трамваи теперь ходили по параллельной Московской улице. По Энгельса ходили троллейбусы.

Троллейбус в Ростове-на-Дону появился в 1936 году. Ростов стал третьим городом в СССР (после Москвы и Киева), где стали внедрять этот экологически чистый вид транспорта. Первая линия ростовского троллейбуса связала Ростсельмаш с Театральной площадью, чуть позже она была продлена до Главного железнодорожного вокзала. Послевоенное восстановление

троллейбусного движения произошло на моих глазах – от вокзала до площади Карла Маркса в Нахичевани.

Справа дом на улице Энгельса, 102. Дореволюционная открытка.
Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

Почти напротив нашего дома, на углу Энгельса и Газетного переулка находилось чудом уцелевшее здание Ростовского Дворца пионеров, построенное в 1912 г. в стиле модерн для правления Волжско-Камского банка по проекту академика архитектуры Алексея Николаевича Бекетова. Я часто там бывал, и меня там хорошо знали.

Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

Традиционный центр послевоенного Ростова – улица Энгельса от Будённовского до Ворошиловского проспекта. Всего 4 квартала: переулки Подбельского, Семашко и Газетный. Четыре кинотеатра – «Родина», «Победа», «Комсомолец» и «Буревестник», Дворец пионеров, памятник Ленину у входа в городской парк, гостиница, центральный гастроном «Три поросёнка», центральный универмаг, центральный книжный магазин на углу Ворошиловского.

Милиционер в самом центре – между двумя кинотеатрами. Главная его задача – следить, чтобы не переходили дорогу в неположенном месте. Один парень поспорил, что перейдёт улицу Энгельса в этом месте. Пошёл – свисток:

– Штраф два рубля!

Остановились посреди улицы. Парень выгреб из кармана жменю мелочи и начал считать:

– Пять и три – восемь, плюс десять – 18. И два – 20 и пять – 25. И три… Ой, сбился! Пять и три – восемь, плюс два – 10 и пять – 15, полюс 10… Ой, опять сбился!

После четвёртого или пятого *сбоя* милиционер не выдержал и послал нарушителя… куда подальше. К тому времени он уже забыл, с какой стороны тот переходил улицу.

Кинотеатр «Россия» в парке имени Горького.
Фото 14 мая 2009 г. на сайте fototerra.ru.

Мы часто ходили в этот кинотеатр, за 60 лет в этом месте мало что изменилось, только появилась скульптурная группа «Птицы». Да и клумбы с тюльпанами не было.

Напротив универмага, на углу Будённовского и улицы Шаумяна, параллельной Энгельса в сторону Дона, находилась Ростовская турбаза. Впрочем, никаких дел с этой турбазой мы не имели.

Улица Энгельса. У входа в городской парк имени Горького. Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

Улица Энгельса (Большая Садовая) стала значительно краше, чем в наше время. Сайт http:// Temernik.ru

Центральный универмаг на углу Энгельса и Будённовского («главный угол города»).

Этот снимок сделан в начале 60-х годов, но именно в таком виде это место запечатлелось в моей памяти.

Трамвай… О ростовском трамвае в моём дневнике есть любопытная запись:

Из дневника. 22 ноября 1950 г. Окна в трамвае застеклены не то, что кривыми, а недоброкачественными стёклами. Смотришь в них и видишь забавные картинки: вот идёт толстый человек на маленьких кривых ногах, а впереди него – великан с длинными ногами, у женщины такой живот, будто она беременна слоном, у другой женщины два носа и две пары глаз, а руки перекошены, как молния; на другой стороне улицы у всех прохожих головы сплюснуты в лепёшку, а рельсы позади трамвая делают такие умопомрачительные зигзаги, словно они пьяные. Как в стране сказок!

А это тот самый Дом Советов, где я в 1941 году наблюдал за воздушным боем. Во время войны он был сожжён и очень долго *красовался* пустыми глазницами окон – у города не находилось денег для восстановления такой махины. Первая очередь была восстановлена в 1958 году, окончательно – в 1963 г. В нём разместили часовой завод, на котором работала моя двоюродная сестра Алла.

Разрушенное здание Дома Советов.
http://valery-pavlov.livejournal.com/501459.html

Площадь Советов, перекрёсток улицы Энгельса и Ворошиловского проспекта. 1970 г. Temernik.ru

Кафедральный Собор – достопримечательность Ростова.
Современный снимок. Колокольня во время войны была разрушена.

Ростовский Дом офицеров. Будённовский, 34.
http://fotki.yandex.ru/users/ninon2410/view/336643/

Дом офицеров я часто посещал в первой половине 50-х годов, когда жил неподалёку, на Книжной улице. Здесь были кинотеатр и концертный зал.

Железнодорожный вокзал… Сколько раз я сюда приезжал и уезжал! Сколько раз встречал и провожал! Ростовский вокзал был одним из самых примечательных мест моей юности.

Вокзал Ростов- главный. Сайт http:// Temernik.ru

А однажды мальчишкой я пришёл сюда в роли носильщика. Вышел зимой покататься на санках, а люди уговорили меня помочь им довезти до вокзала вещи. Полученные за этот труд *чаевые* стали первым моим самостоятельным заработком.

Привокзальная площадь представляла собой мешок, отрезанный от улицы Энгельса *завязкой* из железнодорожных путей, по которым постоянно сновали маневренные паровозы. Трамвайная линия шла по улице Энгельса от Будённовского проспекта и доходила только до этой *завязки*, что было очень неудобно для пассажиров. Потребовалось немало лет, чтобы перенести подсобную железнодорожную ветку, а трамвай пустить в обход улицы Энгельса. Чтобы проводить или встретить кого-то на перроне вокзала, нужно было приобрести перронный билет.

Набережная реки Дон в начале 50-х была ещё плохо благоустроена, это позже она стала любимым местом прогулок ростовчан. А без пляжа я даже не мыслю себе Ростова нашего детства. Сколько дней мы провели там в летнюю жару! Пологий песчаный берег, роща, в тени которой спасались от палящего зноя. У левого берега Дон был неглубоким, а в середине реки была мель, где вода была по пояс, а то и по колено. Лишь после мели дно резко уходило вглубь. У правого берега Дон был глубоким, здесь проходил фарватер, и речные суда причаливали практически к самому берегу. Чтобы попасть на пляж, нужно было пересечь Дон на катере.

На набережной Дона. Вид на городской пляж.
Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

Ворошиловский мост через Дон. Сайт fototerra.ru.

В наше время Ворошиловского моста ещё не было. На снимке за мостом видны пешеходные мостки, куда причаливали катера, перевозящие людей на пляж на левом берегу Дона («Левбердон»).

Ворошиловский спуск я очень хорошо помню – многократно ходил здесь по дороге на пляж. Теперь его больше нет, фактически уничтожен при строительстве Ворошиловского моста.

Стадион «Динамо» расположен в центре Ростова, в конце Ворошиловского проспекта, рядом с Центральной городской больницей. (Ходила шутка: у нас всё рядом – стадион, больница и кладбище).

Ворошиловский спуск к Дону. Фото 1952 г. Temernik.ru

Стадион «Динамо». Rostov.ru

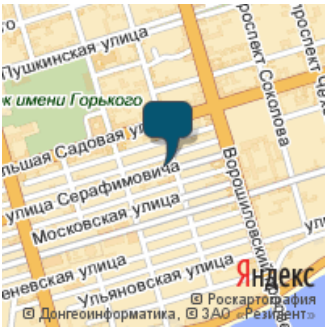
В послевоенные годы он был главным стадионом города, а футбольная команда «Динамо», за которую мы отчаянно болели на этом стадионе, играла в группе Б чемпионата страны и не раз выходила в *пульку* победителей, где оспаривала право играть среди лучших команд СССР. А в матчах на кубок СССР с ростовским «Динамо» на этом стадионе играли и лидеры советского футбола. Помню матчи с московским «Динамо» с участием легендарного вратаря Хомича и тогда ещё малоизвестного Льва Яшина. Такие футболисты, как Богателло, Вардимиади, Щербатенко были нашими кумирами. В 1949 году «Динамо» заняло первое место в своей зоне, но очень неудачно выступило в финальном турнире, заняв 5 место из 6, после чего к нашему большому огорчению команду расформировали.

Я не смог найти фотографий Центрального рынка Ростова, «старого базара», каким он был во второй половине 40-х – начале 50-х годов. Теперь он выглядит совершенно иначе. А ведь

не зря говорят: кто базара не видал, тот в Ростове не бывал. Очень колоритное было зрелище. Что там только ни продавали! До сих пор помню *зазывное:* «Есть тянучка, рубль штучка, настоящая тянучка!». С базара несли практически всё, что нужно было для жизни. Но это был и криминальный центр Ростова-папы. Гляди в оба, иначе *карманники* тебя не пощадят. Не брезговали ничем, однажды вытащили у меня, мальчишки, из кармана варежки. Я готов был плакать от досады: в послевоенной нищете они были отнюдь не малозначащей мелочью.

Мальчишки

Школа № 34, где я начал учиться после возвращения из эвакуации, находилась почти напротив нашего дома на улице Энгельса, рядом с Дворцом пионеров. Это потом, когда восстановили здание 39-й школы на Книжной улице (которую в 1963 г. переименовали в улицу Серафимовича), 85, нас перевели туда. И жили мы уже в другом доме, на Ульяновской улице, 52/13, кв. 20, на углу того же Газетного переулка.



На фрагменте карты центра Ростова показано местонахождение школы № 39

Я был очень рад встретить в своём классе Бориса Гольдмана, своего довоенного товарища, с которым до войны мы жили в одном доме. Все оставшиеся школьные годы мы сидели с ним за одной партой.

Школа № 39

Ростов был наводнён *шпаной*, которая всех терроризировала. За их спиной стояли те, которые *круче*. Не зря ходила поговорка: «Одесса – мама, Ростов – папа». Со шпаной старались не связываться, но как от неё защититься? Могли днём, в центре города отнять деньги или что-то из вещей. Помню, мы с Юркой Ермаковым стояли на улице Энгельса возле моего дома и рассматривали какую-то интересную безделушку, которую мне недавно подарили. Подошёл мальчишка старше нас, наглый и развязный, хотел её отобрать. Мы не отдавали. Выручил мой сосед по квартире Игорь Кузнецов, случайно проходивший мимо. Игорь лет на 5 старше меня. Увидев, что ко мне *пристали*, он *гаркнул* на нашего обидчика:

– А ну пошёл на…

Тот ретировался, угрожая нам на прощание:

– Погодите, скажу Мишане – он вам задаст!

Мишаня был известный в городе хулиган.

Обе стороны прекрасно понимали: это – прощальный лепет проигравшего. Даже если этот пацан и действительно принадлежал к окружению Мишани, не станет тот нас разыскивать по такому пустячному поводу ради гонора своей *шестёрки*.

Моё удивление Игорь, конечно, заметил: у нас не было принято материться.

– Они другого языка не понимают, – пояснил он, когда мальчишка ретировался.

В нашем классе был один такой *герой*, Валёк Афоньков. Говорили, что он связан со *шпаной*, и его не раз встречали в каких-то весьма сомнительных компаниях. Афонькова боялись. Не только потому, что он старше и, по-видимому, сильнее. Даже если ты ему сегодня *накостыляешь*, завтра он подкараулит тебя с целой сворой дружков – и что тогда от тебя останется? Или, хуже того, пырнут ножом, да так, что не заметишь, кто это сделал. Сам он, конечно, этого делать не станет – не настолько глуп. Шпана всегда была организованнее нормальных ребят.

Как-то я организовал коллективный поход класса в кино. Собирал деньги с желающих, покупал билеты на дневной сеанс. Кто-то в последний момент пойти не смог, остались несколько билетов, их нужно было продать перед сеансом. Ко мне подошёл Афоньков:

– Дай 3 билета!

– Мне же нужно за них деньги возвращать, а ты не отдашь…

– Отдам!

Действительно, отдал. Оказался честнее, чем я о нём думал.

Учился Афоньков *через пень колоду*, пропускал половину уроков. Когда его не было, легче жилось и ученикам, и учителям. Однажды он *отличился* на уроке математики, который вела наша классная руководительница **Галина Васильевна Соловова**. То ли на спор, то ли из желания себя *показать* он во время урока громко матерно выругался. Реакция была мгновенной:

– Афоньков, вон из класса!!

Ушёл. Но урок по существу был сорван – Галина Васильевна долго не могла успокоиться.

Не помню уже, после этого случая или позднее, но из школы его исключили.

Был ещё драчун отчаянный – **Ланевский**. Драться лез по любому поводу. И других любил провоцировать. Почти таким же был **Архипов**. Драки случались постоянно, чуть ли не каждый день. Обычно я участия в них не принимал. Но однажды спровоцировали на драку и меня. Причём не с кем-нибудь, а с самым близким моим товарищем Юрой Ермаковым.

Ермак был худой и длинный. Не помню, по какому поводу его *науськивали* на меня на перемене. Он поддался на провокацию и начал меня *задирать*. Считалось, что он сильнее меня. Наверное, так оно и было. Но я разозлился и начал первым. Юрка этого совсем не ожидал и был ошарашен. Настолько, что всего лишь закрывал своё лицо руками. Стукнув его несколько раз, я отошёл. Мне совсем не хотелось его бить, вполне было достаточно того, что я *вышел*

победителем. Конечно, мы с ним быстро помирились. Но та драка сыграла мне добрую службу: *задирать* меня стали меньше. Поняли, что могу и *дать*.

Чем развлекались на уроках *деточки* в 5-м классе? Кто-либо из *заводил*, когда ему становилось скучно, начинал тихонько:

Тита – тита – тита – тита,
Вынесли[2] *кота Никиту,*
Руки-ноги оторвали,
В ж… пороху напхали.
Пушка!..

И класс отвечал, уже громче:

Го-го!!

Учительница вздрагивала, не понимая, что происходит.

Школьной формы у нас не было никогда. Одеты – кто во что горазд. После войны все одевались бедно. В основном, носили одежду, перешитую из старой, взрослой. И даже на этом пёстром фоне выделялся мой одноклассник Федя Морозов, запомнившийся одной из самых первых эпиграмм, написанных мною. По памяти:

Мамина рубашка, папины штаны,
Тётина жилетка, дядины трусы.
И всё мешком на нём висит,
А Федя носит и молчит.

А что было делать бедному Феде, если его мама была не в состоянии хоть сколько-нибудь прилично одеть сына! Жестокая, несправедливая эпиграмма, и мне стыдно за неё. Одно только меня оправдывает: у меня хватило ума не показывать её в классе.

После окончания 6-го класса поступило распоряжение ГорОНО: наш класс перевести в 35-ю школу, открывшуюся рядом с городским рынком.

Не сомневаюсь в том, что городские власти хорошо понимали: соседство школы с рынком, который слыл криминальным центром Ростова-папы, крайне нежелательно. Но они решали свои задачи. Ростов был сильно разрушен войной. Один их наиболее пострадавших от войны советских городов. Его восстанавливали многие годы. Наверняка перед городскими властями стояла очень трудная задача: обеспечить бесперебойное функционирование всех служб большого разрушенного города. Возможно, другого решения у них на тот момент не было.

Но мы об этих глобальных задачах не знали. Наша семья жила тогда на Ульяновской улице. До 35-й мне было вдвое ближе, чем до 39-й. Но разве дело только в расстоянии? Мы просто не хотели

[2] Глагол был другой, непечатный.

учиться *на базаре*. В 35-ю ушёл не весь класс. Часть учеников перешла в 49-ю школу, несколько человек, в том числе и я, перевелись в параллельный класс 39-й. Я был на хорошем счету, а школы не любят расставаться с хорошими учениками – снижается общий потенциал оставшихся, ухудшаются показатели, по которым отчитывается школа. Объективно наши интересы совпали, и я остался в 39-й.

Примерно в это в это время у отца зародилась идея моего *прыжка через класс*. Сдать экстерном за следующий класс, догнать впереди идущих и окончить школу на год раньше. Отец смотрел на годы вперёд: при этом я имел бы какие-то преимущества в отношении призыва в армию.

Юридически это было возможно. Хотя никаких подобных прецедентов вокруг себя я не видел. Пройти за год два класса я бы сумел. В отличники бы не выбился, но программу бы освоил, хотя это было и нелегко.

Однако *прыжок через класс* имел существенный минус. В предвоенном 1940-м году в 1-й класс принимали, как правило, с 8 лет. Я поступил в 7.5. Во время войны многие ребята потеряли год, а то и два учёбы. В результате в моём классе я был одним из самых младших. А в том, который шёл впереди, оказался бы самым младшим. Следовательно, физически самым слабым и самым незащищённым. В детском коллективе, где сила кулака являлась главным аргументом в постоянно возникающих конфликтах, это обстоятельство могло стать для меня источником серьёзных неприятностей. Вероятно, именно поэтому отец отказался от идеи *прыжка через класс*.

Впервые в жизни мы справляли своей компанией Новый, 1946-й год. В магазинах ни черта не было. *Отоваривались* по карточкам, а перед Новым годом вообще всё успели *смести*. Главное новогоднее блюдо – винегрет мы готовили у меня дома. Ермак тщетно искал на полках какое-нибудь растительное масло. Не найдя, притащил рыбий жир, которым мама пыталась меня поить. Как носителем витаминов. Я сопротивлялся, как мог – довольно противный. Им Ермак *втихую* и заправил наш новогодний винегрет. Я схватился за голову:

– Что ты наделал! Ты же его испортил!

– Ничего, съедим!

Кто-то из ребят притащил *спиртное* – сладкий ликёр «Бенедиктин».

С винегретом, заправленным рыбьим жиром, буханкой чёрного хлеба и «Бенедиктином» мы и отправились встречать Новый год.

Ермак был прав: винегрет мы съели. Всё равно ничего другого не было.

1948 год мы встречали у Вольки Бабанина. Нас пятеро: Павлик Певзнер, Женя Уланов, Владик Киселёв, Волька и я. На праздничном столе винегрет, грибы, оладьи, ромовая баба, пирожные и портвейн. Женька Уланов стащил у матери, учительницы химии, склянку спирта, на этикетке которого было написано «Спирт метиловый».

– Какая разница? Он же спирт!

Этот Новый год вполне мог оказаться для нас последним. Какое счастье, что в наши дурные, совсем ещё не химические головы всё же закрались сомнения, и мы отправились в соседнюю квартиру консультироваться: это *тот* спирт или *не тот*? Не бог весть какой грамотный сосед, обнюхав склянку, посоветовал спрятать её подальше. И только потом мы узнали, что метиловый спирт – это страшный яд, что даже небольшие его дозы приводят к слепоте, а чуть побольше – к смерти.

Сколько трагических случаев отравления метиловым спиртом я знал в своей жизни! Позднее, когда я сам ненадолго стал учителем химии, я часто вспоминал об этом промахе, допущенном Таисией Андреевной Улановой. Он стал для меня суровым уроком: у тебя в руках страшные реактивы, которые могут стать источником больших бед для детей. Не оставляй их без присмотра ни на минуту!

Но тогда судьба хранила нас.

А мы смеялись. В 46-м «Бенедиктин» и рыбий жир, в 48-м метиловый спирт. Что будет в 49-м? Серная кислота?

У меня сохранилась экзаменационная работа по русскому языку на выпускном экзамене в 7 классе 22 мая 1947 года. С этим диктантом связана история, которую часто потом мы вспоминали. Ребята опасались, что не справятся с пунктуацией. В нашей *тройке* самым грамотным считался я. Поэтому договорились так: я сажусь впереди, за мной Павлик Певзнер, за ним Юрка Ермаков. При проверке, когда текст диктанта зачитывается повторно, уже с большой скоростью, я жму на выставленную вперёд ногу Павлика. Это означает: здесь нужна запятая. Павка жмёт на ногу Ермака.

В качестве диктанта нам предложили отрывок из «Тараса Бульбы» Гоголя – «Ночь перед проводами сыновей». Ираида Михайловна с чувством читала, нет, не читала – декламировала! – текст. Отрывок заканчивался предложением: «*Рыдая, она глядела им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала о том, что, может быть, Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд».* Тогда-то Ермак и произнёс фразу, запомнившуюся на годы:

– Ой, пропала моя нога в последнем предложении!

В школе мы всегда сдавали огромное количество экзаменов. В 6 классе их было 6, в выпускном 7-м – 11, в 8-м и 9-м – по 8 и, наконец, в 10-м – 9. Это потом педагоги пришли к выводу о чрезмерности такой эмоциональной нагрузки, и количество экзаменов стали сокращать, а в некоторых классах и вовсе отменять.

Роль экзаменационной оценки была огромна: она могла улучшить или ухудшить результат работы в течение всего учебного года.

К экзамену специально готовились в течение всей 4-й четверти: повторяли пройденный материал, обобщали полученные знания. Содержание билетов было известно заранее, оно было единым чуть ли не для всей страны. 1-3 дня подготовки непосредственно перед экзаменом авральными уже не были. Кое-что повторить, в чём чувствовал себя слабее. И, главное, привести себя в хорошее физическое состояние. Экзаменационным утром надлежало быть выспавшимся, бодрым, позавтракавшим.

Многие надеялись *исправить* на экзамене годовую оценку. Мне обычно исправлять было нечего. Не ухудшить бы. На экзаменах в 6 классе я получил одну четвёрку – по географии. Спасло меня то, что во всех четырёх четвертях я имел пятёрки, годовую вывели 5. Я получил Похвальную грамоту. Это было престижно и приятно.

РСФСР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученику 6 „В"-го класса мужской средней школы
№ 39, Андреевского района, гор. Ростова н/Д.
(села, города, района и края - области)
Файну Виктору
(фамилия и имя)
ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Ростов-Дон
(город, село)
4 июня 1946 г.
№ 47

Директор школы

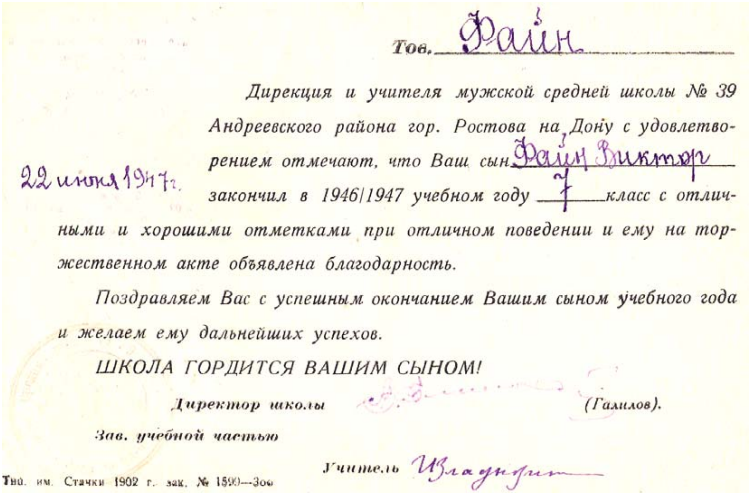
Учителя:

Такими Похвальными грамотами награждали отличников

А вот единственная четвёрка на экзамене по алгебре в 8 классе привела к годовой четвёрке: перед тремя четвертными пятёрками в первой четверти *затесалась* четвёрка.

Настроение на экзаменах в 7 классе мне испортила Полина Захаровна Варламова. Пятёрки по немецкому языку она вообще ставила мне скупо. Считала, что я способен на большее, и четвёрками пыталась понудить меня к более энергичным занятиям языком. Увы, этого ей не удалось: острой необходимости в этом я тогда не видел. Единственная четвёрка на экзамене по немецкому обернулась единственной четвёркой в Свидетельстве об окончании неполной средней школы, лишившей меня статуса отличника.

По итогам каждой учебной четверти и учебного года в целом дирекция школы отправляла благодарственные письма родителям отличников и *хорошистов.* Я учился хорошо, и мои родители регулярно получали такие письма. Вот одно из них



Тов. Файн

Дирекция и учителя мужской средней школы № 39 Андреевского района гор. Ростова на Дону с удовлетворением отмечают, что Ваш сын Файн Виктор закончил в 1946/1947 учебном году 7 класс с отличными и хорошими отметками при отличном поведении и ему на торжественном акте объявлена благодарность.

22 июня 1947 г.

Поздравляем Вас с успешным окончанием Вашим сыном учебного года и желаем ему дальнейших успехов.

ШКОЛА ГОРДИТСЯ ВАШИМ СЫНОМ!

Директор школы (Галилов).

Зав. учебной частью

Учитель Владимирт

Тип. им. Стачки 1902 г. зак. № 1590—300

Поздравление, полученное моими родителями после окончания мною 7 класса

В последующие годы такие поздравления приняли более патетическую форму, например, после окончания 8 класса (стилистика сохранена):

«Будущее светло и прекрасно,
любите его, стремитесь к нему,
работайте для него…»
Н.Г. Чернышевский.

Дирекция и учителя мужской средней школы № 39 гор. Ростова н-Д Андреевского района поздравляют Вас с окончанием Вашим сыном Файн Виктором на 4 и 5 1947-1948 учебного года при отличном поведении и переводом его в 9-й класс.

Коммунистическая партия учит нас, что школа и семья должны воспитывать волевых и смелых, умных и культурных, честных и талантливых патриотов нашей Великой советской Родины. Наше горячее желание видеть Вашего сына таким.

Директор школы № 39 А.В. Галилов
Зав. учебной частью Е.А. Шелепина
Классный руководитель И.М. Владыкина.

Патетика нас не смущала. Вся наша жизнь была пронизана такой патетикой. Мы к ней привыкли.

7-й класс «Б» 39-й школы
Сверху слева: Дронов, Ашрафьян Роберт, Евзерихин, Близнюк, Будянский, Териков, Серпуховитин, Миллер, Борщевский, Буров, Захаров, Ашрафьян Исаак, Арефин, Черкасов, Сотников, Крамеров, Смолин, Киселёв, Ермаков, Флорин, Бондаренко, Морозов, Орлов, Певзнер, Зеленский, А.С. Стасюк, И.М. Владыкина, Гольдман, Бабанин, Файн, Гончаров, (не опознан), Шелякин, Терновой, Уланов, Горожанкин.

Только в 9 классе я вновь заслужил Похвальную грамоту: одни пятёрки в двух последних четвертях, все 8 пятёрок на экзаменах и 17 пятёрок в годовой табели.

Из дневника.

21 сентбря 1948 г. Вчера после трёхдневного отсутствия в школе появились Дурач, Дзедзиев и Бадальян. Эти три *героя пробартёжили* три дня – ходили в кино. Чтобы оправдать своё отсутствие, прикинулись больными. Дзедзиев намотал себе на шею полметра бинта, Бадальян завязал щёку и окончательно превратился в бабу, его появление вызвало в классе смех, а Дурач просто-напросто принёс справку от знакомой врачихи о болезни.

20 мая 1949 г. Наш класс побил рекорды по всем показателям: отличников – 4 (Миллер, Елизаров, Страдомский и я), без троек – 6 (Бабаев, Певзнер, Гольдман, Дурач, Маслёнков, Фомичёв), остались на второй год – 3 (Бадальян, Завгородний и Николайчук).

9 класс Б 39-й школы, апрель 1949 г.
Верхний ряд слева: Женя Борщевский, Зура Дзедзиев, Шура Елизаров, Валя Варшавский, Вова Миллер, Юра Голоднов, Стасик Масленков, Жан Пирумян, Стасик Архипов.
Средний ряд: Толя Николайчук, Володя Дронов, Талик Страдомский, классный руководитель Ираида Михайловна Владыкина, Валера Черкасов, Валера Гоголев, Роберт Дурач.
Нижний ряд: Женя Горожанкин, Витя Файн, Юра Ермаков, Миша Бабаев, Юра Старовойтов, Павлик Певзнер

Реформа 1947 года

В декабре 1947 года *грянула* денежная реформа. В моём архиве сохранился номер ростовской газеты «Молот» за 15 декабря

1947 года, в котором было опубликовано Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Привожу часть этого документа:

1. Выпустить в обращение с 16 декабря 1947 года новые деньги в рублях образца 1947 года.

2. Вся денежная наличность, находящаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, подлежит обмену, за исключением разменной монеты.

Разменная монета обмену не подлежит и остается в обращении по номиналу.

3. Проведение обмена старых денег на деньги образца 1947 года возложить на Государственный банк СССР.

Обмен денег на всей территории СССР произвести в течение недели, то есть начиная с 16 декабря до 22 декабря включительно, а в отдаленных районах — в течение двух недель, то есть с 16 декабря до 29 декабря включительно по списку, утвержденному Советом Министров СССР.

4. Произвести обмен имеющихся ныне в обращении наличных денег на новые деньги по соотношению десять рублей в деньгах старого образца на один рубль в деньгах образца 1947 года.

5. Со дня выпуска денег образца 1947 года и до окончания срока обмена деньги старого образца принимаются во все платежи из расчета одной десятой их нарицательной стоимости.

Деньги старого образца, не предъявленные к обмену в установленный срок, аннулируются и теряют свою платежную силу.

6. Выплата отдельным гражданам денежных сумм по внутренним переводам, аккредитивам и депонентским счетам, по которым денежные средства поступили в государственные учреждения до выпуска денег образца 1947 года, производится по соотношению 10 рублей деньгами старого образца на один рубль деньгами образца 1947 года.

7. Заработную плату рабочим и служащим за первую половину декабря 1947 года, денежное довольствие военнослужащим, стипендии, пенсии и пособия за декабрь 1947 года выплатить деньгами образца 1947 года в течение 16, 17, 18, 19 и 20 декабря 1947 года повсеместно на территории СССР, независимо от установленных сроков выплаты зарплаты.

8. Одновременно с выпуском денег образца 1947 года произвести в сберегательных кассах и Государственном банке СССР переоценку вкладов и текущих счетов населения по состоянию на день выпуска денег образца 1947 года на следующих основаниях:

а) вклады размером до 3.000 рублей включительно остаются без изменения в номинальной сумме, т. е. переоцениваются рубль за рубль;

б) по вкладам размером до 10.000 рублей включительно во вклад зачисляются: первые 3.000 — без изменения номинальной суммы, а остальная часть вклада переоценивается: за три рубля старых денег — два рубля новых денег;

в) по вкладам размером свыше 10.000 рублей во вклад зачисляются: первые 10.000 рублей в размерах, предусмотренных выше, в пункте «б», а остальная часть вклада переоценивается: за два рубля старых денег — один рубль новых денег.

Председатель Совета Министров Союза ССР
И. СТАЛИН

Секретарь ЦК ВКП(б)
А. ЖДАНОВ

14 декабря 1947 года.

О предстоящей реформе ходило множество слухов. Так, говорили, что каждому гражданину предоставят возможность обменять ограниченное количество денег. На этом слухе и *погорела* наша семья.

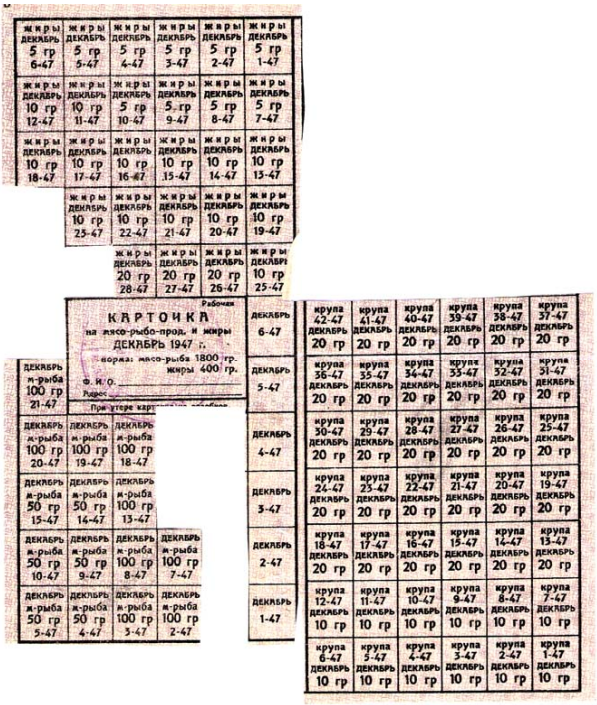
Из дневника. 16 декабря 1947 г. Папа очень расстроен: он забрал все свои деньги – 8000 руб. из сберкассы. Теперь это будет всего 800 р., а в сберкассе осталось бы порядка 5-6 тысяч.

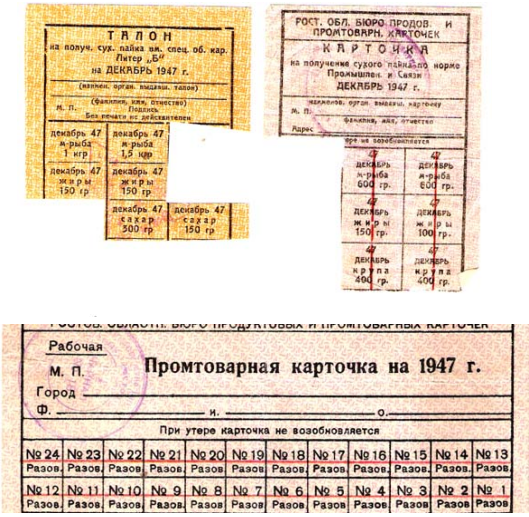
Когда стало известно о реформе, в городе творилось что-то невообразимое.

Из дневника. 16 декабря 1947 г. Люди словно взбесились – хватают всё, что в глаза лезет. Магазины совершенно пустые. В аптеке стоит огромная очередь за… клизмами! На рынке цены возросли в несколько раз: буханка хлеба стоит 400 руб., один мандарин – 30 руб.

Сегодня утром ходил с Владиленом (Киселёвым) смотреть результаты реформы. Хлеб продают свободно, никакой очереди нет. Зашли в бывший промтоварный особторг. Там товаров полно! Велосипед стоит 1400 руб. Так что поплыли Юркины денежки. Он собирался купить велосипед, но его 2000 руб. превратились в 200 р. Зашли в магазин около кинотеатра «Родина». Там продают перья по 5-8 коп. и карандаши простые по 30 коп. Коробка цветных карандашей стоит 1 р. 50 коп. Ольга Ефимовна *достала* полкило сахара и полкило конфет. В школе открыли буфет. Сегодня были печенье по 2 р. 80 к. за 100 г. и конфеты по 2 р. 40 к. за 100 г. Папа сказал, что больше давать мне денег на завтраки не будет, т.к. наши финансы здорово пострадали.

Кто теперь помнит, как выглядели *старые* рубли и отменённые карточки? У меня есть возможность напомнить – сохранил в дневнике:





Образцы продовольственных и промтоварных карточек

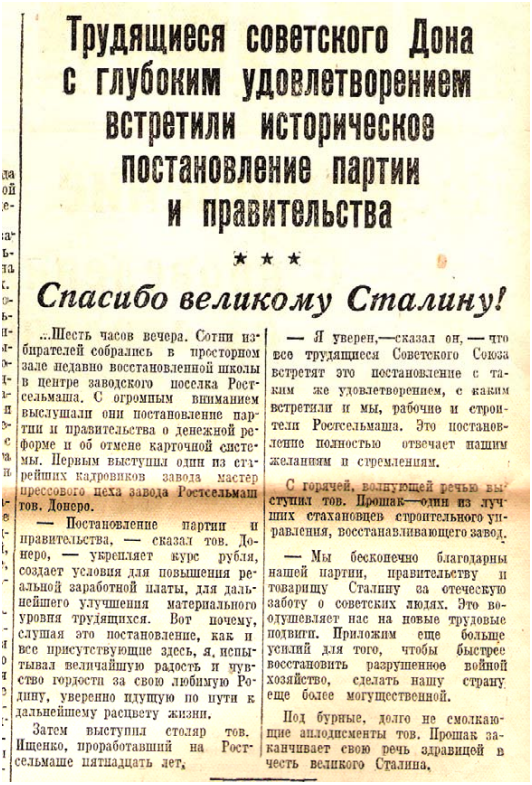
Множество талонов так и остались *неотоваренными*. И не потому, что их было слишком много, даже по карточкам товары нужно было ещё суметь *достать*!

Сразу же возник ажиотажный спрос на монеты, номиналы которых не девальвировали. В те годы существовали *детские копилки* с прорезями для монет. Положить монетки в такую *копилку* можно, а достать нельзя, можно только разбить *копилку*. Когда-то у меня была такая *копилка*, и я пожалел, что не завёл её в 1947 году.

В трамвае никто не хотел платить монетами, все давали рубли, а кондукторы не хотели отсчитывать сдачу. Кто-то ругался, но больше смеялись.

Такая была реакция на реформу.

А что писала пресса на эту тему? Типичный пример – в том же номере газеты «Молот»:



Трудящиеся советского Дона с глубоким удовлетворением встретили историческое постановление партии и правительства

* * *

Спасибо великому Сталину!

...Шесть часов вечера. Сотни избирателей собрались в просторном зале недавно восстановленной школы в центре заводского поселка Ростсельмаша. С огромным вниманием выслушали они постановление партии и правительства о денежной реформе и об отмене карточной системы. Первым выступил один из старейших кадровиков завода мастер прессового цеха завода Ростсельмаш тов. Донеро.

— Постановление партии и правительства, — сказал тов. Донеро, — укрепляет курс рубля, создает условия для повышения реальной заработной платы, для дальнейшего улучшения материального уровня трудящихся. Вот почему, слушая это постановление, как и все присутствующие здесь, я, испытывал величайшую радость и чувство гордости за свою любимую Родину, уверенно идущую по пути к дальнейшему расцвету жизни.

Затем выступил столяр тов. Ищенко, проработавший на Ростсельмаше пятнадцать лет.

— Я уверен,—сказал он, — что все трудящиеся Советского Союза встретят это постановление с таким же удовлетворением, с каким встретили и мы, рабочие и строители Ростсельмаша. Это постановление полностью отвечает нашим желаниям и стремлениям.

С горячей, волнующей речью выступил тов. Прошак—один из лучших стахановцев строительного управления, восстанавливающего завод.

— Мы бесконечно благодарны нашей партии, правительству и товарищу Сталину за отеческую заботу о советских людях. Это воодушевляет нас на новые трудовые подвиги. Приложим еще больше усилий для того, чтобы быстрее восстановить разрушенное войной хозяйство, сделать нашу страну еще более могущественной.

Под бурные, долго не смолкающие аплодисменты тов. Прошак заканчивает свою речь здравицей в честь великого Сталина.

Конечно же, только так: Спасибо великому Сталину! Все многочисленные отклики сводились исключительно к этому.

Активисты

Мы были *тимуровцами*: ходили в какие-то дома помогать престарелым. Посещали госпиталь, в котором лечились раненые. Обычно *запала* хватало всего на несколько посещений.

Активность и энергия старшей пионервожатой нашей школы били через край. Она часто приходила в наш класс и как-то лихо управлялась даже с нашими хулиганами. Это благодаря её стараниям мы с Ермаком стали *завсегдатаями* Дворца пионеров. Моя память не сохранила её имени, *за глаза* её называли только по прозвищу. Но это прозвище… Даже приводить неудобно: *Целка.* Потом она вышла замуж за длинного парня по фамилии Бергер,

который жил в нашем доме, на Энгельса, 102. Ушла в декретный отпуск и больше к нам не вернулась.

Уже с 5 класса было *положено* выпускать классную стенгазету, которая *призвана* отражать жизнь класса и воспитывать критику и самокритику. Выпускать газету поручили нам с Ермаком, и старшая пионервожатая пристально следила за тем, чтобы газета выходила регулярно. Однажды мы *проехались* в адрес Архипова и Ланевского, забавлявшихся на перемене швырянием чернильниц. Ох, как им это не понравилось! Стали активно на нас *наезжать*, и, чтобы избежать драки, мы вынуждены были сказать, что заметку писала старшая пионервожатая, и мы не могли её не поместить. Старшая пионервожатая имела статус учительницы, и *связываться* с ней наши *бузотеры* опасались.

Ростовский Дворец пионеров находился рядом с нашей школой, и мы ходили туда едва ли не на все мероприятия. Я запомнил одно из первых своих посещений Дворца. Кажется, в 5 классе. Предстоял конкурс детской самодеятельности, и мне очень захотелось принять в нём участие. Но как? Ничего *за душой* у меня не было, ни в какой самодеятельности я участия не принимал. Подговорил одного мальчишку, и мы с ним *разыграли сценку*. Драматургом, режиссёром-постановщиком и исполнителем главной роли был я. Что-то там про партизан и немцев. Меня нисколько не смущало полное отсутствие подготовки, отсутствие продуманного хотя бы в уме сценария и репетиций. Не говоря уже о таких пустяках, как костюмы, реквизиты и прочее.

И вот картина. Актовый зал Дворца пионеров. Сцена, самая настоящая сцена. Занавес открыт. Перед сценой стол, за ним несколько членов комиссии, отбирающей *номера* для следующего тура. В пустом зрительном зале маячит десяток зрителей. На сцене мой напарник и я. Мы мечемся по сцене, звучат одни междометия: Бум! Бах! Тра-та-та-та-та! Я в азарте, и получаю от этого удовольствие.

Вряд ли члены отборочной комиссии поняли, в чём суть действа, которое мы им представили. Да и была ли там какая-то *суть*? У них хватило терпения и такта досмотреть наше *представление* до конца и даже поблагодарить за него. Пацаны заслуживали поощрения хотя бы за участие. Никуда дальше нас, естественно, не отобрали. Да я на это и не рассчитывал.

Не помню уже, перед какой аудиторией я выступал с чтением сатирического стихотворения о немецком солдате, приехавшем с фронта на побывку. Соседка рассказывает ему о судьбе его семьи. Там были такие строки:

Жена твоя в доме свиданий.
Она по приказу властей
В объятьях другого германца
Тебе зачинает детей.

– Довольно, проклятая ведьма!
За что эти муки терплю?!
Он встал и верёвку намылил
И голову сунул в петлю.

И где только я нашёл такое «детское» стихотворение и почему именно его решил читать со сцены? Дело было во время войны, значит, было мне 11-12 лет. (И вот что интересно: почему такие *шедевры* остаются в памяти на всю жизнь?).

Можно подвести итоги моей школьной *сценической деятельности*: я испытал себя в роли руководителя хора, артиста (он же автор сценария и режиссёр-постановщик) и с чтением стихов. Мальчишка рвался на сцену… Когда немножко подрос, таких поползновений уже не возникало.

Самым активным пионером у нас был Юра Ермаков. На каком-то торжественном собрании в президиум от нашей школы *выделили* Юру Ермакова, а от 37-й, женской – Аллу Калинину. Через громкоговоритель, под звуки туша, были приглашены Алла Ермакова и Юра Калинин…

В сентябре 1946 года первых ребят из нашего класса принимали в комсомольскую организацию. В комсомол принимали с 14 лет. До 14-летия Юре не хватало меньше 2-х месяцев, а мне – целых 5. Но уж очень хотелось! Мы принесли рекомендации, в том числе от секретаря комсомольской организации школы. Но непосредственно перед заседанием комсомольского бюро выяснилось, что 14 нам ещё не исполнилось. Попросили немножко подождать. На всю жизнь запомнил, какое это было огорчение!

Мы были активными участниками подготовки первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР 21 декабря 1947 года и очень жалели, что сами ещё не имеем права голосовать. Нам поручили ходить по квартирам и приглашать избирателей на предвыборные собрания.

Выборы начались в 6 часов утра. Считалось престижным проголосовать в числе первых. Газеты писали о тех, кто первым опустил бюллетени в урны, приводили их фотографии. А нас с 7 часов утра отправили по квартирам приглашать избирателей на избирательный участок. В доме № 53 по Книжной улице за мной были *закреплены* 12 избирателей. Пока они не проголосуют,

я не мог быть свободным. Мы с ребятами подняли на ноги весь дом. Бывало и так: в ответ на ранний стук дверь приоткрывалась, и из неё высовывалась небритая заспанная физиономия. Когда до неё доходило, кто и зачем разбудил её обладателя, раздавался трёхэтажный мат.

Я гордился: все мои избиратели проголосовали до 8.30 утра.

Желание самому участвовать в выборах было безмерным. Но меня ещё ждало целое потрясение: 18 февраля 1951 года состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР, а 19 февраля мне исполнилось 18 лет. Всего один день!!

Комсомольцев направляли вожатыми к пионерам. Высокая честь стать вожатым у третьеклассников была предоставлена и мне. В 7-9-м классах. Сначала я не хотел этим заниматься, и меня даже собирались вызывать на школьный комсомольский комитет. А перед этим за такое же *прегрешение* исключили из комсомола Бориса Козинца, правда, потом восстановили. Я оправдывался тем, что у меня уже есть два комсомольских поручения. Но меня от них освободили, обязав стать пионервожатым. Пошёл, втянулся и охотно ходил на переменах к своим подопечным, которые облепляли меня со всех сторон.

Из дневника. 5 октября 1948 г. Проводил сбор своих пионеров, посвящённый истории пионерской организации. На сборе в качестве представителя учкома присутствовал Голоднов.

К празднику мы разучивали пионерские песни. Запомнил один *шедевр,* слова которого сплошь состояли из одних лозунгов:

Чтоб мы комсомольскою сменою стали,
Чтоб нами гордился народ!
В борьбе и в науке, как Ленин и Сталин,
Пойдём неустанно вперёд!
Готовься в дорогу
На долгие годы,
Бери с коммунистов пример!
Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер!

Я безбожно фальшивил, пионеры – вслед за мной. До тех пор, пока наше исполнение не услышал директор школы Александр Васильевич Галилов, который сам пропел, как следует. По свидетельству Г. Терикова, Галилов пел в народном театре.

В моём архиве сохранилась любопытная бумага. Вот её текст.

Благодарность комитета комсомола мужской средней школы № 39.

29 октября 1948 года.

Комитет комсомольской организации школы № 39 выносит благодарность комсомольцу Файну Виктору за активное участие в общественной жизни школы и большую плодотворную работу, проведенную им в качестве вожатого пионерского отряда.

Комитет комсомола выражает свою надежду и уверенность видеть в Вас достойную смену нашей великой, мудрой и могучей коммунистической партии.

Верным сынам комсомола СЛАВА!

Секретарь комитета И. Каган.

Коммунистическое воспитание в нашей школе было на высоте…

В 6 классе у нас началась шахматная эпидемия. Затем шашечная. Турниры следовали один за другим. Миллер, Ермаков, Териков, Певзнер, Крамеров, Горожанкин, Дурач, Киселёв, Дронов, Бабанин, Уланов – мы только и делали, что играли в шахматы. Играли друг с другом матчи. Я *заработал* сначала пятую, потом четвёртую и даже третью категории.

О самом первом шахматном турнире, проведенном в нашем классе в 1944 или 1945 г., мне напомнил Териков. Первое место в нём занял Горожанкин, а мы с Териковым поделили 3 и 4 места.

У меня сохранилась общая тетрадь, в которой любовно вычерчены таблицы всех турниров, в которых я участвовал, записаны некоторые партии. Первенство 7 класса «Б» в 1946 г. поделили Ермаков и Крамеров, а я занял 4-е место. Тогда же матч Ермаков – Файн закончился со счетом 4:2 в пользу Ермакова. В 8 классе чемпионом стал уже Миллер, а я поделил 2-4 места с Дурачем и Киселёвым. В первенстве школы 1948 года Миллер занял 4-е место, а я 5-е. Первенство школы по шашкам 1949 года выиграл Миллер, 2-е место занял Певзнер, я – 3-е, а 4-м был Голоднов.

Из дневника. 15 июня 1949 г. Вчера играли матч-турнир: Голоднов, Певзнер и я. Он закончился моей победой: я набрал 5.5 из 8, Павка набрал 5, Голоднов – 1.5. Результаты матчей: Файн – Певзнер 3:1, Файн – Голоднов 2.5:1.5, Певзнер – Голоднов 4:0.

В моём архиве сохранились два квалификационных билета, выданных шахматно-шашечной секцией Ростовского на Дону городского комитета по делам физической культуры и спорта. Квалификационный билет № 203, выданный 20 ноября 1947 г. с записями о последовательном присвоении в 1947 г. пятой и четвёртой категории и третьего разряда по результатам турнира

во Дворце Пионеров в 1949 г. И билет № 1258 от 23 апреля 1949 г. о присвоении пятого и четвёртого разрядов по шашкам в 1949 году. С автографами известных в Ростове тренеров Арона Абрамовича Богатина и Семёна Львовича Шеваховича.

В 1947 году во Дворце пионеров давал сеанс одновременной игры известный шахматист Игорь Бондаревский[3]. Нас было человек 30, и обстановка была торжественная. Длинный ряд столов, покрытых скатертями, зрители за нашими спинами, объявления в микрофон о результатах закончившихся партий. Когда я проиграл свою партию, объявили:

– Закончилась очередная партия. Бондаревский выиграл у Файна.

Услышав, Бондаревский остановился, оглянулся и внимательно посмотрел на меня. Перед нами не было табличек с фамилиями, и он не знал фамилий пионеров, с которыми играл. В это время готовился знаменитый матч-турнир на первенство мира по шахматам, в котором Ботвинник стал чемпионом мира. В нём должен был принять участие известный американский шахматист гроссмейстер Робейн Файн. Это имя было *на слуху* у всех.

Позже в сеансе одновременной игры я сумел сыграть вничью с заслуженным мастером спорта Макагоновым и был этим очень горд.

К 10-му классу эпидемия пошла на убыль, но мы с Миллером *держались* дольше всех в классе. Много играли друг с другом, забывая обо всём на свете. Был случай, когда у меня дома во время игры я почувствовал себя плохо. Хотел прервать партию, но Вовка настоял, чтобы мы закончили. Когда он ушёл, я измерил температуру – меня знобило. Больше 40°. Вернувшаяся с работы мама удивлялась:

– Как же ты играл?!

Традиционные командные турниры и матчи на первенство района, на первенство города. В них наша школа нередко выступала тремя командами. И успешно. Мы с Миллером были обязательными их участниками.

---

[3] Бондаревский Игорь Захарович (1913-1979) родился на хуторе Самсонов близ Ростова-на-Дону, был чемпионом Ростова-на-Дону. В 1937 впервые сыграл в чемпионате СССР. Всего участвовал в 9 чемпионатах, в 1940 завоевал звание чемпиона СССР. Заслуженный мастер спорта СССР (1948), гроссмейстер (1950), заслуженный тренер СССР (1966). Был тренером многих сильнейших гроссмейстеров СССР, в том числе Бориса Спасского в период его борьбы за звание чемпиона мира. Имел звание международного арбитра (1954). По образованию инженер-экономист.

Из дневника.

2 сентября 1948 г. Миллер будет организовывать шахматную работу во всей школе. Он создал систему: сначала классные турниры, 20 победителей играют в общешкольном.

3 января 1948 г. Вчера начались командные соревнования школ города по шахматам и шашкам. Я играю в 3-й команде нашей школы. Её состав: 1. Зимин, 2. Файн, 3. Концевой, 4. Ермаков, 5 (шашки). Смушкевич. Вчера мы играли с 13-й школой. Выиграли 4:1. Проиграл Смушкевич.

10 января 1950 г. Закончились IV городские шахматные соревнования. Наша команда, победив последовательно 64-ю школу 5:0, ВВС № 10 – 4.5:0.5, 49-ю 4.5:0.5, 13-ю 4:1, 75-ю 3:2, 2-ю 4.5:0.5, 78-ю 5:0, 40-ю 4.5:0.5 и 32-ю 3,5:1.5, заняла первое место, значительно опередив всех своих соперников.

А вообще же мои шахматные успехи были весьма скромными: максимум, чего я смог достичь, это второй разряд, который получил уже после окончания школы. Вова Миллер, с которым вначале мы играли на равных, добился значительно большего: он стал кандидатом в мастера, а по шашкам – чемпионом города среди юношей.

Другим увлечением были марки. Почти все мои друзья коллекционировали марки. В 5 классе мы с Ермаком бегали к одному дядьке покупать иностранные марки. Марок было не просто много – *фантастически* много. Говорили, что он вывез из Германии целый филателистический магазин. Он ставил перед нами коробки, битком набитые целыми кучами стандартных марок, выпускавшихся многомиллионными тиражами. Многие марки там были в десятках, если не сотнях, экземпляров. Андорра, Монако, Люксембург, Босния и Герцеговина – названия ласкали слух и заставляли сильнее биться наши мальчишечьи сердца. Он продавал их по дешёвке, по 5-10-15 копеек за марку, в тех, до 47-го года деньгах. Денег у нас было так мало, а искушение так велико, что мы, дрожа от страха, *стащили* несколько штук. По-моему, он знал об этом и смотрел сквозь пальцы: для него это были такие мелочи! Марки ценнее были аккуратно наклеены на листы бумаги: 1-я коллекция, 2-я, 3-я и так далее, всего штук 10. Он нам показывал только самую последнюю, и мы раскрывали рты от такого богатства.

Мы копили деньги на марки – в те годы ещё можно было очень дёшево купить довоенные советские марки, которые годы спустя стали безумно дорогими. Обменивались, дарили друг другу марки на дни рождения, показывали свои коллекции.

Увлечение филателией помогло в изучении географии: мы хорошо знали, где какие страны и какая у них валюта.

Из нас всех, по-моему, только я стал в дальнейшем серьёзным филателистом.

В нашей размеренной школьной жизни, богатой на мелкие происшествия, случались ЧП, будоражившие не одну только школу.

Послевоенный Ростов славился своим Театром Музыкальной комедии, одним из лучших в стране. Оперетту мы все любили. Театр был неподалёку от нашей школы, и мы не пропускали ни одного нового спектакля. В этом театре на первых ролях героя-любовника блистал молодой, симпатичный артист Иван Постников, обладавший красивым драматическим тенором (или баритоном?). Помню, как он завораживающе пел:

Знает весь мир,
Что моряк – сердец кумир.
Счастья река –
Вот дорога моряка!
Всюду для нас
Свет женских глаз…

Этот *моряк* был кумиром девчонок. От него сходили с ума. Потом оказалось, что *реку счастья* он бурным потоком прокладывал себе не только на сцене.

Известие об аресте Постникова в 1948 г. взорвало школу. У Постникова был *притон*. Организовал его 50-летний Померанец, который жил в нашем доме, на Энгельса, 102. Я знал его. В 1945-м он даже как-то угостил меня мороженым. Первым послевоенным, с двумя круглыми вафельными пластиночками. Которое стоило целых 10 рублей, огромную для такого пацана цену. В этот *притон* ходили юные поклонницы артиста Постникова, среди которых были и девочки из 37-й школы. Прежде, чем попасть в постель своего кумира, они *проходили* через лапы Померанца. И всю эту мерзость фотографировал ученик нашей школы Юра Хурин, который учился на класс младше нас, маленький, худой, незаметный, с непропорционально длинным носом. Разоблачили их родители одной из девочек, которым стало известно, куда и зачем отлучалась из дома их дочь.

Было следствие, был суд. Педофилы получили по заслугам. Несовершеннолетнего Хурина пожалели, он *проходил* в качестве свидетеля.

…В 2009 году я обменялся несколькими письмами с журналисткой газеты «Мой Ростов» Людмилой Викторовной Браиловской. По её просьбе я послал для рубрики «К 260-летию Ростова-на-Дону. Ростов и его обитатели» несколько выдержек из «Страниц», три фрагмента были опубликованы. Браиловская сообщила, что в заметке Л.Н. Торяник содержались такие строки:

«Все были влюблены в актёра Постникова. Он был очень красивый и играл героев-любовников. Помню, был большой скандал, связанный с ним. Его обвиняли в том, что он устраивал какие-то развратные сборища с жёнами офицеров … Кажется, его даже посадили».

После этой публикации в редакцию газеты пришла негодующая читательница, Л.С. Марченко, с обвинениями, что газета порочит светлое имя артиста, собирая сплетни.

«Моё послевоенное детство прошло в стенах Музкомедии. Бабушка моя была всего лишь контролёром на входе, но знали её все театралы. В театре работала блистательная труппа. Из героев я никогда не забуду Ивана Постникова. Он приехал в Ростов после окончания театрального училища. Если к музыкальности, молодости, привлекательной внешности добавить замечательную драматическую игру, станет понятно, почему по нему сходили с ума все женщины. Спасаясь от поклонниц, он вынужден был часто менять место жительства. Короче: его посадили за "разврат". Всё это я, естественно, слышала от взрослых. Технический персонал театра, которому приходилось оборонять подъезды театра от его поклонниц, был на его стороне. Но у меня и сейчас перед глазами: вот он стоит на авансцене в треуголке, закинув на плечо полу чёрного плаща (в оперетте "Терезина" о наполеоновских временах) и говорит "Тереза, Терезина, люблю тебя". А женщинам в зале, большинство которых война сделала одинокими, кажется, что он ИМ это говорит. Надеюсь, задним числом ему ещё и педофильство не пришьют?».

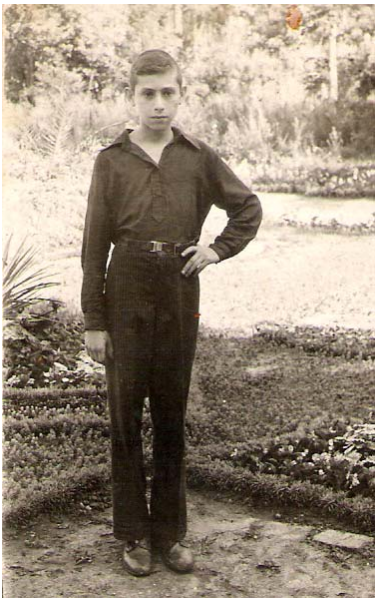
С «негодующей читательницей» всё понятно: ребёнок черпал информацию от неосведомлённых взрослых, которые ничего не знали и знать не хотели о похождениях любимого артиста.

О дальнейшей судьбе Постникова я знаю из письма Г.К. Терикова: «В 1953 г. я вернулся из армии и встретил его на Энгельса. Тут же побежал к Хурину, и мы с ним догнали Постникова на Ворошиловском. Он рассказал нам, что пять лет провёл на Волго-Доне. Поскольку его не взяли в ростовский театр, то он уехал в Иваново и работал там».

Литературные опыты

Склонность к *сочинительству*, проявившаяся у меня ещё во время эвакуации, оказалась довольно стойкой. Вместе с моим другом Вовкой Розенбергом мы начали писать «повесть». Сюжет её вкратце таков. Ученики и ученицы 4-го класса издеваются над своей учительницей. Один из них, Юра, знакомится в бомбоубежище с девочкой Наташей, с которой он подружился. Вскоре он узнаёт, что Наташа – дочь их учительницы и что её отец – командир Красной Армии – пропал без вести. Далее следует повествование об отце.

Командование послало его в Норвегию с важным секретным заданием – достать чертежи и расчёты норвежского учёного, работавшего у немцев над проблемой атомной энергии. Отец попадает в руки гитлеровцев, но его выручают норвежские партизаны. Дальнейшее развитие сюжета нам самим ясно не было. Добрая половина всего этого была уже написана, но потом мы потеряли интерес к этой «повести», а рукопись осталась у Вовки Розенберга.



Вова Розенберг. Август 1945 г.

Сочинительство естественным образом было связано с романтическим желанием чем-то прославиться, с мечтами о поимке шпиона, а то и самого Гитлера. На этот счёт у нас была даже своя *организация*, с *уставом*, *программой* и *удостоверениями.* В неё, кроме меня, входили мои товарищи Вова Розенберг, Борис Плояни и Игорь Аведиков.

А я тем временем задумал новое прозаическое «произведение» – научно-фантастическую повесть «Новый мир».

Задумавшись над глобальными проблемами существования жизни на Земле и обратив свои взоры к космосу, я готовил *научную базу* своего будущего повествования. В моём архиве сохранились ответы на письма, которые я посылал в научные астрономические учреждения. Зав. научно-методическим сектором Московского планетария профессор К.Л. Баев рассказывает «тов. Виктору Файну» о межпланетном пространстве и возникновении звёзд и планет. Письмо датировано 20 апреля 1945 года. Значит, моя *задумка* относится к началу 1945 года. А вот письмо и.о. Учёного секретаря Пулковской Астрономической обсерватории Академии наук СССР Я.Е. Гордона от 12 сентября 1947 г. Серьёзно и терпеливо отвечая на запрос любознательного пацана, он рассказывает о возможных последствиях крайне мало вероятного столкновения Солнца с другой звездой. Знал бы он, для чего это ему нужно…

Летом 47-го мы с мамой отдыхали в санатории «Медсантруд», под Туапсе. Там я жил в одной палате с весёлой компанией студентов Ростовского мединститута. Не мальчишки – все прошли войну. На меня эти дяди мало обращали внимания, а один из них, сын известного в Ростове профессора (кажется, Домбровского), наверное, долго поминал меня недобрым словом. Не помню уже, по какому поводу мне устроили консультацию с врачом санатория. А тот отправил меня за каким-то документом, который был в палате.

– Только быстро: одна нога здесь – другая там.

Прибежал, а палата заперта изнутри. Стучу – молчание. Опять стучу:

– Пожалуйста, откройте – мне документ для врача срочно нужно взять!

После нескольких томительных минут открыли. А он там с девушкой…

До сих пор хорошо помню выступление этих студентов на традиционном концерте самодеятельности в санатории.

А медики пешочком
По камушкам, по кочкам
Путь свой держат в ЦГБ.
И дорога длинная
Вдоль трамвайной линии
Остаётся в стороне…

И перед глазами хорошо знакомая трамвайная линия на Ворошиловском проспекте, вверх от Дона – к Центральной городской больнице.

И ещё на мотив популярной песни из трофейного кинофильма «Девушка моей мечты», который каждый из нас смотрел не по одному разу:

Надо, надо, надо, надо заниматься
И в девушек красивых не влюбляться!
…Если ты, если ты уже успел влюбиться,
Постарайся поскорее объясниться:
Это ж право, это ж право не годится –
Ей ведь тоже надо экзамены сдавать.

Сколько лет прошло, а я помню и этих студентов, и их выступление.

Открытка 1933 г.: Ростов, угол улицы Энгельса и Ворошиловского проспекта. Та самая трамвайная линия. На первом этаже этого дома находился центральный книжный магазин. Темерник.ру - сайт ростовской истории

В один из прохладных дней я играл в вестибюле в бильярд с каким-то приезжим дядькой, которого раньше в санатории не видел. Дважды у него выиграл. А вечером был весьма удивлён, когда, придя на встречу с известным писателем Лидиным[4], узнал в нём своего партнёра по бильярду. Может быть,эта встреча и стала толчком к новому туру *писательства*?

Лидин В.Г.

[4] Лидин (Гомберг) Владимир Германович (1896-1979) написал 17 романов, несколько сотен рассказов, очерки, мемуары, публицистические статьи. В годы войны – военный корреспондент «Известий». Объездил всю страну, бывал в Германии, Англии, Франции. Первую книгу «Трын-трава» выпустил в 22 года.

Писать новую «повесть» под названием «Новый мир» я начал по возвращении из санатория. Всего-навсего о столкновении Земли с астероидом. Я всё тщательно тогда датировал: «повесть» начата 27 августа 1947 г. (мне было тогда 14 лет), последняя из написанных глав завершена 26 февраля 1948 г. «Повесть» сохранилась. Трудно читать её без улыбки. Это – как юношеские стихи: всего лишь кусочек души того мальчишки. Только тем она и может быть интересна. Проницательный читатель сумеет воспользоваться ею, чтобы разглядеть самого автора.

Нужно только не забывать, что это написал 14-15-летний мальчишка в 1947-48 годах в стране, разорённой разрушительной войной. Задолго до начала освоения космоса. До внедрения в быт телевидения, компьютеров и многих других революционных изменений в нашей жизни, которыми был богат XX век.

Пару моих рассказов отец показал своему приятелю поэту Леониду Шемшелевичу[5]. Тот дал положительный отзыв – это его ни к чему не обязывало.

1948 г.

Вторым моим *рецензентом* стал известный ростовский поэт Вениамин Жак[6]. Помнится, его рецензия была очень обстоятельной – отмечены как положительные стороны рецензируемых произведений, так и их недостатки.

Видимо, мой отец очень серьёзно отнёсся к моему литературному творчеству, если побеспокоил столь влиятельных литераторов, пусть даже его хороших знакомых.

---

[5] Шемшелевич Леонид Вениаминович (1909-1983), поэт. Первый сборник стихов вышел в 1932 году. Всего издал около полутора десятков сборников стихов. Его перу принадлежат мемуарные очерки и литературно-критические статьи. В 1937 г. был арестован по ложному обвинению и 10 лет провёл в лагерях.

[6] Жак Вениамин Константинович (1905-1982), поэт, переводчик, мемуарист, автор 50 книг. Оставил воспоминания о Маяковском, Островском и Серафимовиче. Писал статьи о Михаиле Светлове, Иосифе Уткине, Николае Тихонове, Сергее Есенине, Александре Фадееве, Вере Пановой, А. Олениче-Гнененко, Н. Стальском.

С родителями. 1949 г.

Я никогда не пытался публиковать свои «произведения». Даже мальчишкой, когда я их писал, я чётко осознавал, что они того не заслуживают. Если в этом повествовании я воспроизвожу некоторые из них, то вовсе не для того, чтобы потешить своё тщеславие. Без этих примеров труднее будет понять, что он был такое, этот мальчишка. С ними – легче понять, каким он видел окружающий мир. Только по этой причине я рискнул нарушить некое *табу* на обнародование своих детских произведений, не могущих выдержать критики профессионалов. Детское творчество может оказаться интересным не только для того, чтобы показать, как формировался талант будущего известного писателя, поэта или художника. Оно позволяет лучше почувствовать мир, в котором жил юный автор.

Ираида

Ираида Михайловна Владыкина *вела* наш класс, начиная с 7-го и до выпуска. Преподавала у нас русский язык и литературу. Она была очень колоритной личностью. Окончила Институт благородных девиц. Учительницей стала в 1918 году. Старая дева. Вся жизнь её была в школе, ей она отдала всю себя без остатка.

Прозвище ей дали – Студебекер. *Наградить* учителя прозвищем было в порядке вещей… Я не берусь комментировать эти прозвища, нелепость многих из них очевидна.

Мои родители не раз потом удивлялись, как это мы не замечаем, что она очень безвкусно одета, намазана. Мы, действительно, не замечали этого. Она была добра и строга, умна и справедлива. Это было главное. До сих пор помню, с какой интонацией она *вдалбливала* в нас наречия **уж, замуж, невтерпёж**. Это правило мгновенно запомнил даже самый последний ученик в классе.

У неё, *литераторши*, был фантастический почерк: чуть ли не половину букв русского алфавита она писала почти одинаково.

Пётр Спиридонович Кузиков, ставший директором школы, когда мы учились в 10-м классе, так о нём говорил:

– Ну и почерк! Как у милой походка!

Самый лучший почерк в классе был у меня, и Ираида Михайловна сделала меня своего рода *классным писарем* – доверяла мне оформлять классные документы. Именно поэтому Свидетельства об окончании семилетки, Аттестаты зрелости, табели успеваемости нашего класса, в том числе и мои собственные, заполнены моей рукой.

В моём архиве сохранились несколько тетрадей с моими сочинениями. Вот темы некоторых из них.

7-й класс:

- Весна.
- Кем быть?
- Как я провёл летние каникулы.
- Безумству храбрых поём мы славу.

Первые два из них я написал в форме рассказов. Ираида Михайловна сама подала мне такую идею.

8-й класс:

- Я зрю чрез целое столетье. (Опять рассказ, фантастический. Как бы от имени самого себя, уже старика, рассказывающего внукам о пройденном пути. Сразу скажу: пророк из меня оказался некудышний: я рассказывал о том, как мне повезло быть современником великого Сталина).
- Москва – сердце нашей Родины.
- Чем близок нам Чацкий?

9-й класс:

- Почему я люблю свою Родину.
- И слава тех не умирает, кто за отечество умрёт (Державин).

Приведу текст одного из этих сочинений.

Кем быть?

Он учился в восьмом классе. Это был мальчик лет шестнадцати. Светлые русые волосы сползали на его широкий прямой лоб, карие глаза живо бегали; его высокая прямая фигура и широкий умный лоб делали его красивым. Он очень любил мечтать. Больше всего он думал о своём будущем, о своих склонностях. Ещё в детстве его мучила мысль о недолгой жизни человека. И он захотел её продлить.

Книги, журналы, газеты и опять книги… Книги медицинские, научно-фантастические, статьи – всё это проходило через его руки. Он хотел понять всё, всю историю человеческой жизни. Он сидел, работал, читал, тратя на это всё своё свободное время.

Так шла его жизнь. Он не бросал своей мечты; он понял, что в ней его призвание. Он окончил десятилетку, окончил медицинский институт. Из юноши вырос молодой человек… Он уже много знал, но хотел знать больше. Теперь он уже не скрывал своих занятий, как делал это раньше; напротив, о нём знали уже многие научные работники.

Однажды (это было в начале 196… года) к нему постучали. Он открыл. Вошёл пожилой человек, поздоровался, сел.

− Я к Вам, Максим Григорьевич. Я много слышал о Вашей работе и хочу Вам помочь. Я могу дать Вам хорошую лабораторию, где Вы могли бы работать, помощников и много материалов. Я – профессор Московского медицинского института.

Максим слушал, как очарованный. Он бросился к профессору и с жаром воскликнул:

− Как мне Вас отблагодарить! Это же счастье!

− Ничего, ничего, − успокоил его тот,− ведь это нужно для нашей Родины. Мы на Вас надеемся!

Так начала осуществляться его мечта.

В новой лаборатории он работал беспрерывно. Он забыл, что такое сон, что такое отдых. Он всё искал такое вещество, которое могло бы поднять силы человека. Потом он хотел делать искусственное дыхание.

Но ничего у него не получалось. Однажды он в отчаянии бросил опыт. Он сел и долго о чём-то думал. Прошло несколько часов. Вдруг его лицо прояснилось, он вскочил, словно пробудился ото сна. И он сделал новый состав, новую жидкость, которая при вспрыскивании должна была поднять силы.

Максим решился на опыт. Он взял обезьянку и нанёс ей смертельную рану. Когда началась агония, он быстрым движением впрыснул ей новое лекарство и стал делай ей искусственное дыхание. Но обезьянка умерла.

И опять долгие ночи сидел Максим. И он нашёл свою ошибку. Надежды на новое вещество оправдались: опыты увенчались успехом.

Максиму привезли умирающего человека. Его лекарство – последняя надежда на спасение жизни. Максим быстро проделал своё лечение. И через несколько минут человек открыл глаза! Он был спасён.

Вне себя от радости, Максим спросил:

− Как его имя? Кто он?

Это твой друг! Помнишь, по университету! − ответили ему.

Максим сел на диван и закрыл глаза. Его мечта осуществилась!

Продление жизни человека давно уже было самой лучшей мечтой человека. Всё, что здесь описано, − это фантастика. Но настанет время, когда наука постигнет и это!

Это – классное сочинение, написанное 30 апреля 1947 года четырнадцатилетним семиклассником в течение одного урока. Экспромт, созданный набело, без какой-либо правки. Наивно? Конечно. Но много ли учеников писали подобные сочинения? И много ли учителей, которые так воспитывали своих учеников?

В 1949 году в стране широко отмечали 70-летие Сталина. На зимние каникулы нам задали сочинение на тему: «Образ товарища Сталина в советской литературе». Я работал над ним все каникулы. По объёму это было самым большим моим школьным сочинением. В этом сочинении Сталину были приписаны самые лучшие человеческие качества. Советская литература давала для этого достаточно много оснований. Мне жаль, что оно не сохранилось.

Ираида, как *за глаза* звали её ребята, всячески поощряла мои литературные пробы. С её благословения мы несколько лет выпускали журнал «Наше творчество», который выходил тиражом 3 экземпляра. Я был главным редактором этого журнала, и сам печатал его на маминой пишущей машинке. Главным художником был Володя Дронов, тщательно оформлявший все экземпляры журнала. В журнале печатались лучшие классные сочинения, рассказы, стихотворения. Их обсуждали на литературном кружке. Я не знаю, в каких инстанциях их демонстрировала Ираида Михайловна. Жаль, у меня не осталось ни одного номера. Но несколько моих произведений, опубликованных в этом журнале,

сохранилось. Например, стихотворение, написанное 4 июля 1948 года:

Непогода

Бушует непогода
За моим окном,
Тучи ломят небо,
Режет душу гром.

Ветер заунывный
С веток листья рвёт,
Дерево склонилось –
Вот-вот упадёт.

И река набухла,
Взмыла берега,
Хлынула на берег
Холодная вода.

Что же происходит
За моим окном?
Почему же в небе
Всё грохочет гром?

И я сам не знаю,
Что это случилось,
Уж не мной природа
Вдруг так возмутилась?

Почему в июле
Осень прилетела,
Свою злую песню
Уж не мне ль запела?

…Пожелтевший от времени листок. На машинке отпечатан текст сочинения, которое я написал для очередного номера нашего журнала. Дата – 15 сентября 1948 года. Вот оно, с небольшими сокращениями.

Русь

От моря до моря, по степям и лесам, обнимая огромнейшее пространство, раскинулась Великая Русь. Яркое солнце счастья светит над нашей страной. Никогда не заходит оно в наших пределах, светит, улыбается гордому молодому народу, сумевшему своими руками выковать из трудностей своё счастье.

…А её гордый непобедимый народ! Где, в какой стране найдёшь такой народ?! Сквозь громадины скал, по узким непролазным тропам, по глубоким ущельям и бездонным пропастям прокладывает он себе

дорогу, твёрдой поступью идёт на краю пропасти и не глядит в неё. Иногда кажется уже, что вот-вот он сорвётся вниз, пропадёт, погибнет, но нет! Всегда и всюду находит он себе твёрдую неколебимую опору, всегда и всюду победит и добьётся своего. А когда встанет он во весь богатырский рост, когда распрямится, мигом без оглядки бегут от него шакалы и всякое другое подлое зверьё. Напролом пойдёт он тогда через все трудности и препятствия, и горе тому, кто станет на его пути! – сломит, собьёт и спустит вниз, но вынесет на мировую вершину свой гордый стяг Победы. И нет такого народа, который мог бы обогнать его в этом могучем движении! Как старые клячи, тянутся они за молодым скакуном, и, глядишь, одна уже сорвалась, полетела вниз, за ней другая, третья, и мчатся они в пропасть, увлекая за собой своих погонщиков. Глядишь, и погонщики уже сорвались, летят за своими клячами, и где теперь они остановятся?

А гордый народ, штурмом взяв одну мировую вершину, карабкается уже на другую, а там уже и на ней развевается его знамя, символ правды и могущества. И нет такой высоты, куда не взошёл бы он, и никакая пропасть не заставит его остановить или хотя бы замедлить его могучее, полное натиска движение!

Эти строки написал 15-летний мальчишка. Таким его воспитала школа. Таким она выпустила его во взрослую жизнь.

Из дневника.

1 ноября 1948 г. Ко дню 30-летия комсомола, 29 октября, мы готовили номер нашего литературного журнала, который на торжественном вечере должны были вручить школе. Сроки поджимали. Больной, я бегал из дому к Ираиде Михайловне и обратно: согласовывал, печатал на машинке, проверял. Оставалось оформить. Утром юбилейного дня Миша Бабаев сказал мне, что журнал согласился оформить Талик Страдомский. Пошли с Павкой к Страдомскому. Оказалось, что Миша его не так понял, и Талик ничего не обещал. Начали уговаривать сами. Уговорили, обещав, что поможем. Оказалось, что обложка осталась у Бабаева. Побежали к нему домой, но не застали. Нашли его в школе, забрали обложку и вернулись к Страдомскому. Просидели полдня, оформили. Забрал готовый журнал, пошёл домой. Дома мне измерили температуру – 38°. Отец сам лежал с гриппом, он и слышать не хотел, чтобы я шёл на вечер. Разрешил только отнести Бабаеву журнал и предупредить, что на вечере я не буду. Сегодня узнаю: журнал на вечере не вручали − Миша **забыл его взять**! Мишка, как ты мог?!

13 ноября 1948 г.. На сегодняшнем классном собрании обсуждали план новогоднего бала, проведение которого поручено нашему классу. Распределяли, кто чем займётся. С подачи Ираиды на меня возложили составление литературной викторины. Уже готово 40 вопросов (предполагается 50-60).

– Не хочешь учиться – иди в техникум!

Эти слова мы слышали от Ираиды Михайловны в 7 классе не один раз. В 8 классе Ираида *сменила пластинку*:

– Ученик есть ученик, поэтому вы обязаны…

Далее – в зависимости от контекста.

К подобным *нравоучениям* мы привыкли до такой степени, что совершенно перестали на них реагировать. В 9-м родилась моя эпиграмма:

Нас больше в техникум она не посылает
(Забыли мы, как сей порок возник).
Зато она день каждый утверждает,
Что ученик есть ученик.

Достаточно беззлобно. Все-таки Ираиду мы любили. Разумеется, до неё эпиграмма не дошла.

А вот ещё строчки, навеянные нравоучениями Ираиды. Написаны в 8 классе.

Твердят нам всюду каждый день:
«Побольше занимайтесь!
Гоните прочь презлую лень,
Урок не пропускайте.
Учите дома всё всегда,
Чуть свет вставайте с коек…»
Мораль сей басни такова:
Не получайте двоек!
«Таков быть должен ученик:
За год – ни замечанья,
Внимателен, умом велик
И – максимум старанья.
Чтоб на любой вопрос всегда
Он мог ответить, чтоб был боек…»
Мораль сей басни такова:
Не получайте двоек!

Из дневника.

5 декабря 1947 г. День Сталинской Конституции. Ираида привела в качестве помощниц двух студенток. Одна из них рассказала о жизни Кирова, другая о конституции. Второй доклад годился только для 4-5 класса. Она наговорила нам всё то, что нам и без неё давно хорошо известно, да ещё спросила:

– Вопросы есть?

Мы еле удержались от смеха.

2 сентября 1948 г. Папа сообщил мне, что есть постановление о награждении учителей за выслугу лет. Наверное, и нашей Ираиде Михайловне что-нибудь дадут: у неё стаж 25 лет.

11 июня 1949 г. Вечером был торжественный акт. Мне вручили грамоту. В 8-х и 9-х классах 5 отличников, из них 4 – у нас, 5-й – Гайдук из 9-го «А». Мы преподнесли Ираиде Михайловне роскошное издание

романа А. Толстого «Пётр Первый». Книга эта площадью примерно 0.5 $м^2$ и толщиной сантиметров 6-7, весит около 5 кг. Обложка шикарная, бумага – чуть ли не полуватман, об иллюстрациях уж и говорить не приходится. Книга стоит 75 руб.

Ираида никогда на нас не орала, что бы ни творили её *деточки*. Умела разобраться в конфликте.

Из дневника. 10 ноября 1948 г. На перемене между 4 и 5 уроками кто-то отодрал штукатурку, и наши деточки начали кидать её друг в друга. Главным заправилой был, конечно, Волька Бабанин. Он запустил штукатуркой в своего заклятого врага Мишку Бабаева и попал ему в висок. Мишка за ним не погнался, но пригрозил кулаком. Волька со своей ехидной улыбочкой стал его доводить:

– Эй! Тю! Второй секретарь комсомола! Понасаждали тут всяких! Мотц!

Прозвенел звонок. Все стали рассаживаться по местам. Бабанин стоял в непосредственной близости от Мишки и продолжал его дразнить. Не выдержав, Мишка схватил его за руку и стукнул по шее. Тот хотел полезть в драку, но Вовка Дронов, наш староста, его удержал. Тогда Бабанин принялся за него:

– Жандарм! Усмиритель!

В класс вошла Евгения Андреевна. Оказалось, психологии не будет, и у неё есть к нам дело. Все стихли.

В начале следующего урока, черчения, в класс зашла Ираида Михайловна. Бабанин вдруг начал жаловаться и орать на неё. Потом назвал Бабаева сволочью. Ираида этого не услыхала, а Мишка слышал и дал ему в морду. Волька побагровел, вскочил на парту и замахнулся на Мишку ногой. Ребята его стащили с парты. Ираида была страшно возмущена и потребовала созыва комсомольского собрания.

После 6 урока собрались комсомольцы. Ираида всю вину валила на Мишку. Второму секретарю комитета комсомола школы не пристала такая невыдержанность. Бабанина она не оправдывала, но делала скидку на воспитание и тяжёлые условия жизни, считая его поступок бессознательным.

Бабаев молча слушал, потом поднял руку, порываясь что-то сказать.

– Я закончила, но никаких оправданий, которые хочет сделать Миша, я не принимаю!

Комсорг Фомичёв дал слово Бабаеву.

– Хорошо, я понимаю, что таким путём нельзя разрешать конфликты. Но я не только второй секретарь, но и человек. Я не могу молча сносить оскорбления. А уговаривать его бесполезно. Класс знает, что это – не первое моё столкновение с Бабаниным. Предупреждал я его неоднократно. И в морду уже не раз давал. Швырнул мне в голову камнем, оскорбляет на каждом шагу, сволочью ещё называет…

Мишка сел.

– Ах вот как это было! Что теперь скажешь? – обратилась Ираида Михайловна к Бабанину.

– А что мне говорить? Мне нечего сказать!

– Значит всё было, действительно, так?

– Да, за исключением того, что я в него камнем нарочно кинул. Я нечаянно попал.

– Да, нечаянно, – вскочил Мишка. – Всегда так: со своей ехидной улыбкой сотворит, а потом с такой же улыбочкой говорит, что нечаянно! Что ж ты тогда не извинился, если нечаянно?

Дронов сказал:

– Я вполне понимаю Бабаева и считаю его поступок правильным. Потому что на Бабанина никакие уговоры не действуют.

Ребята его поддержали, и Ираида Михайловна с нами согласилась.

В конце ноября Бабанин ушёл в 49-ю школу.

9-й класс. Казалось бы, в таком возрасте мальчики могли бы вести себя солиднее. Да где там… 9-й «А» был не лучше.

Из дневника. 21 сентября 1948 г. Сегодня в 9-м «А» два *героя* начали обливать друг друга чернилами. Кончилось тем, что один облил чернилами лицо другого, попутно испортив костюмы у восьми ребят. Там была целая кутерьма, приходила дирекция, подняли скандал. Обязали виновника купить пострадавшим костюмы. Но я сомневаюсь, что он это сделает: такую уйму денег ему, конечно, не достать. Да, творят дела! Можно подумать, что не 9-й класс, а 4-й.

Маленькое послесловие:

Из дневника. 9 ноября 1952 г. 6-го вечером случайно встретил на улице Бабанина. Трудно было узнать в этом подтянутом, внешне спокойном лейтенанте того Вольку Бабанина, который чёрт знает что вытворял в классе и которого чуть ли не считали пропащим человеком. Дорогу в жизни он себе нашёл. Недавно окончил автоучилище в Нальчике, и теперь его направляют на 3 года работать в Румынию.

Учителя

Галила Первый Недобитый. Такое прозвище *приклеилось* к директору школы Александру Васильевичу Галилову, который преподавал у нас математику в 8-9 классах. Он болел *пляской святого Вита* и все время дёргал головой. Совершенно бессознательно я иногда тоже дёргал головой, за что мне неизменно *доставалось* от отца.

Появление его в нашем классе было ознаменовано контрольной работой, за которую почти весь класс получил двойки. В том числе и я. Эта двойка одиноко маячила в классном журнале против моей фамилии почти до конца 1-й четверти, и все мои попытки уговорить Александра Васильевича дать мне возможность её исправить

заканчивались неудачей. Он упорно меня не вызывал. Наконец, едва ли не в последний день четверти посадил меня перед собой за первую парту и дал решать задачи. Я быстро решил их и передал ему. Только после урока он взглянул на решения и поставил…две тройки: тройку за эту работу и тройку в четверти.

– За что?! – изумился я, – всё решено правильно!

– Да, правильно, – согласился он. – Но это очень лёгкие задачи.

Убийственная логика.

– Дали бы потруднее…

Эту тройку, единственную мою четвертную тройку за все школьные годы, я воспринял как величайшую несправедливость.

Мы не раз ощущали, что учителем у нас – директор школы, которому, видимо, некогда готовиться к урокам. Как-то задал он нам на дом по геометрии задачу на построение, к решению которой мы готовы не были. Я пробился над ней несколько часов, но так и не решил. В классе выяснилось, что не решил никто. А Миллер?

Володя Миллер был в классе на голову сильнее всех в математике и физике. Он тоже не решил, но он… и не решал. С ним такое бывало.

Пришёл черёд урока математики. Доложили Александру Васильевичу.

– Как не решили?! Да что там решать?!

Галилов взял в руки задачник и прочитал условие задачи с видом человека, который вот сейчас нам всем покажет, что решать там нечего, всё очень просто! Прочитал. Задумался. Прочитал ещё раз. Начал производить на доске непонятные построения. Ребята зашумели, а Миллер вышел к доске и опроверг его доводы. Видим: Галилов не знает, как возразить Вовке. Взял какую-то книгу и долго её читал. Потом передал книгу Миллеру и пообещал, что завтра нам её решит. На перемене Миллер мне сказал:

– В той книге есть решение задачи. Но там ссылка на другое построение, которого я не понял.

Решение задачи Александр Васильевич всё-таки принёс в наш класс. Дома разобрался.

Из дневника.

25 ноября 1947 г. В понедельник была часовая контрольная работа по алгебре. Я решил всё, но сделал такую идиотскую ошибку, что аж вспомнить стыдно: от 92 отнимал 64 и получил 18, вместо 28. Такая история со мной происходит уже второй раз. Первый раз это было в 7 классе, когда я 2 умножал на 2 и получил 2. Был уверен, что получу 4, но ошибся – директор поставил мне 5. Я его совсем не понимаю. Перед этим у нас было 15-минутная контрольная, и я решил все примеры и все правильно, но он почему-то поставил после решения

последнего примера вопрос и оценку 3. После этой контрольной он вызвал к доске Страдомского решать этот пример, и тот получил тот же ответ, что и у меня. Обратился к Галилову, но он только сказал: «Потом разберёмся».

18 мая 1948 г. При проверке моей контрольной по геометрии Александр Васильевич придрался к тому, что во второй задаче нет второго решения и поставил 4. И в четверти 4. Как это можно: за 30 минут (15 минут времени он отнял у нас на сборы и диктовку условий задач) решить правильно две нелёгкие задачи, да ещё вторую из них двумя решениями, необходимость которых заведомо не требовали!

21 мая 1948 г. Сегодня мы сдавали алгебру. 1.5 часа бился над задачей и никак не мог её решить. Потом нашёл ошибку: умножал 6 на 6 и получил 12. Такие ошибки у нас называют *файнскими.* Такие у меня не в первый раз. Ужасно глупо.

Галилов не был строгим учителем. Мёртвой тишины на его уроках не бывало. Стоял обычный рабочий шум. Одни решали и переговаривались, другие, решать и не пытавшиеся, спрашивали:

– Ну, что – получается?

Один из самых сильных учеников класса Шура Елизаров решал как-то у доски непростую задачу. Галилов вмешивался и комментировал ход решения. Вдвоём они загородили доску. И здесь кто-то из ребят вспомнил, что по отчеству Елизаров тоже Васильевич.

– Александр Васильевич, отойдите, не видно! – это Елизарову.

– Сашка, отойди! – а это Галилову.

Дружный смех в классе. Поняли все, кроме самого Галилова.

Галилова не любили. За непредсказуемость и несправедливость. Хотели даже писать коллективное письмо, чтобы от нас его забрали.

Маленький рассказ. 10 декабря 1948 г.

Молокосос недоразвитый

Классная руководительница проводила собрание. За первой партой непоседливо крутился невысокого роста озорной мальчишка, ежеминутно отпуская реплики.

– Да замолчи же ты, наконец, молокосос недоразвитый! – не выдержал кто-то.

В классе засмеялись – это определение было известно всем.

Классная руководительница строго посмотрела на класс.

– Какой-то дурачок сказал, а вы повторяете. Стыдно должно быть!

И вдруг в классе грянул гром смеха. Кое-кто уже беззвучно трясся, держась за живот.

– В чём дело? – недоумённо спросила классная руководительница.

– Это… это директор школы сказал…
И ребята снова схватились за животы.

Это единственная сохранившаяся у меня фотография, на которой запечатлён А.В. Галилов: в центре Ю. Ермаков с кубком, выигранным школой на летней спартакиаде школьников, справа учитель физкультуры П.Х. Авдеенко. 1949 г.
Фото В. Миллера.

В школе фактически командовал не директор, а завуч **Евгения Андреевна Шелепина**, депутат Верховного Совета РСФСР II-го созыва (1947−1951), одна из 750 депутатов, единственная от Ростова. Все знали, что последнее слово всегда принадлежит ей. В нашем классе она не преподавала, но часто властно вмешивалась в нашу жизнь.

Наши эмоции в отношении к Галилову и Шелепиной нашли проявление в шуточной подделке под названием «Горе без ума (почти по Грибоедову)», которую я «сочинил» в 8 классе. Тогда мне было 14 лет. Там были такие строки:

Учительница:
Вот, наш директор –
Александр Васильич.
Два года в школе, да в какой!
Не шутка всё-таки ведь это:
Здесь депутат Верховного Совета!
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался в перегиб.
…
Директор (учительнице):
Ну, что? Не видите ль, что он с ума сошёл?
Скажите мне серьёзно:
Безумный! Что он тут за чепуху молол!
Да про меня так грозно!
А вы меня решились уморить?
Моя судьба ли не плачевна?

Ах! Боже мой! Что станет говорить
Наш депутат Евгения Андревна?!

По классу эта «пародия» *не гуляла*, и учителя о ней не ведали.

После окончания университета я год проработал в школе и на собственной шкуре испытал, как для учителя важно *поставить себя* в классе. Мало хорошо знать свой предмет. Нужно уметь *держать класс в руках*, иначе тебя просто не будут слушать, и начнут *ходить на головах.* Мало чётко объяснять материал. Нужно, чтобы ученики хорошо понимали твои требования.

В нашем классе были такие учителя. Никому не приходило в голову *резвиться* на уроках Ираиды Михайловны. А у Галилова – *резвились*, хотя и *в рамках* – директор все-таки. Требования Ираиды знали отлично, а Галилов был совершенно не предсказуем.

Одним из самых уважаемых был учитель физики **Анатолий Петрович Головко.** На его уроках работали с полной нагрузкой и никогда не *бузили.*

Головко славился своими афоризмами.

Чтобы иметь право забыть, нужно сначала знать!

В первую минуту ученик всегда говорит ерунду, поэтому первый вопрос надо задавать лёгкий.

Эта задача из числа тех, в которых ничего не дано, а всё требуется узнать.

О теориях строения атома: в этих теориях мы заберёмся в такие дебри, что оттуда не вылезем.

Ну, начнем с того, что закончим… материал средней школы.

Из диалогов Анатолия Петровича с учениками:

Горожанкин: Вы исправите мне двойку с такой же лёгкостью, как и поставили?

А.П.: Да, если вы будете отвечать с такой же лёгкостью, как и молчали.

Уланов: Можно ли на звёзды смотреть в микроскоп?

А.П.: Можно даже в самоварную трубу.

– Вопрос: Почему эквипотенциальные поверхности перпендикулярны силовым линиям поля?

– Ответ ученика: Потому, что они составляют с ним угол 90°.

Вопрос: Почему при измерении заряда проводника электроскоп соединяют с ним при помощи длинной проволоки?

– Ответ ученика: Для того, чтобы электроскоп находился подальше от проводника.

Комментарий А.П.: Какие у вас потенциальные ответы!

На экзамене по физике в 8 классе у меня произошла с ним любопытная *дуэль*. В течение учебного года он несколько раз *сажал* меня за нетвёрдое знание переводов из одной системы единиц в другую. На экзамене решил *погонять* меня по этой теме. Я же этого не боялся: при подготовке особое внимание уделил именно этому. Со своей обычной улыбкой Анатолий Петрович задал мне один за другим 6 или 7 дополнительных вопросов, словно говоря:

– А вот на этот вопрос не ответишь!

Я, отвечая, тоже улыбался, словно парировал:

– А вот и отвечу!

Анатолий Петрович совсем расцвёл в улыбке, когда удовлетворённо ставил мне пятёрку.

Анатолий Петрович практиковал решение задач на скорость. Даются 2 задачи и время – от 5 до 10 минут, в зависимости от сложности задач. Уложился – 5. Сидя за партой, в его сроки я укладывался, а к доске меня он почему-то не вызывал ни разу.

С Миллером они устраивали настоящие спектакли. Он вызывал его к доске, вручал задачник, называл номера 5-6 задач и запускал секундомер.

– Решают все!

Легко сказать. Разве можно угнаться за Миллером! Пока я соображаю, с какого бока приступать к решению задачи, Володя уже решил и занялся следующей. В лучшем случае успеваешь решить две задачи, а Миллер уже победно кладёт мел. Всё, он уже справился.

А у Анатолия Петровича вид, как у режиссёра, который только что поставил на сцене великолепную миниатюру. Миллер, получив свою законную пятёрку, невозмутимо садится за парту. Он актёром себя не чувствует.

Из дневника. 12 октября 1949 г. На сегодняшний день Анатолий Петрович, по его словам, «почти ничего» не задавал нам на дом по физике. Это «почти ничего» заключало в себе 12 задач, над которыми я просидел больше 3-х часов, но успел решить только 10.

25 октября 1949 г. Сегодня со мной случилась весьма неприятная история. С утра сильно разболелось ухо. Заниматься я был не в состоянии, и в середине 3-го урока Андрей Никандрович отправил меня домой. Я же решил, что от того, что я пойду домой, ухо у меня болеть не перестанет. Нужно как-то отвлечься от боли. Пошёл в кино на «Мишку-аристократа». На моё несчастье, на этот же сеанс пришёл Анатолий Петрович, и он видел меня, когда я садился в зале. После сеанса я поскорее смылся. Боюсь, что завтра он что-либо съязвит по этому поводу, про ухо он ведь не знает!

Анатолий Петрович никак меня не выдал.

Математик **Андрей Никандрович Чеботарёв,** сменивший в 10 классе Галилова, был худощавый, длиннолицый. Лет 40. Его считали *сухарём*.

Отношение к нему было неоднозначным. Одни считали его сильным математиком – на фоне Галилова. Другие, и я в том числе, были о нём невысокого мнения. Он пришёл в класс 1 сентября 1949 года, а уже 8 сентября я *наградил* его такой эпиграммой:

Сравнить нельзя с ним даже Архимеда,
Он гениальней Пачиоло Лука!
И так им блещет современная наука,
Что надо бы оставить без обеда.

Скоры мы были на расправу!

Вызвал меня решать примеры по только что объяснённому материалу. И вдруг спросил:

– Что нужно сказать, прежде чем начать решать этот пример?

Я недоумевал: кто его знает, что он имеет в виду? Учитель всего месяц в классе, его повадок мы ещё толком не знаем. Сказал наугад несколько положений, но не угадал. В классе тоже никто не сумел ответить. Подсказал сам. Примеры я решил, но получил 4. За недогадливость, что ли?

Из дневника. 15 ноября 1949 г. «Довели» Андрея Никандровича. Ему кажется, что мы все резко настроены против него и стремимся его прогнать. Оказывается, с такими разговорами он ходил к директору. После уроков Пётр Спиридонович вызвал к себе Бабаева, Миллера и меня для конфиденциального разговора. Расспросил, как у нас проводятся уроки математики и нет ли у нас претензий к А.Н. Что о нём сказать? Выживать его, конечно, никто не собирается. Но вот объясняет он плохо, без достаточной чёткости и ясности. И требования не всегда ясны.

Зато контрольные он давал такие, что класс стонал. Как-то дал на контрольной по геометрии 2 очень трудные задачи. Даже Миллер успел решить только одну. На контрольной по алгебре на весь класс оказалась одна пятёрка – у… Горожанкина, никогда особыми успехами не отличавшегося. Две четвёрки – у Миллера и Фомичёва. Тройки получили Бабаев, Маслёнков, Страдомский и я. И полный ворох двоек.

Сплошные двойки и тройки на контрольных в сильном классе – это двойка преподавателю. Если даже самые сильные ученики не справляются с твоими заданиями, значит, ты очень плохо их учил. Нужен чёткий ориентир: задачи какой трудности нужно уметь решать за отведенное время. Мы этого не знали. Не знали даже того, что недостаточно безукоризненно решить задачу. Она должна быть определённой категории сложности. Вот и веди класс от простых задач к сложным.

Никогда не понимал, как наши учителя сочетали трудность задачи с оценками за её решение. Ведь это подобно соревнованиям по прыжкам в высоту: если ты *взял* начальную высоту, с которой справились все, то совсем не значит, что не способен на большее. И, наоборот, если не справился с высотой, доступной только рекордсменам, то не значит, что вообще прыгать не умеешь. Сколько раз я оказывался жертвой столь приблизительных оценок! Такая методика преподавания приводила к тому, что мы и сами не знали, на какую высоту способны.

Я не знаю, как решают эту проблему в современных школах. Мне представляется, что методика преподавания должна быть более гибкой. Все задачи, предлагаемые ученикам, следовало бы чётко разделить на три категории трудности: условно «на тройку», «на четвёрку» и «на пятёрку». Учитель должен знать, кто на что претендует и побуждать в учениках стремление к большей трудности. А на контрольных предлагать задачи всех трёх категорий трудности на выбор.

Из дневника. 28 ноября 1949 г. Сегодня была контрольная по алгебре. Был дан пример, в котором приходилось производить многократные действия с пяти-шестизначными числами. После этого примера у меня буквально *шарики за ролики закатились*: складывал 25 и 9 и получил 36. И так у многих. Генка Фомичёв минут 5 думал, сколько будет 7х8, и так и не додумался, спросил.

3 декабря 1949 г. Сегодня Андрей Никандрович дал трудную контрольную по тригонометрии – 4 примера. По-моему, он просто с ума сошёл: мы никогда за урок не успевали решить и 3-х примеров, а здесь решай ему все 4. К тому же он неправильно написал условие одного примера, потом исправил, но этим украл у нас минут 7 времени. Потом я увидел две ошибки в своих решениях.

7 декабря 1949 г. По тригонометрии получил 4. Он так проверял, что не заметил моих ошибок, а снизил оценку за… то, что я сделал проверку, хотя её не надо было делать. Ну и ну!

В конце второй четверти я вдруг обнаружил, что в журнале по геометрии против моей фамилии стоит чужая тройка, которую я не получал. Возможно, она принадлежала Фомичёву. Попросил

Андрея Никандровича зачеркнуть её, а он – ни в какую. Не помнит, ставил мне её или нет. Ладно, думаю, придётся исправлять чужую тройку. Предстояла полугодовая контрольная. Ребята пошли просить Чеботарёва, чтобы контрольную дал полегче.

– Мои контрольные работы никогда не снизойдут до того, чтобы все получали пятёрки! – гордо ответил он на эту просьбу.

Действительность превзошла все самые мрачные наши ожидания: задачи были такой трудности, что на весь класс только одна четвёрка – у Бабаева, половина двоек, остальные тройки. Тройки у меня, у Страдомского и даже у Миллера (!). Исправил, называется…

Наставив двоек и троек, Андрей Никандрович заболел.

Было отчего волноваться: тройка в четверти перечёркивала надежды на медаль.

Всем классом мы пошли к директору. Кузиков выслушал нас и обещал поговорить с Чеботарёвым. Но тот в школе так и не появился. Наши волнения достигли предела. Мы были очень удивлены, когда в последний день занятий в класс пришёл устраивать поголовный опрос сам Пётр Спиридонович. Собственно, опросом назвать это было трудно – он просто пришёл нас *спасать*. Так, Елизаров, имея 4, 3 и 3, получил 5 и 5 в четверти. Я тоже получил 5.

Андрей Никандрович появился только после каникул. Поглядел, как за него *нахозяйничал* директор, и принялся выставлять *свои* четвертные. Мы всполошились. Но дальше такой *демонстрации* он не пошёл: сказал, что *считаться* будут директорские оценки. Ещё бы!

Отношение к **Таисии Андреевне Улановой**, которая преподавала у нас химию, было двоякое: она была для нас и учителем, и мамой нашего товарища. Наверное, ещё и поэтому на её уроках *на головах не ходили*, хотя и абсолютной тишины не было.

Таисия Андреевна не оказала никакого влияния на мой профессиональный выбор. Это был брак по расчёту – в школе химия нравилась мне ничуть не больше других предметов. Но я никогда не стал бы химиком, если бы учитель привил мне неприязнь к химии. Было достаточно интересно.

К сыну Таисия Андреевна относилась очень строго. Строже, чем к другим. Никогда не завышала ему оценок. Называла его только по фамилии и постоянно *осаживала*, когда он начинал вертеться или *высказываться.* Мы отчётливо это видели, и это добавляло уважения к учителю.

А Женька явно злоупотреблял близостью к учителю. Когда он не справлялся с контрольной по химии, то переписывал работу с использованием учебника и дома подменял тетрадь. И нам, его близким товарищам, предлагал. Певзнер, бывало, этим пользовался. Мне – не приходилось, обходился. Но подленькая *мыслишка*, что это возможно, всё же смущала душу.

Полина Захаровна Варламова преподавала у нас немецкий язык. Маленькая, сухонькая, она была решительным и напористым учителем. Умела держать класс *в рамках*. Постоянно поднимала с места то одного, то другого, не давая отвлекаться и заставляя всех активно работать на уроке.

Неизменное начало каждого урока:

– Guten Tag (Добрый день). Wer ist heute Ordner? (Кто сегодня дежурный?)

– Ich bin heute Ordner! (Я сегодня дежурный).

Это знал каждый. Так же, как и предлоги, применяемые с дательным падежом: mit, nach, aus, zu, von, bei.

Однако на этом наши *разговорные навыки* исчерпывались. По-моему, единственный в нашем классе, кто говорил по-немецки, был Жора Териков. В детстве у него была гувернантка-немка, которая и обучила его языку. А без разговорной речи какой же это язык?! Мне представляется, что такое направление изучения языка было специально задано советскими властями. Зачем вам, за железным занавесом, уметь разговаривать по-немецки? С кем вы говорить собираетесь? А вот читать специалистам нужно уметь.

Мы учили правила, читали, переводили. Заучивали в оригинале стихотворения Гёте и Гейне, даже писали, кто мог, конечно, поэтические переводы этих стихотворений.

Поездка по воде

Я стою, прислонившись к борту корабля,
И ушедшие волны считаю…
Я прощаюсь с тобою, родная земля,
Я навеки тебя покидаю.

Милый дом свой давно я уже миновал,
Только стёкла на окнах блеснули.
Долго вдаль я глядел, но – увы! – не видал,
Чтоб рукой на прощанье махнули.

Хлынули тёплые слезы из глаз,
Глаза пеленой закрывают.
Моё бедное сердце, который уж раз
Ты страдания мне причиняешь!

Это – мой перевод Гейне, за который я получил щедрую пятёрку.

В классе было довольно много евреев, и Полина Захаровна энергично на нас *наезжала*:

– Какие вы евреи, если еврейского языка не знаете!

А Юлька Борохов в ответ смеялся:

– Во всех еврейских семьях меня угощают пасхой.

Полного взаимопонимания с ней у меня не было. Она могла поставить мне четвёрку на экзамене в 7 классе, хотя, по общему мнению, я отвечал не хуже других, удостоенных пятёрки. И это была у меня единственная годовая четвёрка. Могла в 8 классе поставить подряд 6 четвёрок, в конце одну пятёрку и 5 в четверти. И всё же я всегда к ней хорошо относился.

Из дневника. 2 декабря 1949 г. Немного повздорил с Полиной Захаровной. На уроке я обратился к ней с вопросом относительно двух правил немецкой грамматики, которые, по моему мнению, противоречат друг другу. Прежде, чем она меня поняла, мне пришлось раз 5 повторять свой вопрос. По-видимому, она и сама в этом не очень разбиралась. Чтобы замять вопрос, разразилась целой тирадой в мой адрес. Дескать, я считаю себя умнее других. Посоветовала мне «не расточать энергии, чтобы не сгореть». Чего это она?

В 9-м или 10-м классе наши ребята были свидетелями того, как на новогоднем балу во Дворце пионеров Полина Захаровна стреляла из пневматического пистолета: три выстрела – и три пульки с резиновыми наконечниками прилипли одна к другой точно в центре мишени. Аж ахнули от такой меткости!

Преподаватель логики **Евгения Ивановна Полякова** начала в нашем классе с конфликта с Миллером. Была контрольная,

и мы вдруг узнаём, что Миллер получил 2. Вова, естественно, обратился к ней за разъяснением.

– Вы написали такой абсурд, что я даже проверять не стала.

От такой «логики» в классе рассмеялись.

– А где работа? Покажите мне, пожалуйста, этот абсурд.

– Я передала её кому-то.

Стали искать. Всем было страшно интересно, какой абсурд мог написать Миллер. Ни у кого работы не оказалось. Видимо, Евгения Ивановна просто потеряла эту работу.

На её уроках *ходили на головах*. *Держать* класс она совершенно не умела. Терпела и не жаловалась. А наши *деточки*, распаляясь, проверяли, надолго ли у неё хватит терпения.

С 8 класса у нас ввели экспериментальный предмет – стенографию. Преподавал её **Аганес Степанович**. Тоже один из тех, кто *владеть классом* не умел. Из-за этого ему дали прозвище: *Аркашка-неудачник*. Впрочем, было и второе – *запоздалый жених*. Происхождения этого прозвища я не помню. В конце концов, он не выдержал и из школы ушёл. После него была женщина, небольшая и худенькая. Ни в моих заметках, ни в памяти не остались её имя и отчество. Она откровенно боялась наших *сорванцов*, не будучи способна сдерживать их. Мне, и не только мне, было её жаль. Особенно после того, как ребята встретили её на улице с очаровательными двойняшками, годика по 2. Мы пытались чем-то ей помочь, но что мы могли?

Однажды Голоднов и Миллер завели на её уроке музыкальную шкатулку.

– Какая хорошая музыка! – отреагировала она, – поставьте, пожалуйста, мне её на стол.

С такими ребятами она справлялась.

К стенографии, как к предмету, отношение в классе было разное. Мне, например, она нравилась. С удовольствием запоминал эти закорючки, предельно сокращавшие слова и целые выражения. У нас постоянно были диктанты, вырабатывающие скоропись. Мы даже соревновались, кто быстрее. Предельная скоропись – 120 слов в минуту. Нужно было успеть записать, не наделав при этом ошибок, затем расшифровать стенограмму. У наших девочек в 37-й школе тоже преподавали стенографию, и мы иногда применяли её в передаваемых записках.

Я считал, что стенография мне нужна – использую её для записи лекций в университете. После первых же лекций меня постигло горькое разочарование. Гордо принёс домой стенограммы,

но на их расшифровку ушло столько времени, что такой метод оказался абсолютно неэффективным. Нужно было уметь бегло, без напряжения читать нерасшифрованную стенограмму, а этому нас как раз и не учили. С тех пор стенографию я не использовал, и знания и навыки, полученные в школе, оказались невостребованными.

Военрук полковник **Захаров** сразу произвёл на нас хорошее впечатление. Глядя на него, я невольно вспоминал героя стихотворения Лермонтова «Бородинский бой» – старого солдата: здоровенный детина высокого роста и мощного телосложения, с большими пышными усами с колечками на концах. Лет под 50. Все замашки и привычки старого, бывалого солдата. К нам он сразу подошёл, как ко взрослым людям, при нём как-то и *шухарить* было неловко. На один из наших вечеров он пришёл в парадной форме при всех своих орденах – два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали. Обращался к нам очень уважительно, со всеми ребятами здоровался за руку.

Захаров не слишком забивал наши мозги военными знаниями.

Из дневника. 10 октября 1949 г. Был зачётный урок по военному делу. Полковник вызывал по двое с винтовками и муштровал. На весь класс только три четвёрки, у остальных 5. Даже у Миллера.

В муштровке Вова Миллер силён не был.

Мы не знали, что у Захарова были прострелены лёгкие, и ему нельзя повышать голос. Однажды на урок он не пришёл. Оказалось, что у восьмиклассников он вынужден был крикнуть, и у него горлом пошла кровь.

Вместо него прислали капитана. Он сразу нам не понравился – эдакая *канцелярская крыса*: в очках, плешивый, весь обрюзгший, жирная морда, жир висит клочьями. И всё время говорит о том, что он – культурный человек. Зачем об этом говорить?

Капитана *наградили* сразу двумя прозвищами: *автоматчик* и *беременный полицейский.*

В сентябре 50-го, уже студентами, мы с Миллером зашли в школу. К нам подошёл Анатолий Петрович. Улыбаясь, спросил:

– А вы почему не на уроке?

Также улыбаясь, я ответил:

– Мы уже своё отсидели.

Мы с ним всегда друг другу улыбались.

Ираида была так растроганна, что начала нам объяснять, почему «в даль степи» пишется раздельно, а просто «вдаль» – слитно.

А Андрей Никандрович встретил нас *запанибратски*: подал руку, расспрашивал о наших вузовских преподавателях математики, жаловался на трудность работы в 3 смены. Я чувствовал, что не такой уж он *сухарь* и что я отношусь к нему лучше, чем это было совсем ещё недавно.

Истории с историей

Преподаватель истории **Анатолий Степанович Стасюк** был единственным, кто однажды поставил мне за ответ единицу. Дело было ещё в 5 классе. Я регулярно готовился к урокам по истории, а *даты* зубрить не любил. Ну, какая разница, в какие конкретно годы жил фараон Тутанхамон? Это было так давно! Считал, что потом выучу всё сразу. И попался. Когда меня вызвали к доске, я вышел спокойно, был готов рассказать урок. Но Анатолий Степанович начал спрашивать *даты*. Я сразу же *поплыл* и получил в журнал жирный *кол.* Получать двойки мне приходилось, хоть и редко, а эта *единица* оказалась единственной за все школьные годы. Тем и запомнилась. Кстати, она не помешала мне иметь пятёрку в четверти – Стасюк злопамятным не был. И на пятёрки не скупился.

Бывший офицер-фронтовик, Анатолий Степанович излишней скромностью не страдал. Его рассказы о войне нередко вызывали в классе иронические улыбки. Эта ирония отразилась в балладе, которую я написал в сентябре 1949 года.

Капитан Стасюк

Сегодня тих был шумный класс:
Стасюк указку взял и начал свой рассказ.
Он говорил средь полной тишины
О лучшем из героев нынешней войны.

«Он воевал на всех фронтах Европы.
Он получил штук пять тяжёлых ран.
И не было отважней его роты,
Коль ей командовал столь славный капитан.

А на груди его блестят медали –
И «За отвагу», «За Кавказ».
Его по радио героем называли,
И Сталин говорил о нём не раз!

Он был в Кремле, наверное, немало,
И много раз он Сталина видал.
И каждый раз так сердце замирало,
Когда ему он руку крепко жал.

И помнил он, как снежною метелью
Он лучшую награду получал:
Как с Ворошиловым под тёплою шинелью
Он перед боем вместе спал.

Он брал Ростов морозным ясным утром,
Бежали немцы в панике назад,
Он вёл по улицам, ветром продутым,
Свой героический, прославленный отряд.

Так он с победой шёл до водзавода,
Не потеряв ни одного бойца…
И вдруг увидел он толпу народа,
Грабёж творила пьяная толпа.

Текло вино ручьями по дороге,
Валялись всюду пьяные в снегу.
Тащили всё, давили руки, ноги
И пили водку прямо на бегу.

И совершив здесь свой трёхсотый подвиг
И гордо подняв голову свою,
Бойцам сказал: - Я награждаю многих
Из отличившихся в сегодняшнем бою!

Война сурова – это вам не игры!
О нём бежала впереди молва,
Что капитан в бою похож на тигра,
А, может даже, он похож на льва.

И он пошёл на запад, до Берлина,
Громил он немцев, жизни не щадя.
Жизнь защитил и матери, и сыну.
О нём теперь пою балладу я.

Был капитан примернейшим солдатом,
И вся победа – дело его рук!»

Так воевал на фронте в сорок пятом
Наш лучший воин – капитан Стасюк.

Про водочный завод он точно нам рассказывал…

А вообще ребята относились к нему неплохо. Стасюк был шумлив, подчас упрям. Но с ним было интересно. Многие из нас с увлечением готовили доклады на исторические темы, которые он задавал. Эти доклады зачитывались на уроках, а автор удостаивался пятёрки в журнал. В 8 классе я, например, выступал с докладом о крестьянском восстании Степана Разина. Увлёкся, и доклад получился лучше, чем я сам ожидал. Стасюк остался доволен. Я тоже.

На экзамене по новой истории в 9 классе Юра Голоднов вытащил билет, в котором не знал одного вопроса. Дал знать ребятам, и ему передали два листка из учебника. А на экзамене, оценка за который шла в Аттестат зрелости, присутствовала представитель РайОНО. Стасюк заметил шпаргалку и…, поставив перед *представительной дамой* большой атлас, стал ей что-то на нём показывать.

Наш класс постоянно был полигоном педагогической практики студентов.

Из дневника. 20 сентября 1948 г. Уже второй раз вела сегодня урок по литературе практикантка пединститута. Молоденькая, хорошенькая девушка, грузинка. Весьма робкое создание, и держать наш класс в руках ей трудно. Но ничего, как будто справилась. Мы всё время за неё болеем. После урока она рассказывала нам о своей учёбе. Вот уже третье поколение практикантов проходит перед нами. Правда, по истории практикуются всё те же студентки, что и в прошлом году.

В сентябре 49-го у нас началась очередная педагогическая практика по истории. Студентка, которая вела урок, всё время перебивала отвечающих, поправляла, нередко противореча сама себе. В классе даже смех раздавался. Если ученик хоть немного отвлекался от заданного вопроса, она тут же его осаживала резким замечанием:

– А об этом я вас не спрашиваю!

Оценки ставила ужасные – одни тройки. Павка Певзнер отвечать отказался:

– Всё равно ведь скажете, что я говорю неправильно.

Двойку поставила на бумажке, в журнал – не решилась.

После урока на нас накинулась руководительница практики. Она ругала нашу комсомольскую группу и даже обозвала нас *троцкистами* и *оппортунистами.* Мы были возмущены.

27 сентября 1949 г. мы писали классное сочинение. Пришли к 7 часам утра: за два урока литературы, которые были по расписанию, написать сочинение невозможно, а третьего урока нам не дали. Перемен для нас не было. Получилось, что в этот день у нас 7 уроков. Устал, разболелась голова. Решил уйти с последнего

урока. Ушли несколько человек, и все – без разрешения. Утром узнал, что на этом уроке с практиканткой по истории был конфликт. Перед уроком ребята подошли к ней, объяснили ситуацию и попросили не спрашивать. Как она могла согласиться, если у неё каждая минута расписана! Она не могла менять сценарий урока в последний момент. Пошли к Стасюку.

– Анатолий Степанович! Мы очень устали. Пожалуйста, скажите, чтобы нас сегодня не спрашивали.

Легко сказать: скажите. Ну, объяснил бы Стасюк, почему это нельзя, не было бы никакого конфликта. Но Стасюк *отрезал*:

– Нет!

Забыл, что ли, с кем имеет дело?

Вызвала Миллера, он отвечать отказался и получил 1.

Продолжение последовало на следующий день. Собравшись во дворе, ребята хотели на урок истории не идти. Но вышел Стасюк и проводил всех в школу. Вместо класса, отправились в туалет. Стасюк и оттуда выгнал. Вместо 3-го этажа поднялись на 4-й: хотели проникнуть на чердак, но дверь оказалась запертой. Делать нечего, пришлось идти в класс. Но протест не оставили – решили саботировать опрос.

На урок пришла Ираида Михайловна. Словно предчувствовала что-то.

Сначала чуть не сорвалось: вызвали одного из новых учеников, Полуэктова. Он, помявшись, пошёл отвечать. Затем началось.

– Певзнер!

Павлик медленно, оглядываясь, вылезает из парты. Судьба *акции* в его руках.

– Я не знаю.

– Садитесь – 2. Файн.

– Я не знаю.

Стасюк угрожающе вскочил с места. Таких слов от меня он никогда не слышал.

– Садитесь – 2. Маслёнков.

– Я не знаю.

– Садитесь – 2. Киселёв.

– Я не знаю.

– Киселёв, идите отвечать!

– Я же сказал, что не знаю! – Владька своим баском гаркнул так, что все вздрогнули.

– Что вы грубите!

– Я не грублю. Вы не слышите – я вам ответил громче.

– Садитесь – 2. Ермаков.

– Зачем же повторять? Я не знаю! – Ермак сел, не дожидаясь приглашения.

В классе тихо-тихо. Руководительница практики с тревогой смотрит на Стасюка. Она уже поняла, что *что-то происходит*. Стасюк решил, что пора вмешаться.

– В чём дело?! Вы ведь все знаете! Певзнер, почему не хотите отвечать?

– Я не знаю.

– Нет, вы знаете! Файн, почему не хотите отвечать?

– Не могу.

– То есть, как это – не можете? Под чьим-нибудь влиянием?

– Нет, безо всякого влияния.

– А почему не идёте отвечать?

– Не могу.

– Значит, не знаете?

– Ну, пускай будет – не знаю.

А студентка продолжала:

– Бабаев, идите вы.

– Я урока не учил.

– А объяснение слушали?

– Слушал.

– Идите отвечать!

Что он мог сделать? Кто-кто, а Бабаев принимать участие в такой акции не имел права.

Миша вышел, но понёс такой вздор, что практикантка поспешила посадить его на место.

Всё это время в классе стояла гробовая тишина.

Ираида сидела, настолько изумлённая, что не могла вымолвить ни единого слова.

Урок был сорван. Чуть не плачущую студентку усадили за заднюю парту. Двойку мне поставить забыли.

В конце следующего урока в класс пришёл директор, Пётр Спиридонович Кузиков. Вместо урока литературы.

Вот оно, начинается. Директор новый, что от него ждать? Впрочем, ждали того, что раньше было всегда в таких случаях. Отповедь, доходящую до крика. Вызов родителей. Может быть, снижение оценки за поведение.

Пётр Спиридонович Кузиков в нашем классе не преподавал. Знал нас ещё плохо. Устало сел за стол. Долго молча на нас смотрел. Мы – на него.

– Ну, кто мне членораздельно расскажет, что у вас произошло?

Вот этого не ожидал никто! Вдруг спала гнетущая напряжённость. Появилась доверительность. Один за другим ему выкладывали всё, что думали. О сочинении. Об усталости. О просьбе не вызывать. О том, что нас держат за подопытных кроликов, совершенно с нами не считаясь. Много чего говорили такого, чего не говорили никому из учителей. И правильного, и неправильного.

Кузиков молча и с интересом слушал. Когда мы выговорились, тихо спросил:

– Всё?

– Всё.

– А теперь послушайте меня.

И начал рассказывать, что такое педагогическая практика. Для чего она нужна. Заключил:

– Я допустил ошибку, разрешив практику в 10 классе. Но прекратить её не имею права. Прошу вас: потерпите, подобных акций больше не устраивайте. Со студентами я поговорю. Будут вопросы – приходите ко мне. Разберёмся.

И всё! Никакого крика. Никаких родителей. Никаких оргвыводов. Невиданно: чтобы директор признал свою ошибку! Он *купил* нас за полчаса до конца нашей жизни. Впервые мы увидели **настоящего учителя.**

Пётр Спиридонович Кузиков

Более уважаемого человека в школе для нас уже не существовало. Ермаков приходил в школу к Кузикову много лет, до конца его жизни. Часто мне о нём писал. Передавал ему от меня приветы. Спасибо, Вам, Пётр Спиридонович, за то, что Вы у нас были!

Кузиков ушёл, осталась Ираида Михайловна. Она тоже нас не ругала, только корила. Говорила, какое гнетущее впечатление произвел на неё наш саботаж.

Особенно она была удивлена, услышав от меня «Не знаю».

Никак не могла себе представить, чтобы Файн не выучил урока.

В конце октября 49-го, как обухом по голове, нас ударило сообщение: Стасюка сняли с работы. Ходили слухи, что во время войны его якобы исключили из партии, а он скрыл этот факт. Так это или не так, я этого не знаю. Мы были очень огорчены.

Из дневника. 27 октября 1949 г. Ещё точно не решено, кто будет у нас преподавать, но вероятнее всего *зверюга* из 33-й школы. Говорят, что она столько требует, что в 33-й считают историю самым страшным предметом. Так что закончилось наше благополучие.

Зверюгу звали **Ольга Ксенофонтьевна Зубаркина**. Её фамилию никто из нас не знал, лишь в 2011 г. я нашёл её в интернете среди учителей 33-й школы.

Из дневника. 29 октября 1949 г. Сегодня был первый урок Ольги Ксенофонтьевны, нашей новой *историчкн*. Молодая женщина лет 28-30, довольно недурной наружности. Кажется, даже весёлая. В её манере держаться чувствуется что-то детское, подкупающее. Урок она вела уверенно, хотя и с некоторой тенью смущения. Объясняет она хорошо: говорит свободно и чисто, даже увлекательно. Так что, кажется, ничего страшного в ней нет.

Однако первый же опрос дал ошеломляющий результат: Елизаров получил 3.

Да, требования Ольги Ксенофонтьевны оказались выше, просто Стасюк нас избаловал пятёрками. Но ничего страшного, привыкли и к ней.

Конфликты с практикантками у нас были не только на уроках истории.

Наш класс всегда был полигоном для педагогической практики. Студентки приходили каждый год, причём по разным предметам. Некоторые – 2-3 года подряд, мы их узнавали, а они – нас. Ни одного парня на практике мы не видели. Наверное, в пединституте учились одни девушки.

В ноябре 49-го практикантки пришли на урок логики. Урок давала толстая, без шеи, девушка, которая страшно волновалась и путалась. Вызвала Миллера. Он отвечал, как всегда, кратко и чётко.

– Всё правильно. Садитесь – 4.

От такой «логики» ребята засмеялись.

Вызвала меня. Вышел с опаской. А ну скажет: «Всё правильно, садитесь – 3»? Пронесло – получил 5.

Всё время путалась, когда объясняла новый материал. Хотя и держала перед собой тетрадь с конспектом. Запутавшись совсем, стала ругать нас за поведение, будто мы её сбиваем. Ребята посмеивались: мы сидели совсем тихо!

На другом уроке вызвала Елизарова. Сама запуталась и его запутала. Перед самым звонком захотела вызвать ещё кого-нибудь, а ребята не шли – отказывались. В конце концов, вызвала меня.

Только вышел к доске – прозвенел звонок. В классе дружно рассмеялись.

– Садитесь, вам повезло!

Я возмутился.

– Что значит «повезло»? Почему Вы решили, что я ответить не смогу?!

…На 5-м курсе университета у нас была педагогическая практика, а после окончания университета я год проработал учителем в г. Гуково. Естественно, вспомнил наших учителей и наши отношения с практикантками. Как много требуется от учителя! Свой материал ты должен знать безукоризненно и должен уметь изложить его чётко и понятно. Твои требования должны быть совершенно понятны. Ученики – личности, ты обязан уважительно относиться к каждому. Без уважительности и доверительности нет настоящего учителя. Но ты должен быть твёрд, ученики должны знать, *кто в классе хозяин*. Кричать и ругать – признак педагогического бессилия.

Ода друзьям

Мои родители хорошо знали всех моих друзей. Когда ребята собирались на моих днях рождения, мой отец неизменно *вливался в компанию* и возглавлял её. Это происходило самым естественным образом и никого не напрягало.

С Вовой Миллером мы дружили с 5 класса. Сдержанный, немногословный, скромный до застенчивости. Когда я впервые попал к нему домой, то сразу понял, в кого он – вылитый папа. Кажется, папа был *технарём*, инженером. Мама Вовы, Дина Юрьевна Вильдавская, представляла собой полную противоположность своим мужу и сыну. Открытая, приветливая, говорливая. Кажется, она была преподавателем музыки. Она знала мою маму, любила меня и всегда радовалась, когда я приходил. С ними жили бабушка, сестра мамы и младшая сестрёнка Вовы – Лера. Бабушка была очень плоха, она всё время сидела в кресле. Однажды, когда я в очередной раз пришёл к Вове, бабушки на месте не оказалось.

– А бабушка где? Переехала? – наивно спросил я.

Вовка хмыкнул.

– Переехала – на кладбище.

Мы очень часто бывали друг у друга. Не по делам, просто так. Разговаривать о чём-либо с Миллером было трудно. Моя мама говорила, что из него каждое слово надо клещами вытаскивать. Мы играли в шахматы. А иногда он приходил и утыкался в какую-нибудь книжку. Я, помявшись, продолжал заниматься своим делом. Потом он отрывался от книжки и говорил:

– Ну, я пошёл.

Летом 48-го мы играли в Вовкином дворе в волейбол.

Володя Миллер, 1948 г.

Волейболист из Миллера не бог весть какой, но играть он любил. Площадка была устроена на развалинах старого здания. Я побежал за мячом и вдруг провалился по щиколотку… в канализационную яму, хорошо замаскированную золой. Было и глупо, и смешно. Испачкал обувь и брюки. Сандалии вымыл под краном, а брюки завернул в газету. Домой пришлось идти в Вовкиных брюках и босиком. А яму мы завалили мусором и выставили сигнальные колья.

На наши школьные вечера Вова обычно приходил и напрочь *приклеивался к стенке*. Он никогда не танцевал, а девочек боялся, как огня. Попытки некоторых из них заговорить с ним, неизменно заканчивались неудачей. Он *тушевался* и отвечал односложно: да, нет, не знаю.

Примерным учеником Вова не был. Сколько раз он приходил в школу с невыполненными домашними заданиями! На первых уроках готовил задания к следующим. Как правило, ему этого было достаточно.

Урок по алгебре не выучил опять! –
По классу шуток разнеслась молва.
Но, стоя у доски, он заработал 5,
Так как учитель знал на 2.

Это – эпиграмма на Миллера из знаменитой переписки 9-х классов 39-й и 37-й школ.

Был случай, когда Миллера вызвали к доске доказывать теорему. А он урока не учил и доказательства не знал. Доказательство он нашёл сам, у доски. Высший пилотаж, на который никто более в нашем классе способен не был.

Бесспорно, первый в классе в точных дисциплинах, по гуманитарным предметам он ничем не выделялся. Разве только предельной чёткостью и краткостью своих ответов. А в первой четверти 10 класса произошло ЧП: Миллер получил тройку за сочинение. Разбирая рассказ Горького «Макар Чудра», он перепутал имена героев – вместо *Лойко Зобар* и *Радда* он написал *Лойко и Зобара*. Наверняка в этот момент его волновала какая-нибудь проблема из области физики.

1950 г.

От этой *Изобары* в классе стоял хохот, когда Ираида Михайловна зачитывала отрывок из этого сочинения.

В июле 49-го Вове делали операцию аппендицита. Операция оказалась нестандартной – вместо 7 см длина его аппендикса достигла 37 см. Вместо обычных 15-20 минут Вове пришлось мучиться на операционном столе 1 час 40 мин.

Мы шутили:

– У него не только мозги тяжёлые, даже аппендикс длинный!

В январе 1950 года Вова стал победителем областной математической олимпиады.

Миллер заслуженно получил золотую медаль, и его дорога ни у кого не вызывала сомнений: только физмат университета.

И вот такой Вова Миллер женился одним из первых в классе. Это была сенсация! Миллер женился? Да не может быть!! А всё было очень просто. Вова Миллер был заядлым шахматистом и постоянно играл в каких-нибудь соревнованиях. На шахматном поприще он и познакомился со студенткой юрфака Валей Жоглик, девушкой из Ставрополя. Наверняка это она с ним познакомилась. Разглядела в нём надёжнейшего парня. И своего шанса не упустила. У Вовы Миллера могла быть только такая жена: Валя – второе издание Вовиной мамы. Приезжая в Ростов в последующие годы, Вова и Валя приходили к моим родителям, хотя и знали, что меня в Ростове нет.

Моя мама описывала мне эти визиты. Валя подробно всё рассказывала. Вова лишь изредка поправлял.

– Мы целую неделю ждали, пока…– это Валя.

– Два дня, – невозмутимо уточнял Вова.

Предсказывая в школьные годы судьбу некоторых моих друзей, мой отец так говорил о Миллере. Он станет учёным. Одним из тех, кто решает важнейшие технические задачи. Начальником не станет, но начальство его будет ценить: кто же не любит курицу, несущую золотые яйца? А в семье будет верховодить его жена.

Прогноз отца оказался очень точным.

После окончания университета Миллеры оказались в Бийске Алтайского края. Владимир Давидович Миллер большим начальником не стал, какой из него начальник?! Вова никогда не рассказывал о характере своей работы – соблюдал подписку о сохранении государственных секретов. Его Валя стала в Бийске видным адвокатом. В дальних краях они *осели* накрепко.

Одно время Вова нередко приезжал в командировку в Москву, всегда приходил к нам. Останавливался обычно у Голоднова. Старался совмещать эти командировки с поездками в Ростов: на фоне отдалённости Бийска расстояние от Москвы до Ростова выглядело пустячком. Миллер регулярно мне писал: 2-3 раза в год я получал от него поздравительные открытки. Заодно сообщал и о себе. Предельно скупо.

Один из самых близких моих школьных друзей – **Павлик Певзнер**.

Учился хорошо, в 9-м классе едва не стал отличником, но получил 4 за экзаменационное сочинение. В 10 классе *сдал* и на медаль не претендовал.

Как-то Андрей Никандрович предложил у доски Певзнеру такую задачу-шутку:

– Сколько будет 2 в квадрате? 20 в квадрате? Высота в квадрате? Угол в квадрате?

Ну, и вид же был у Павки, когда был задан первый из этих вопросов! Но на шутку ответил, догадался.

Нет, не зря про него так написали в памятном письме в 37-ю:

Его не тронем мы покуда:
Ведь он умён, как том талмуда.

Добрый, критичный, ироничный, верный товарищ. Ему можно было рассказать всё, что угодно, не боясь, что поймет не так.

Мы знали друг о друге всё. И незлобиво друг над другом *подтрунивали*.

Павел Певзнер, 1950 г.

Как-то он здорово меня *разыграл*. Андрей Никандрович, к которому я приставал, что хочу исправить «чужую», поставленную в журнал по ошибке тройку по геометрии, за 15 минут до конца урока посадил меня перед собой и дал задачу. Времени оставалось мало, и я сообщил ребятам номер задачи – подстрахуйте на всякий случай. Минут 5 провозился над чертежом, минут 5 затратил на поиски решения, начал вычислять. И тут Борис Гольдман передаёт мне от Павки лист бумаги с почти решённой задачей.

Видя, что он решает точно так же, я закончил вычисления на этом листке. Подошёл Андрей Никандрович. Заметив, что задача решена, сказал, что переписывать не надо, и забрал листок. Я не беспокоился: разница в почерках в глаза не бросалась.

На перемене подошёл Певзнер.

– Он, что, забрал у тебя мой листок? Там на обороте я написал: «*Пульните* это Файну».

Я схватился за голову. Вот уж помог!

Никакой надписи на обороте не было.

Финал этой истории был вполне в стиле Андрея Никандровича. Возвращая мне этот листок на следующем уроке, он сказал:

– За такую задачу даже 5 не стоит ставить. Поставить 4?

Разумеется, я отказался. Зачем тогда эту задачу давал?!

Павлик часто ко мне приходил. Однажды долго не мог достучаться. Я не слышал, т.к. устроил себе концерт: проигрывал на патефоне любимые пластинки, объявляя сам себе исполнителей. Павка потом смеялся, рассказывая, как я с чувством провозглашал:

– Исполняет заслуженный артист республики Владимир Бунчиков!

Однажды на своём дне рождения Павлик решил поухаживать за одним из своих гостей – начал насыпать сахар в чашку с чаем. Его остановили на 8-й чайной ложке.

У Павлика была типичная еврейская мама, дрожавшая над своим чадом. Небольшого роста, крашенная блондинка, говорливая, Нина Павловна охотно принимала и угощала Павкиных друзей. Отец, Иосиф Давидович, был суров, скрытен и немногословен. Где-то в 60-х годах отец объявил, что уезжает в Израиль. Семья за ним следовать не хотела, и его долго *уламывали* отказаться от этой затеи. Но он был непреклонен. Порвав с семьёй, уехал один и пропал: никаких вестей от него так и не дождались, и судьба его осталась неизвестной.

В моём архиве сохранилась любопытная открытка. Иосиф Давидович Певзнер 07.08.49 г. пишет сыну Павлику в дом отдыха Дмитриадовка, где мы отдыхали с ним и Юрой Ермаковым на каникулах перед 10-м классом:

«Здравствуй, Павлик!

Если бы ты писал аккуратно, то мы должны были бы получить твоё письмо ещё вчера. Однако ни вчера, ни сегодня письма нет. Это никуда не годится. При всех обстоятельствах ты обязан найти время написать несколько слов. Если ты этого делать не будешь, то кто-либо из нас приедет и заберёт тебя домой как не оправдавшего доверия. То же относится к Юре и Вите. О Вите вообще особый вопрос. Он домой ничего не пишет, и дома уже очень беспокоятся. Не заболел ли он? Ты напиши, в чём дело. В чём причина его молчания? О доме писать ничего не буду, так как ты этого не заслужил».

Память не сохранила, почему эта открытка оказалась у меня. Наверное, в связи с необходимостью оправдываться перед моими родителями.

Строгий Иосиф Давидович почему-то не догадался, что если молчат все трое, значит, скорее всего, дело не в них. Мы все трое написали домой в первый же день пребывания в доме отдыха. Да кто же мог знать, что в забытой богом и людьми Дмитриадовке письма из почтового ящика вынимают далеко не каждый день…

После школы Павлик учился в Новочеркасском политехническом институте, после его окончания был направлен в Томск, потом вернулся в Ростов. Инженер-электрик, он работал в пуско-наладочной организации, много времени проводил в командировках.

В своём прогнозе будущего Павки мой отец ошибся. Он считал, что Певзнер станет руководителем какого-нибудь технического *заведения*, где будет, в основном, осуществлять общее руководство, опираясь на таких, как Миллер. Но откуда ему было знать о судьбе Павкиного отца? Его отъезд *вышел Павлу боком*: ретивые чиновники

фактически перекрыли ему возможность служебного роста, отказали в приёме в партию.

Осенью 1950 года Павлик поспорил с Эллой Васильченко на 10 литров вина, что поздно женится. Ермак *язвил*:

– Вы купите 20 литров, которые разопьёте на вашей свадьбе.

Этот спор Павлик выиграл. Он женился самым последним из всех нас. Летом я приезжал в Ростов. Павлик познакомил меня со своей Валей, миловидной блондинкой, мы гуляли втроём на набережной Дона. Его мама была против этого брака. Нутром она чувствовала, что Валя, человек из совсем другого круга, не принесёт счастья сыну. Павел настоял на своём. С помощью матери купил двухкомнатную кооперативную квартиру в Западном микрорайоне. У них родился сын Серёжа. Не знаю, может быть, мама была права, а, может быть, она и «помогла». Нелады у невестки со свекровью начались ещё до брака. Любовь постепенно перешла, по выражению Павлика, в «мирное сосуществование», потом они расстались. Павлик оставил Вале и Серёже кооперативную квартиру, а сам вернулся в родительскую.

Вскоре неожиданно, скоротечно умерла Нина Павловна. Она страдала астмой и скончалась во время очередного приступа удушья. Павлик остался вдвоём с бабушкой, трогательно ухаживал за ней, потом похоронил и её. Моя мама писала мне в то время, что видела Павлика. Он отпустил бороду и плохо выглядел.

Из депрессионного состояния Павла вывела Таня, сослуживица. Полная, мягкая, спокойная женщина. У них дочь Аня. Когда я приезжал в Ростов на встречу одноклассников, то останавливался у Певзнеров. Павлик приезжал в Москву с Аней во время её школьных каникул, показать Москву. Жили у нас.

Наша дружба не прекращалась никогда. Писем Павел не писал, писать не любил. Мы разговаривали по телефону, поздравляя друг друга с днями рождения. Встретимся – будем долго, долго беседовать, рассказывая друг другу о себе.

Первым в нашей неизменной тройке был **Юра Ермаков**. Нет, он не верховодил, просто он был самый шумный, самый раскованный из нас.

У меня сохранился любопытный документ. В 6 классе нам *задали* написать характеристику одного из своих товарищей. Я написал о Ермакове. Вот выдержка из этого сочинения, датированного 25 февраля 1946 года.

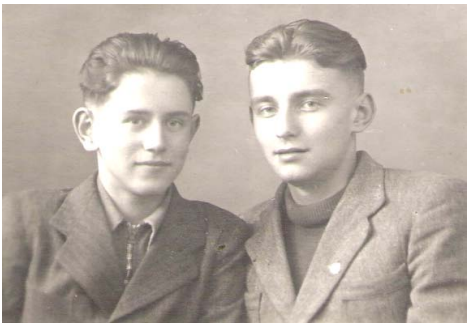
Юра Ермаков – мальчик высокого роста, тело которого разделено очень непропорционально: длинные руки и ноги и сравнительно короткое туловище. Лицо его слегка сморщено, и в отдельных местах выступили веснушки, а голубые глаза, искрящиеся весельем, иногда выражают лукавство. Русые волосы, зачёсанные набок и сползающие на лоб, на макушке торчат весёлым хохолком.

Одет Юра всегда опрятно и чисто. В школе его обычно можно видеть в зелёной курточке с военными пуговицами и в длинных, навыпуск, брюках. Вокруг шеи он всегда носит белый шарф, завязанный петлёй. На ногах – чёрные ботинки, чаще всего нечищеные. По праздникам и выходным дням Юра одет в новый чёрный пиджак с блестящими пуговицами и длинные тёмные брюки, волочащиеся по полу. В эти дни на нём тщательно начищенные и блестящие ботинки.

Характером Юра резко выделяется из среды своих товарищей. Одной из черт его характера является весёлость, которой сопутствует шаловливость. Они действуют у него как бы сообща: где весёлость, там и шаловливость. Во время весёлых игр Юра поддаётся азарту, и тут налево и направо сыпятся подзатыльники всем участникам игры, которые отвечают ему тем же. Юра нетерпелив: начиная какую-нибудь работу, он нередко оставляет её незаконченной, потому что не хватает терпения и выдержки довести дело до конца.

Ермак был большой *шкодой*. Мама мне как-то призналась, что всегда опасалась его прихода – обязательно что-нибудь *натворит*. Мог спрятать какую-нибудь нужную вещь, которую потом днями искали. Однажды, уходя, прислонил к двери швабру. Так, чтобы она стукнула по голове, когда дверь откроют.

За именинным столом Ермак мог густо намазать горчицей кусок хлеба, посыпать сверху перцем и смачно есть, делая вид, что это страшно вкусно.



Павлик Певзнер и Юра Ермаков, 1950 г.

Ермак жил в частном домике, принадлежавшем его деду, на Социалистической улице. Я помню этот старый-престарый дом, в котором бывал не раз, и деда, и бабушку.

В мае 49-го у них случился пожар. Мы с Павкой Певзнером пришли к Юрке готовиться к экзамену по немецкому. Павлик и Юра пошли курить в старую, разрушенную хату, стоявшую у них во дворе. Я не курил и остался в доме. Я ушёл через некоторое время

после их возвращения, а Юра и Павлик успели повторить 15 билетов, когда в их дом ворвались соседи: хата горела. Вызвали пожарную команду. Завалили ворота, соединяющие пылающую хату с домом. Потушили. Возможно, в мусор упал плохо потушенный окурок.

Ермак ломал голову: что сказать деду и матери? Какой-то мальчишка с улицы сказал, будто незнакомец бросил в хату зажжённую коробку спичек. Какая-то девчонка это подтвердила. Мы уже не знали: а может, это так и было? Про курение решили не говорить. Но пожар на Юрку так подействовал, что он бросил курить.

Как-то, увидев нас в трамвае, Ермак целую остановку бежал за ним. И догнал! Этот не бог весть какой эпохальный эпизод и зафиксирован в моей эпиграмме на Ермакова, отправленной в 37-ю:

Кто сможет обогнать его, не знаем,
Особенно, когда бежит он за трамваем.

Юрка хорошо бегал не только за трамваем, он стал одним из самых сильных в школе легкоатлетов. В первомайской легкоатлетической эстафете бежал обычно самую длинную дистанцию. Летом, перед 10-м классом, мы поздравляли его с большой победой: выступая в первенстве РСФСР среди взрослых мужчин в 6 видах лёгкой атлетики, он занял 4 первых места, одно второе и одно третье. За такие успехи его наградили часами и серебряным подстаканником.

С Юрой Ермаковым. 1958 г.

Юра Ермаков навсегда остался моим добрым, близким товарищем. После школы Ермак поступил в Ростовский медицинский институт, в середине курса перевёлся в Куйбышев, в Военно-медицинскую академию. Там и встретился со своей Надей, с которой прожил всю жизнь.

После ряда лет скитаний по стране Ермак вернулся в Ростов. Тот старый дедовский дом на Социалистической снесли, а Ермаковым дали за него две квартиры.

В центре города, на Московской улице жила мама Юры, Елена Сергеевна Ермакова, известный в Ростове психиатр, а его семья – в новом Западном микрорайоне.

В жизни Юры была большая трагедия, и мы очень за него переживали. Елена Сергеевна была зверски убита в собственной квартире, и это преступление, по-моему, так и не раскрыли. Судьба распорядилась так, что её могила оказалась вблизи могилы моей мамы. Каждый раз, приходя на могилу Елены Сергеевны, Юра не забывал посетить и могилу моей мамы. То же самое делал и я.

Полковник медицинской службы Юрий Рубенович Ермаков возглавил Судебно-медицинскую лабораторию. Ту самую, теперь знаменитую на всю страну, которая занималась восстановлением имён солдат, погибших в Чечне. Как и положено в армии, в 50 лет он ушёл в отставку, но остался в лаборатории на правах вольнонаёмного сотрудника. У Ермаковых два сына. Младший, Саша пошёл по стопам отца, став во главе той самой лаборатории. Несколько раз мы видели их в телевизионных передачах.

Виделись мы редко, переписывались тоже редко. Но время от времени Ермак бывал проездом в Москве. Останавливался у Жоры Терикова и обязательно звонил мне.

Миша Бабаев – один из самых ярких наших одноклассников. Большой, с постоянной открытой улыбкой. Прирождённый вожак, не зря его всюду выбирали комсомольским секретарём. Сейчас – с белой, почти лысой головой. А я помню те времена, когда в его густой чёрной шевелюре ломались расчёски.

Миша Бабаев был самым *правильным* мальчиком в классе: выборные комсомольские должности, на которых он постоянно пребывал, а его даже избрали членом райкома комсомола, требовали от него быть примером в поведении. То, что могли бы простить любому, никогда бы не простили Бабаеву. Он и старался изо всех сил, сдерживая рвущийся наружу темперамент. В детских коллективах частенько таких не любят. А Бабаева – любили. Открытый, весёлый, компанейский, он был хорошим товарищем. Что думал – говорил в глаза, никогда за спиной *не докладывал.*

Выступая в 9-м и 10-м классах за школьную команду в первомайской эстафете, Бабаев бежал самую ответственную, заключительную дистанцию.

Эпиграмму на него, которую я сочинил в 9-м классе для письма девочкам 37-й школы, даже эпиграммой-то не назовёшь, сплошные дифирамбы:

В нём собрание талантов:
Он отличник и атлет;
Он – из лучших музыкантов
И талантливый поэт.

Миша Бабаев, 1950 г.

Когда-то, ещё в школьные годы, мой отец предсказал Бабаеву карьеру крупного партийного работника. К счастью, он ошибся.

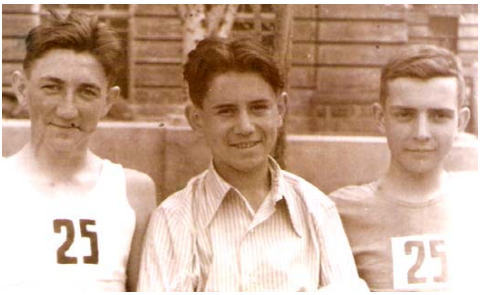
Миша окончил юрфак Ростовского университета, где его избрали секретарём комитета комсомола. Юрист от бога. После университета его, чуть ли не единственного из молодых, избрали народным судьёй. Потом он совершил головокружительный тройной квартирный обмен, в результате которого оказался в Москве. Мне он говорил, что этим обменом гордится больше всего.

– Понимаешь, Витька, докторами наук становятся многие, а вот такой обмен – это уметь надо!

Понять его можно: возможности профессионального роста в Москве куда большие, чем в Ростове. Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ Михаил Матвеевич Бабаев стал человеком, достаточно известным. Был ведущим телевизионной программы «Человек и закон». Для нас он остаётся таким же Мишкой. Коммуникабельный. Душа компаний. Легко откликается на приглашения встретиться и приезжает… когда не занят. Не всегда, правда, это совпадает. Несколько раз, когда мне была нужна юридическая помощь, я обращался к Бабаеву, и он помогал.

Я очень переживал за Мишу, когда накануне московской встречи школьных друзей он потерял жену. Я хорошо знал его Элю. Эля Ямпольская училась вместе со мной на химфаке. На 2 или 3 курса младше. Мы часто встречались с ней в московских библиотеках, особенно в библиотеке Минхимпрома на Лефортовском. Эля умерла после достаточно банальной хирургической операции. Сепсис. Их сын пошёл по стопам отца – юрист.

В школе **Юра Голоднов** был *хорошистом*. В отличники не лез, троек не чурался. По физике и математике он был одним из лучших в классе, и Анатолий Петрович Головко доверял ему проводить уроки по физике в нашем 10-м классе и у девятиклассников. В январе 1950 года на областной математической олимпиаде Голоднов занял 2-е место после Миллера. Юра рано определился в своих технических пристрастиях, был признанным спортсменом, легкоатлетом, участником всех легкоатлетических эстафет. Ежегодно 2 мая мы болели за школьную команду, в составе которой Юра Голоднов бежал по центральным улицам города в майской эстафете.



Маслёнков, Певзнер и Голоднов, 2 мая 1949 г.

Юра славился своим участием в работе детской Малой Кавказской железной дороги.

Настоящая детская железная дорога с уменьшенными паровозиком и пассажирскими вагонами, несколькими станциями стала настоящей достопримечательностью Ростова. Здесь всё было по-настоящему, как на обычной железной дороге: настоящие машинисты, кондуктора, обходчики, начальники станций. Только все эти роли всерьёз исполняли дети.

Толпы пап и мам вели по воскресеньям своих детишек в парк покататься в вагончике. И нам было лестно, что среди «малых железнодорожников», осуществивших этот необычный аттракцион, был наш одноклассник, наш товарищ. За работу на Малой Кавказской Голоднов получил в 1948 году благодарность ЦК ВЛКСМ.

Он командует Малой Кавказской.
Познакомитесь с ним, и тотчас
Ваша жизнь вам покажется сказкой –
Он прокатит в вагончике вас.

Так рекомендовали его девочкам из 37-й. А зачем его было рекомендовать? Общительный и весёлый, он сам кого хочешь порекомендует!

От Юры я слышал, что на Малой Кавказской он дружил с девочкой Ирой. Рассказывая мне, кто ещё получил благодарность ЦК ВЛКСМ, он назвал и Иру.

– Это та самая, которая…

– Да, та самая, которой нет.

– То есть, как это нет? – удивился я.

– Поездом…– Юра безнадежно махнул рукой.

Потом добавил:

– Только не подумай, что на Малой.

Уже несколько дней Юра ходил рассеянный и хмурый, а мы не могли понять, что с ним происходит. Ему трудно было говорить, но он всё-таки мне рассказал.

Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

Ира была нашего возраста. Сирота – отец и мать погибли во время войны. Жила у крёстной, которая приютила её из жалости. За 10 дней до нашего разговора, в воскресенье, в 7 часов вечера Юра проводил её до дому. Дома она поссорилась с крёстной. Та ей бросила:

– Когда же тебя только чёрт от меня унесёт!

Обидевшись, Ира ушла из дома. Через несколько часов крёстная её хватилась, но нигде не могла найти. Только во вторник

она заявила в милицию. С помощью милиции узнали, что в воскресенье, в 9 часов вечера Ира бросилась под поезд, ей отрезало голову. Обо всем этом Юра узнал в среду. Он отругал эту крёстную по телефону. Но ей, конечно, и без него тошно было.

В декабре 1949 г. вся страна отмечала 70-летие Сталина. Юра Голоднов и ещё двое ребят из нашей школы в качестве лучших участников Малой детской железной дороги получили право передать свой подарок Сталину – самоходную модель паровоза. Мы за него были рады.

Я всегда любил Юрку. О таких говорят: не продаст! Я бывал у него дома, он – у меня, мы вместе ходили в гости к девочкам из 37-й школы.

Юрий Михайлович Голоднов не стал железнодорожником. Он окончил Новочеркасский политехнический, инженер-электрик, защитил кандидатскую. Самым первым в нашем классе женился – на однокурснице, самым первым стал отцом. Это никого не удивило – признанный любимец девчонок. Голоднова взяли в министерство, и он одним из первых в нашем классе оказался в Москве. Мы довольно часто с ним созваниваемся и встречаемся. Значительно чаще, чем с другими школьными товарищами. Юра охотно рассказывает о себе, о своих внуках и обязательно демонстрирует снятые им кинофильмы. Его хобби: путешествовать по рекам и морям на теплоходе, снимать и остроумно комментировать фильмы об этом. Его фильмы о внуках, их школе – вот память им на всю жизнь! Эх, Юрка, жаль, что не было у тебя кинокамеры тогда, в конце 40-х!

Юра живёт на Таганке, в тихом уголке старой Москвы. Вокруг – сплошные памятники истории и архитектуры. Юра водил меня и Свету Клыкову по окрестностям своего дома и с упоением, как заправский экскурсовод, рассказывал.

Валя Варшавский был в школе моим близким другом. Одним из немногих, с кем я мог разговаривать на любые темы. Добродушный, мягкий, с неизменной улыбкой на лице. Никогда не принимал участия в *бузотёрских* выходках.

Ираида Михайловна охотно зачитывала нам *ляпы* из сочинений наших учеников. Вот один из них, от Варшавского: «Сатин опустился на дно и пристрастился к разным страстям». Ошибки он допускал ужасные, не раз получая двойки по русскому языку.

Однажды в диктанте написал: «На рисунке видны были пЕсцы со свитками бумаги в руках». Я ответил ему эпиграммой:

Ошибки частенько к такому приводят,
Что получается сплошная чепуха:
***Песцы** у него со свитками ходят,*
*А из **писцов** приготовляются меха.*

Валя Варшавский. 1951 г.

Перед выпускными экзаменами я занимался с ним русским языком. Тройка за сочинение вполне его удовлетворила, на большее он и не претендовал.

Красивый парень, Варшавский не мог не нравиться девочкам. Перу Бабаева принадлежит эпиграмма из письма девочкам 37-й школы:

Варшавский вами был особенно любим
(От времени того остались только тени).
Сейчас он занялся совсем другим:
Он пред учёбой преклонил колени.

Это явно был несбывшийся аванс: девочки Валю Варшавского интересовали всё-таки больше, чем учёба.

Мы поддерживали связь в студенческие годы и некоторое время после них. Окончив строительный институт, Валентин Яковлевич Варшавский работал в Кустанае, женился, *осел* в Таганроге. Во время одного из моих визитов в Ростов приезжал ко мне с маленьким сыном Игорем. Затем связь прервалась. Очень сожалею, что ни на одной из наших встреч Валя не появлялся.

Дольше всего мы дружили с **Борисом Гольдманым,** ещё с довоенных времён. До войны мы жили в одном доме, вместе играли в одном дворе, ходили друг к другу домой. Сколько я помню себя, столько же и Борьку. Теперь судьба свела нас в одном классе, и мы 6 лет просидели за одной партой. Впрочем, в школе у меня были более близкие друзья. Но мы никогда с Борисом не ссорились.

В 5 классе ему дали прозвище *Пиня Гофман – король подтяжек.* Как у героя кинофильма «Искатели счастья».

1950 г.

Ничего общего, кроме некоторого созвучия фамилий, у Борьки с ним не было. И подтяжек Борька не носил. Позже звали: *Бога* (от инициалов Б.Г.).

Дружба не помешала мне в 48-м написать на него довольно едкую эпиграмму:

Большой картёжник и крикун,
Петух-задира и хвастун.
Всегда со всеми вечно споря,
Себя прославил Гольдман Боря.

Сейчас, много лет спустя, мне кажется, что эта эпиграмма довольно точно характеризовала 14-летнего Борьку.

В письме в 37-ю его *пожалели* и послали более *мягкую* эпиграмму:

Участвует во всяком споре
Наш несравненный Гольдман Боря.
Болельщиков он чемпион,
Хоть ростом мал и молод он.

Гольдман был самый младший в классе – родился 20 мая 1933 г. Учился он средне, бывали тройки. Некоторые его *перлы* в ответах сохранились в моих записях. Например, на уроке астрономии: «На Нептуне и Плутоне низкая температура, потому что они далеки от народа».

Потом он подрос, повзрослел, стал спокойнее, вальяжнее. Умел *метать бисер* перед девчонками, и у многих из них пользовался успехом.

Боря окончил Ростовский мединститут. Когда мы встретились в Московском доме архитектуры, кандидат медицинских наук Борис Григорьевич Гольдман заведовал хирургическим отделением Московской областной клинической онкологической больницы. Он мало изменился. Такой же вальяжный и так же галантно ухаживал за дамами.

Талик Страдомский учился с нами с 9 класса. На два года старше меня. После войны с ним случилась беда: случайным взрывом ему выбило глаз. Два года разницы в возрасте в школе сказывались: Талик был взрослее, солиднее, уравновешеннее нас. Обладал великолепным почерком, которым любоваться можно было. Хорошо рисовал. В 9-м классе был отличником. Если бы не болезнь, заставившая его пропустить почти всю третью четверть, мог бы дотянуть и до медали.

Со Страдомским мы особенно сблизились позже, на химфаке, где вместе учились.

Мы часто бывали вместе, были в одних компаниях, я хорошо знал его маму. На химфаке Страдомский был Сталинским стипендиатом. Окончил университет с отличием.

Работал в Новочеркасском гидрохимическом институте. Защитил кандидатскую, дослужился до заместителя директора по научной работе. Женился на очаровательной Анечке Сазоновой, учившейся тремя курсами младше нас.

Страдомский, 1950 г.

В их семье росли сын и дочь. Работая с радиоактивными веществами, Виталий Борисович Страдомский получил лучевую болезнь, от которой сгорел совсем ещё молодым. А его жена и сын стали докторами наук.

Лишь недавно я узнал, откуда у Талика польская фамилия. Оказывается, его род основан в 1308 году польскими рыцарями Страдомскими, а на территории Польши сохранилось их родовое гнездо – маленькая деревушка Страдомка под Краковом, на речке Страдомке.

Георгий Териков

Жора Териков был моим близким товарищем в 5-7 классах. Школу с нами не кончал – учился плохо, и его в 7-м классе исключили из школы. Мы вместе играли в шахматных турнирах, собирали марки. Простой и спокойный, он, по-моему, никогда ни с кем не ссорился. Из наших ребят он больше всего дружил с Ермаком, которого знал с довоенных времён.

Териков был заядлым театралом. Театр интересовал его куда больше, чем учёба в школе. Он не только не пропускал ни одного нового спектакля, но многие из них смотрел по несколько раз. На учёбу времени уже не оставалось, и он всё больше отставал от класса, особенно по математике и физике. Однако не только это было причиной исключения его из школы. Териков писал, мягко

говоря, запредельно едкие эпиграммы на учителей. Например, на директора школы Галилова:

Директор наш без глаза,
Что радует особо:
За нами он, зараза,
Глядеть не может в оба.

Или на завуча Шелепину:

Виляя худосочным тазом,
Колы нам ставит раз за разом.
Когда Евгеша входит в класс,
То так и тянет дать ей в глаз!

(Георгий Териков. За кулисами смеха,
Ростов-на-Дону: МП Книга, 2002, с.40)

Такое хулиганство ему простить никак не могли!

На многие годы мы потеряли друг друга, а когда встретились в Москве, Георгий Карпович Териков был уже очень известным человеком в эстрадных кругах. Писатель-сатирик, пишущий для популярных артистов и сам выступающий на сцене, заслуженный артист России, автор книг, он нашёл свою стезю. Если мерилом *успешности* считать *известность* и *узнаваемость*, то Териков является самым успешным из всех наших одноклассников. Для этого совсем не обязательно хорошо учиться в школе, получать высшее образование и защищать диссертации. Нужно быть очень целеустремлённым человеком. Если имя Файна известно лишь узкому кругу специалистов, то имя Терикова собирает полные залы. Я *снимаю перед ним шляпу.*

Одноклассники

В нашем классе был интернационал. Русские, евреи, армяне, украинцы, осетин Дзедзиев и даже один серб – Роберт Дурач. Никакого разделения по национальностям не было и в помине. Среди моих близких. друзей и товарищей было больше евреев: Вова Миллер, Павлик Певзнер, Валя Варшавский, Боря Гольдман, Алик Крамеров, Вова Розенберг. Но мы выбирали друзей не по национальному признаку. Я дружил с русскими Юрой Голодновым, Владиленом Киселёвым («Кисой»). Среди близких товарищей – русские Женя Уланов, Стасик Маслёнков, Шура Елизаров, Володя Дронов, армяне Жора Териков, Жан Пирумян, Артём Баятов. Были и *полукровки*, о которых один классный острослов сказал «помесь *армяна* с мотоциклом». Мама Юры

Ермакова русская, отец – армянин. У Миши Бабаева отец армянин, а мама – еврейка. А какая кровь *намешана* у Виталия Страдомского с его польской фамилией? До сих пор не знаю, какой национальности Борис Плояни, с которым я дружил в 6-7 классах. У моей *подруги* из 37-й Лили Колодяжной – украинская фамилия. Мы мало об этом задумывались. Просто мы твёрдо знали: нет хороших или плохих национальностей, есть хорошие или плохие люди. И интернационализм на всю жизнь остался у нас *в крови*.

В 10-м классе у нас ненадолго появился Бреслер – артист цыганского ансамбля, гастролировавшего в Ростове. Артистами они становились с детства. Фамилия – еврейская.

– У вас в ансамбле все такие цыгане, как ты? – спросили его.

– Добрая половина, – честно признался он.

Уже после окончания школы я узнал, что наш главный драчун в 5-6 классах Ланевский – еврей. Никаких симпатий к нему я не испытывал. Много позднее, на ростовской встрече одноклассников, мне сказали, что у Юры Старовойтова мать еврейка. Ну, и что из этого следовало? Да ничего! Национальность для наших предпочтений не имела никакого значения.

Передо мной наша выпускная фотография. На ней 22 ученика. Трое сфотографироваться не удосужились – Горожанкин, Дорофеев и Полуэктов. Какие мы все были разные!

Миша Бабаев и Шура Елизаров – это лидеры. Вова Миллер, Талик Страдомский, Стасик Маслёнков, Юра Ермаков, Юра Голоднов, Володя Дронов, Гена Фомичёв – классный актив, Павлик Певзнер, Жан Пирумян, Боря Гольдман, Валя Варшавский, Юлий Борохов – ребята, которые хотели учиться, хотя и в разной степени в этом преуспели. Не все из них были моими друзьями, но все – хорошими товарищами.

Юра Старовойтов, Стасик Архипов, Роберт Дурач – главные *бузотёры* в классе. Ребята неглупые, могли блеснуть. Но больше любили порезвиться. Рядом с ними чаще всего оказывались Борщевский и Черкасов, иногда Гольдман. Любили повеселиться Фомичёв и Ермаков. Гоголев и Грушевский были как-то в стороне. С ними я мало общался. Это – **мой** взгляд на класс, кто-то мог видеть его иначе.

В мае 49-го Миша Бабаев и **Стасик Маслёнков** поставили *программу*, которую передали по радио. В ответ на них посыпались письма. Девочка с Урала, из Миасса, тоже ученица 9 класса, написала, что в войну потеряла своего двоюродного брата, Станислава Масленникова, и она его разыскивает. Совпадали имя,

возраст, чуть-чуть различались фамилии. Мы видели это письмо. Почерк чёткий, пишет, что хорошо учится. Стасик заинтересовался.

Станислав Маслёнков

Маслёнков был одним из самых лучших учеников в классе. Мог бы окончить школу с медалью, но, как мне кажется, его надежды на медаль сгорели в пламени первой юношеской любви. Хороший спортсмен. В письме в 37-ю о нём написали так:

Он бегает, друзья, прекрасно
И учится совсем неплохо.
Соперничать нам с ним опасно:
Боимся, что придётся плохо.

Из наших ребят ближе всех с ним дружил Павлик Певзнер.

Самым близким другом Бабаева был **Шура Елизаров.** Красавец, гимнаст, светлая голова, отличник, золотой медалист. Он не зацикливался на каких-то одних предметах, а был в числе первых учеников по всем дисциплинам. Ребята его уважали. Ему сулили блестящее будущее.

В июле 49-го его постигло большое горе – умерла мама. Я был на её похоронах, и мне было страшно жалко моего товарища. Он нашёл в себе мужество выдержать удар судьбы и сумел отлично окончить школу.

Александр Елизаров

После школы он поступил в Ленинградский электротехнический институт, на факультет телевидения, стал там Сталинским стипендиатом. А потом вдруг пришла страшная весть: Елизаров умер. Я не знаю толком, что с ним случилось. Вроде бы какое-то заболевание мозга. Увы, многих в нашем классе мы уже не досчитались. Но эта ранняя потеря – самая обидная. Такой был парень!

Гена Фомичёв, Фома, как его звали в классе, был парень неглупый, учился неплохо. Чаще всего становился *хорошистом*. Одно время был комсоргом класса. Спортсмен, участвовал в майской легкоатлетической эстафете.

По словам Евгении Андреевны Шелепиной, существовали два Фомичёвых: один в классе – резкий, грубый, беспокойный, непоседливый, другой – в обществе девочек – спокойный, мягкий, терпеливый, вежливый.

Но мы-то знали и третьего Фомичёва – *комика*. Не лишённый чувства юмора, он время от времени *выдавал*, явно работая на публику. Однажды его вызвали к доске, кажется, доказывать теорему. Генка урока не учил и был к этому не готов.

– Не получится, – со скорбным видом сказал он. – У меня подмышкой чирей, и я вот так сделать не могу.

Геннадий Фомичёв

И показал правой рукой, как именно он сделать не может.

Как-то на контрольной по алгебре в 10 классе тишину взорвал громкий вопрос Фомичёва:

– Файн, чему равен логарифм 47?

Зачем, дескать, рыться в таблице логарифмов, если Файн наизусть её знает?

Я посмеивался: оказывается, я знаю наизусть не только «Войну и мир», но и таблицу логарифмов!

На уроке химии Фомичёв должен был продемонстрировать опыт и дать ему объяснение. С грехом пополам после нескольких подсказок опыт провёл.

– Ну, что же у Вас получилось? – Таисия Андреевна Уланова подталкивала его к объяснению.

– Получилась мокрая жидкость синего цвета.

Как-то Фомичёв опоздал на урок химии.

– Не мог я придти раньше – пил в буфете молоко. Не приду же я в класс с бутылкой!

Такие *перлы* мы любили записывать.

Мне не довелось дружить с **Володей Дроновым**, но я всегда с уважением к нему относился. Спокойный, уравновешенный, какой-то основательный, надёжный.

Владимир Дронов

Неплохо учился. Неплохо рисовал, был художником-оформителем нашего классного литературного журнала. Спортсмен, в школьной легкоатлетической команде, выступавшей в первомайской эстафете, ему доверяли стартовать первым. Занимался тяжёлой атлетикой. От эпиграммы на него в письме девочкам из 37-й веет уважением и восхищением:

Наш силач Владимир Дронов
Поднимает пять вагонов,
А в субботу паровоз
Чуть с вокзала не унёс.

Жан Пирумян был парнем покладистым. По-моему, у него хорошие отношения были со всеми, я не помню, чтобы он с кем-нибудь конфликтовал. В учёбе не выделялся – где-то в серединке. Зато спортсмен отменный.

Баскетболист наш Пирумян,
В игре настойчив, быстр и рьян.

Это из того же памятного письма девочкам.

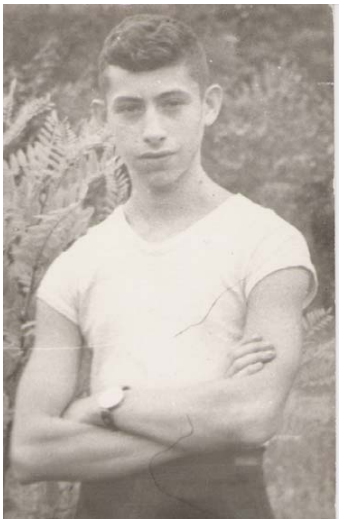
Жан Пирумян и Валеннтин Варшавский, 1950 г.

Из собрания ученических *ляпов*. Пирумян декламировал: «Ко всем матерям с чертями катись любая бумажка…»

Вовка Розенберг, по прозвищу Роза, жил на углу Энгельса и Газетного переулка, как раз напротив нашего дома. Старый обшарпанный двухэтажный дом с аркой, выходящей на главную улицу города, совершенно не гармонировал с центром Ростова. В эту арку, ведущую в такой же старый, тесный двор, из которого был вход в квартиру Розенбергов, я бегал в 5 классе едва ли не каждый день. Вовка, достаточно рослый *сорванец*, предводительствовал в нашей компании мальчишек,

в которую входили как одноклассники, так и мальчишки из Вовкиного двора.

Маленькая, тихая и невзрачная мама Вовки явно не справлялась со своим озорным сыном и грозила ему ожидаемым возвращением с фронта отца, военного врача. Вовка очень ждал отца, а я, один из самых близких его товарищей, стал невольным свидетелем долгожданного воссоединения семьи после почти 5-летней военной разлуки. Как его ни ждали, а приехал он неожиданно. Небольшого роста, в очках, он тихо зашёл в дом, поставил в угол видавший виды чемоданчик, бросил на него котомку. Заголосила мать, а Вовка молча вцепился в гимнастёрку отца. Все плакали.



Владимир Розенберг, август 1948 г.

Я стоял в сторонке, не в силах отвести глаз от этой щемящей сцены, выворачивающей наизнанку мою детскую душу. Мы тоже со дня на день ждали возвращения отца.

Школу Роза кончал не с нами, но продолжал дружить со многими ребятами из нашего класса. Пошёл по стопам отца – поступил в мединститут.

А потом грянула криминальная история, оставившая глубокий след в наших душах.

Из дневника.

18 июля 1953 г. Новость, как бомба: сидят Вовка Розенберг и Жан Пирумян. Говорят, за попытку группового изнасилования.

Нам преподнесли эту версию как доказанный факт. Сначала было жуткое возмущение.

– Как они могли?! – кипятился Миша Бабаев. – Зачем?? Да при большом желании десяток можно вокруг найти, которые сами с тобой пойдут!

Когда немного остыли, возник законный вопрос: а правда ли всё это? Не оклеветали ли ребят?

Я хорошо знал Володю и Жана, они были моими товарищами. Нет, не могли они пойти на групповое изнасилование попавшейся на дороге незнакомой девчонки. Даже если и выпили на дне

рождения. Девчонку никто из нас не знал. Можно было только догадываться, что она такое. Убегай она от них, они бы за ней и не побежали. Стала бы вырываться, силу бы не приложили. Скорее всего, она с ними заигрывала, спровоцировала их.

Из дневника.

28 сентября 1953 г. Узнал хорошую весть: Вовка Розенберг и Жан Пирумян на свободе. Вчера уже видел Жана. Был суд, но послали на доследование, ввиду отсутствия состава преступления, а потом и выпустили.

17 января 1954 г. Вчера закончился суд над Розенбергом и Пирумяном. Мы с Павкой ходили к Борьке Гольдману, который был на суде свидетелем. С его слов, дело было так. Все они были у Вовки на дне рождения. Естественно, выпили. Была уже ночь, когда Вовка пошёл провожать Жана. По дороге прицепились к девушке, работнице радиаторного завода. Ей 20 лет, но она уже дважды *сходила* замуж. Та стала с ними заигрывать. Пошли за ней, и в каком-то парадном Вовка начал её обнимать. Потом они ушли, но по дороге их схватила милиция, вызванная сторожихой. Оба они отрицают какие бы то ни было попытки к изнасилованию. На суде Вовка умело защищался и протестовал против того, что Жан сидит с ним рядом – он вообще ни к чему не причастен. Тем не менее, Вовке дали 3 года, а Жану – 3 года условно и выпустили. Прокурор просил обоим по 15 лет. Очень жаль ребят! Такая глупая история.

Мораль мы запомнили: не заигрывай с незнакомыми девчонками – можешь крупно *вляпаться*.

Женя Уланов моим другом не был, но я всегда хорошо к нему относился. Весёлый, бесшабашный прожигатель мальчишечьей жизни, озорник, он ко всему относился легко и даже легковесно, за что и поплатился.

В нашем классе, где одна группа противостояла другой, он был, кажется, *своим в доску* со всеми. Ближе всех он был с Павликом Певзнером и Геной Фомичёвым. Учился, в основном, на тройки, но, по-моему, оценки его мало беспокоили.

Девочкам из 37-й мы охарактеризовали его моей краткой эпиграммой:

Учитесь нахальству и лени
У Уланова Жени!

Евгений Уланов, 1947 г.

Валерий Гоголев

Валера Гоголев был мальчиком довольно тихим и скромным. Примерно на 3-м курсе я случайно встретил его на улице под руку с симпатичной девушкой. Остановились.

– Как дела, Валера?

– Да вот, видишь… – нерешительно мялся он. А потом *выпалил*:

– Познакомься – это моя жена.

Поздравил. А потом оказалось, что моя однокурсница Римма Малахова хорошо знала их обоих.

– Он по ней с 8-го класса страдал.

А мы и не ведали. Порадовался за товарища, что добился-таки своего.

Я не могу утверждать, что у нас был дружный класс. С некоторыми ребятами мы просто конфликтовали.

Первым из них следует назвать **Юру Старовойтова**. В 6 классе Старовойтов − маменькин сынок, осмеиваемый классом. Ни с кем не дружил. Сидел в классе в пальто и никогда не снимал с плеч сумку.

Наш 6-й класс по окончании учебного года перевели во вновь сформированную 35-ю школу, расположенную рядом с городским рынком. Некоторые ребята перевелись в 49-ю школу, другие, и я в том числе, остались в 39-й. В 8-м классе все вернулись в свою школу. Старовойтов вернулся неузнаваемый. Сколько в нём было *наносного*! Развязный и неуправляемый. Собиравший вокруг себя *бузотёров*, их лидер. Очень способный, умный парень, ему бы стать отличником, однако Юра всегда учился очень неровно, по настроению.

Юрий Старовойтов, 1950 г.

Один из лучших на уроках немецкого языка. Мог блестяще ответить по литературе или истории. И совершенно игнорировал такие предметы, как логика, психология, стенография, черчение.

Однажды, посетив Старовойтова дома, ребята застали такую картину: в комнате разбита туристическая палатка, в которой Юра расположился туристом.

В классе он сидел в самом углу, за последней партой, развалясь, как медведь. На уроках мог громко разговаривать, стучать ногами и даже петь. Все знали, что он – главный зачинщик срыва уроков. Он бравировал своими «взглядами»:

– Для чего учиться – лучше погулять.

– Нужно повеселиться и сорвать этот урок.

Но когда учителя обращались к нему с вопросом относительно дисциплины в классе, он, ухмыляясь, вопрошал:

– А почему Вы именно меня спрашиваете, а не кого-нибудь другого? Вы считаете меня виновным больше других?

Мы считали, что именно Старовойтов «издавал» нелегальную газетку «Примус». В ней все, кто не с ним, провозглашались подхалимами, ябедами, провокаторами и т.д.

Несомненно, хулиганом он не был. И его поведение не было формой протеста против кого-то или чего-то. Вся эта бравада ему, видимо, нужна была для того, чтобы привлечь к себе внимание и утвердить свои лидерские амбиции. Понимал, что признанных лидеров класса ему не пересилить, а скромно сидеть в углу ему надоело. Вот и играл он роль эдакого *антилидера*. Окончили школу – и бравада спала, надобность в ней отпала, и уже на выпускном вечере он предстал перед нами самим собой – нормальным парнем, не питавшим вражды ни к кому из учителей или одноклассников.

Женя Борщевский был личностью удивительной, ни на кого не похожей. Обладая неплохими способностями и развитым умом, он словно случайно оказался в школе. Уроки почти не готовил, учился на тройки и часто оказывался среди неуспевающих. Занимался только тем, что его в данный момент интересовало.

На уроках редко видели Борщевского, слушавшего объяснение учителя. Он всегда что-то своё читал, писал.

Евгений Борщевский, 1950 г.

Когда учителя отвлекали его от этого занятия, что чаще всего случалось на уроках немецкого языка, Борщевский медленно поднимал голову, лицо его расплывалось в улыбке. Сидя,

он оглядывался по сторонам, как бы пытаясь понять, кто и что от него требует, после чего начинал медленно вылезать из-за парты. Возвращение с небес на грешную землю требовало определённого времени. Полина Захаровна редко выдерживала эту процедуру до конца, *взрывалась* раньше.

Однажды, читая дома «Что делать?» Чернышевского, Борщевский **забыл** пойти в школу, после чего никак не мог понять, почему день прошёл как-то необычно.

О рассеянности Борщевского в классе ходили анекдоты. Как с него сняли штаны, и он их искал. Штаны, не штаны, а очки с Жени можно было снять так, что он этого и не заметит. Затем, надев его очки, можно было с ним разговаривать: увидит их он далеко не сразу.

Как-то в классе раздавали тетради (в свободной продаже их не было, выдавали по классам). В конце оказалось, что нет одного комплекта. Никто не признавался. Ираида Михайловна попросила всех внимательно посмотреть в своих портфелях. Только тогда обнаружилось, что Борщевский взял два комплекта. С какими глазами он вынимал тетради! Ему стало мучительно стыдно от одной мысли, что могут подумать… Не подумали – знали, с кем имели дело.

На перемене сонный Борщевский нередко *просыпался*: начинал носиться по классу, как одержимый, заливался соловьём или стрелял жёванными бумажками из железной трубки.

Когда Борщевского приняли в комсомол, он несколько месяцев не получал комсомольского билета. Заявлял, что сначала хочет исправить свои оценки. И оценки не исправлял, и билета не получал. Доисправлялся до того, что *схлопотал* выговор.

На собраниях при обсуждении дела, которое его напрямую не касалось, Женя чувствовал себя прокурором. Вставал, закладывал ногу за ногу и ехидным тоном вопрошал:

– А скажите, пожалуйста…

Или:

– А нельзя ли узнать…

Сам же Борщевский «прославился» во многих делах. На уроке военного дела в 9 классе мы занимались строевой подготовкой. Борщевский стоял на левом фланге в передней шеренге. Сзади него – Архипов, Певзнер и Пирумян. Архипов, известный *задира*, из озорства всё время старался задеть Борщевского ногой. Тот оборачивался и предупреждал, чтобы его не трогали. Потом разозлился и ударил… Павку Певзнера. Удар был настолько силён, что Певзнер пролетел 3-4 метра и упал. Вскочил, хотел ударить его камнем, но ребята удержали.

Особенно шумным было дело о драке Борщевского с Елизаровым. Уходя домой после школы, Борщевский по рассеянности пытался поверх своих галош надеть галоши Елизарова. Тот подошёл, чтобы забрать их:

– Ты же мои надеваешь.

Борщевский, улыбаясь, смотрел на Елизарова, пытаясь понять, что он от него хочет. А галоши продолжал надевать. Елизаров принял это за насмешку и ударил. Завязалась драка, но дерущихся сразу же разняли. Казалось бы, инцидент исчерпан. Однако Борщевский захотел отомстить. Подговорил Архипова, Старовойтова и Дурача, и они подкараулили Елизарова у выхода из школы. Подножка, Елизаров упал, его били ногами и портфелями.

Дело получило большую огласку, разбиралось на комсомольских собраниях. Приезжал даже представитель райкома комсомола. Борщевскому объявили строгий выговор с занесением в личное дело. Елизаров и Дурач тоже получили по выговору.

Из дневника. 27 сентября 1948 г. Вызвали его по истории рассказывать о Ломоносове. Начал он хорошо, толково рассказал о его жизненном пути. Но потом стал плести чепуху. Например: главной заслугой Ломоносова является то, что он впервые в России организовал производство цветной посуды. В качестве дополнительного вопроса его попросили назвать основные события Семилетней войны, на что он ответил, что такой не помнит. Получил 3. Тут же на уроке Бабаев и Елизаров написали об этом поэму. Кончалась она так:

Исход сей басни прост и ясен:
«Цветной посуды» не плетя,
Поменьше сочиняй-ка басен,
Уроки лучше поуча.

На следующий день эта поэма начала путешествие по классу на уроке литературы, на котором студент давал экзаменационный урок. Кто-то из студентов забрал поэму, и ребятам *попало* за её распространение на уроке. Поэму поместили в стенгазету.

В 10 классе, решая пример по алгебре у доски, Борщевский, чтобы разделить 3 на 2, затребовал логарифмические таблицы и начал логарифмировать.

Борщевский писал стихи. Неплохие. Участвовал в издании нашего классного литературного журнала. Но классный уровень был ему мелок. Он мечтал о всесоюзном масштабе. Сначала пытался организовать городской литературный журнал для школьников и даже предлагал мне стать его главным редактором. Затем затеял создание некоего общества, координирующего внеклассные мероприятия по повышению уровня знаний учащихся на юге СССР.

Переписывался с ребятами из Краснодара, Мариуполя и других городов. Писал и рассылал удостоверения, инструкции. Он сам мне их показывал. И при этом имел двойки по трём или четырём предметам…

Бесспорно, он талантливый поэт
(16 лет он подаёт надежды),
В воображении его мы все невежды,
А равного ему на свете нет.

Эту эпиграмму Миши Бабаева мы посылали девочкам из 37-й школы, а я поместил её в школьную стенгазету. Мы не очень стеснялись…

Женя Борщевский поступил в университет, на юридический факультет. Уже на 1-м курсе я как-то встретил его фамилию в вузовской многотиражке: его критиковали за неуспеваемость. Из университета его исключили. О его дальнейшей судьбе я ничего не знаю. Во встречах школьных друзей он участия не принимал.

Некоторые ребята были и остались для меня чужими. С ними я практически не общался и мало интересовался их судьбой. От них остались некоторые заметки и… эпиграммы.

Дорофеев учился с нами в 9-10-м классах. Длинный, как жердь. Учился еле-еле на тройки. Ребята шутили, обращаясь к учителям:

– Не вызывайте его, а то он встанет и головой потолок прошибёт.

В моём представлении Дорофеев был бесцветной личностью. Или его жизнь была сосредоточена вне школы, и я его просто не знал? В письме девочкам из 37-й я его не пощадил:

Длинная фигура,
Да дура.

Бить мне морду за эту эпиграмму он не пытался. От Дорофеева у меня не осталось больше ничего, даже фотографии. И никакими сведениями о его судьбе ни я, ни мои друзья не располагаем.

Толя Николайчук остался на второй год в 9-м классе. Кажется, уже не в первый раз: он был на 3 года старше меня. Парень он неплохой, но его интересы лежали уже за пределами школы.

В письме к девочкам была такая эпиграмма, принадлежавшая перу Бабаева:

Что такое? Что такое? –
Удивляется народ. –
Толя в школе! Толю в школе
Не видали целый год!

Отношения с ним у нас были вполне дружелюбными. Когда мы оканчивали 10-й класс, я встретил как-то Толю на улице. Постояли, поговорили. Он сказал мне, что собирается жениться. Я подивился: у нас, оказывается, есть собственный Митрофанушка! А зря дивился: парню уже 20 лет, и интересы у него были совсем другие, чем у нас.

Анатолий Николайчук

Николайчук стал лётчиком Ростовского авиаотряда, командиром пассажирского лайнера. Чтобы найти себе достойное место в жизни, совсем не обязательно было успешно учиться в школе…

Девочки

Чтобы скрасить издержки воспитания при раздельном обучении, в 7 классе у нас организовали танцевальный кружок. В спортивном зале собрались человек по 20 наших мальчиков и девочек из 37-й школы. Преподавательница, немолодая, стройная и очень артистичная женщина, выстроила нас у противоположных стен и начала учить благородным манерам.

– Кавалеры приглашают дам!

Мы, юные *кавалеры*, должны были подойти к *даме*, галантно поклониться и протянуть согнутую правую руку. *Дама* элегантно приседала и мягко клала на неё свою левую руку. Пара делала небольшой круг, после чего *кавалер* отводил даму на место, лёгким поклоном благодарил её за танец и удалялся к своей стенке.

О, как непросто это давалось!

– Нет, не *вразвалочку!* Выпрямились! Грудь вперёд! Голову выше! Не под ноги себе смотрите, а на даму! Пошли!

– Уже лучше. Вернулись на свои места. А поклониться даме забыли? Остановились. Поклонились. Повернулись. Да не так! Вы ведь не на уроке военного дела, и я не командую вам «Кругом!». Ещё раз! Уже лучше.

Всё это говорилось с такой лёгкостью, весёлостью, что наши увальни не обижались, хотя девочки *прыскали* от смеха.

Дамам доставалось не меньше.

– Чуть-чуть! Не надо так низко садиться. А то кавалер решит, что вы уже падаете. Вот так! Теперь ручку! Мягко, мягко! Не давите на него всем телом!

Она ставила перед собой мальчика и показывала, как надо поступать *дамам*. Она была грациозна!

Затем учила нас бальным танцам. Полька, полька-тройка, краковяк, па-де-патенер, па-де грас и уже позже вальс, вальс-бостон…

Мы никогда раньше не танцевали. Плоды раздельного школьного обучения: многие из нас боялись прикоснуться к девочке.

Моей первой партнёршей стала Лиля Колодяжная. Тогда она была маленькая, веснушчатая, с гладко зачёсанными волосами, заплетёнными в косички. Мы друг друга не выбирали. Просто она на первом занятии оказалась напротив меня. А потом я не захотел менять партнёршу – мне и с Лилей было хорошо.

Навыки, полученные на уроках танцев, мы *применяли на практике* на наших школьных вечерах. На вечера приходили те же девочки, на них танцевали те же танцы. И на вечера в 37-ю школу мы тоже ходили.

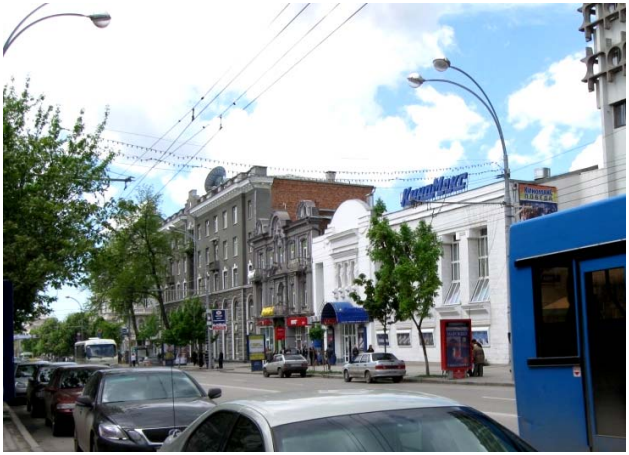
Тот танцевальный кружок и положил начало дружбе, связавшей наш класс с таким же женским классом.

Я очень сожалею, что в моей памяти не сохранилось имя нашей преподавательницы танцев. По свидетельству Г. Терикова, её фамилия Мир. Низкий поклон ей за науку!

Естественным продолжением танцев стали вечерние прогулки по улице Энгельса. Два квартала между Газетным переулком и переулком Подбельского – это самый центр Ростова. Выходили *на Энгельса* вдвоём или втроём и искали *наших* девочек. Увидев, сразу не подходили. Сначала проходили мимо, искоса на них поглядывая. На втором *заходе* здоровались. И лишь на третьем – подходили. Для 7 класса такой *ритуал* был обычным.

Шли по бокам, взять под руку никто не решался. Это «взять под руку» было барьером, который преодолевали долго. Как-то я набрался храбрости и пытался взять под руку Лилю. Она вырвалась. И, наверное, долго об этом жалела: на вторую попытку я решился нескоро. Когда я всё же *вклинился* между ней и Светой Клыковой, Лиля сказала:

– Давно бы так!



Кинотеатр «Победа». Здесь мы гуляли когда-то «на Энгельса»

Проводить девочку после вечера домой тоже нужно было решиться! Мы жили неподалёку друг от друга, и я прибегал к уловкам. Лиля шла домой с подружкой, а я – немного впереди, нарочито медленно, чтобы могли догнать. Не доходя несколько шагов, Лиля произносила свою обычную фразу:

– Куда это вы так спешите, молодой человек?

С Лилей мне было и радостно, и трудно. Кто их поймет, этих девчонок: никогда не скажет прямо, всё какие-то полунамёки, полузагадки. Кто-то кому-то что-то сказал, и вдруг выясняется, что тебе приписывают, бог знает, что. Чего и в помине не было.

Лиля категорически отказывалась приходить ко мне домой и меня к себе не звала. Меня это задевало: не доверяешь, значит? Что это за *уличная дружба*!

Лиля Колодяжная, апрель 1948 г

Я ставил ультиматум: или настоящая дружба, или разрыв. Лиля выбирала дружбу. И всё продолжалось, как и прежде.

Летом 47-го я уехал с мамой в санаторий под Туапсе. Договорились писать друг другу. Лиля попросила писать от имени девочки. Ладно, пусть будет так. Как-то получил письмо, из которого следовало, что Лиля с Ниной Фоменко приедут в Туапсе. И дата

приезда была названа. Я вычислил, каким поездом они, скорее всего, могут приехать, и помчался в Туапсе. Не приехали. Потом оказалось, что в Туапсе Лиля и не собиралась, что это было вроде шутки.

В 15-17 лет я был довольно привлекательным мальчиком. Девочкам, видимо, нравился. Но для самого себя я такого вывода не делал и никогда *не задирал нос.* Уровень моей самооценки был скорее заниженным: я полагал, что вокруг меня полно ребят, более привлекательных. Те же Елизаров, Бабаев, Ермаков, Варшавский… Впрочем, ребята, действительно, у нас были, как на подбор!

Из письма Лили Колодяжной. *11 ноября 1947 г. «Когда девочки узнали, что я дружу с тобой, они меня поздравляли».*

В 10 классе, после некоторого перерыва, я возобновил посещение кружка танцев.

Из дневника. 5 декабря 1949 г. На прошлом уроке танцев обратил внимание на то, что одна девочка, Мирра Кругликова из 8 класса, всё время смотрит на меня и улыбается. Когда мы танцевали вальс-отбивалку, она всё время отбивала меня, а когда её хотели отбить, сжимала мою руку и поворачивалась к отбивальщику боком. На вчерашнем вечере, когда играли в ручеёк, она всё время становилась ко мне. Всё это делалось с такой неподкупной наивной простотой! На вечере мне было очень неловко. Я пришёл в туфлях на резиновых подошвах. Когда Мирра пригласила меня на голубой вальс, я, ничего не подозревая, согласился. И к своему ужасу увидел, что танцевать не могу: трение резины о пол столь велико, что делать резкие повороты в вальсе невозможно. Пришлось извиниться. А на второй голубой вальс меня вдруг начали приглашать девочки, одна за другой. Наученный горьким опытом, я вынужден был отказать всем пятерым. Было жутко неудобно и мне, и девочкам.

За Миррой у нас многие ребята *страдают*, но она, кажется, всех их отвергает и предпочитает меня.

Я был очень скромным мальчиком.

Мне было 16, когда меня впервые поцеловала девушка.

Летом 49-го, перед 10-м классом, мой отец достал 3 путевки в дом отдыха «Дмитриадовка», под Таганрогом. Поехали мы с Юрой Ермаковым и Павликом Певзнером.

Дом отдыха – одно название. Никакого **дома** мы не обнаружили. Деревня, в хатах которой арендовали комнаты, контора и столовая. Азовское море в 400-500 метрах. Почти никакой зелени. Ворота, которые должны были бы означать вход в дом отдыха, стоят посреди территории. На них висит объявление: «Вход посторонним запрещён. Вход на танцы только по специальным пропускам за подписью директора». Но кто проверяет эти пропуска?

Это объявление не мешает вечерами собираться на танцплощадке всей деревне – деревенских раза в три больше, чем отдыхающих. И какие танцы, если вечерами тебя атакуют летающие чёрные жуки, которых здесь тьма-тьмущая?!

Ермак, самый общительный и раскованный из нас, *сколотил* компанию, в которой были и девушки, самые младшие из отдыхающих. Этим *самым младшим* было по 18-19 лет. Юрка не хотел, чтобы мы выглядели среди них *молокососами*, и *поправил* нам наши годы: он – самый старший, 20 лет, Павлу и мне – по 19. Я решил, что он *загнул,* и согласился лишь на 18. И был поражён: девчонки удивились, узнав, что мне **только** 18. Думали, 19-20. Я и не знал, что выгляжу старше.

Любимое занятие компании – карты. Простенькая игра под названием «Не ваше дело», в которой проигравший должен отвечать на заданный ему *вопрос*. Нечто вроде фантов. Девушки были раскованные, совершенно не похожие на наших девочек из 37-й, и *вопросы* быстро заменили поцелуями. К такому обороту я оказался совершенно не готов. Чистый, как слеза, я ждал, что мой первый поцелуй достанется той, которую полюблю, а не просто так. Когда я отвернулся от подставленных девичьих губ, меня не поняли. За моё *воспитание* тут же взялась Галя, простенькая девчонка 19 лет. Увернуться уже не было никакой возможности, и я сдался.

Дмитриадовка. Сидит справа Юра Ермаков, над ним справа Павлик Певзнер, а меня частично девушка заслонила. Гали на этом снимке нет. Август 1949 г.

. Галя – душа нараспашку. На второй день она уже показывала мне фотографию своего парня, Саши, которого незадолго до этого проводила в армию. Через несколько дней она заскучала, сказалась больной и уехала.

Эта история имела неожиданное продолжение.

Спустя 8 месяцев, в апреле 50-го, прихожу в школу, а Павка мне говорит:

– Знаешь, кто тебя ищет?

– Кто?

– Галя. Помнишь дом отдыха?

Я не поверил: с какой это стати ей меня искать? Но Павка сказал, что встретил парня из той нашей компании, и тот поведал ему: Галя беременна и по этому поводу ищет меня.

– А я-то здесь причём?

Разве могли наши ребята упустить такой шикарный повод для зубоскальства! Пошли шуточки, реплики:

– Эх, пропала твоя будущая стипендия!

Предлагали добиваться медицинской экспертизы, а Ермак даже вызвался в свидетели, если дело дойдёт до суда.

Насладившись розыгрышем, Павка признался, что мою причастность к этому делу придумал сам. Галя, действительно, беременна – от своего Саши, потому преждевременно и уехала. Она написала ему об этом в армию, а он сообщил своим родителям, у которых она сейчас и живёт. Когда он вернётся, состоится свадьба. Что ж, совет да любовь!

Ребята же долго не могли успокоиться. «Ах, злые языки страшнее пистолета!»

У нас не было постоянных, замкнутых компаний. Шла почти непрерывная *миграция* и мальчиков, и девочек. Я чувствовал себя *своим* в компании, где были Лиля Колодяжная, Света Клыкова, Лиля Тащилова. Мне было хорошо в компании, группировавшейся вокруг Юры Ермакова и Оли Петровой. С удовольствием приходил к Мише Бабаеву, у которого бывали Майя Клюшина, Инга Сальникова, Ляся Кацевич, Зина Вселюбская, Таня Алдукова. Была компания с девочками из класса, на год младше: Элла Васильченко, Эмма Орлова, Света Зольникова.

Из дневника. 1 января 1950 г. Новый год встретили очень весело. Этого и следовало ожидать: компания такая большая и такая шумная. Всего нас 16 человек: Миша Бабаев, Валя Ложкин, Шура Елизаров, Юра Нечаев, Володя Дронов, Валя Попов, Володя Гайдук, я, Лиля Тащилова, Таня Алдукова, Майя Клюшина, Лиля Колодяжная, Света Клыкова, Инга Сальникова, Алла Кацевич и ещё одна девочка, Зина.

В том памятном письме девочкам 37-й школы была такая эпиграмма на меня:

Поклонник ярый он амуров, муз и лир.
Поэт он, также ученик хороший –
Кончает наизусть «Войну и мир»!
Бывал однажды письмоношей.

Память не сохранила обстоятельств, при которых я оказался *письмоношей*. Кажется, одно из писем нашей переписки было доставлено мною. А «Война и мир» была обычной дружеской *подначкой*: учить уроки я, действительно, старался аккуратно.

Мне нравились наши школьные вечера. На них блистали Алик Пóляк, Толя Марголин, Олег Левицкий. Незабвенная пара конферансье: *Марк Голин* и *Лев Ицкий*.

На вечерах я особенно любил танцевать со Светой Клыковой – с ней очень хорошо танцевалось.

Вокруг меня всегда были девочки. А я мучительно искал ту одну, которую мог бы назвать своей подругой. Я был слишком скромным мальчиком и никогда не *проявлял инициативы*. Но не от избытка застенчивости. Я считал нечестным *морочить девочке голову*, если сам ещё не убеждён в том, что именно она мне нужна. Вот полюблю, тогда и буду добиваться её взаимности. И девочки уходили к другим мальчикам, которые оказывались более *расторопными*. Только позже до меня *дошло*, что полюбить, скорее всего, можно ту, которая рядом, и не всегда стоит так уж *держать дистанцию*.

Вот одно стихотворение, жутко подражательное, написанное мной в те годы.

Моя мечта

В мечтах всегда мы образ носим.
Он то расплывчат, то ясней.
С ним засыпаем часто ночью,
И ночь бывает дня милей.

А образ той, кто всех прекрасней,
Всегда зовёт тебя искать.
Пока не станет образ ясным,
Ещё придётся долго ждать.

А может быть, недолго? Скоро
Увидишь наяву мечту…
В тот день, запомнится который
Надолго, вдруг ты встретишь ту,

О ком так долго ты мечтал,
Кого так долго страстно ждал.

Но подождите, может странно –
Сидеть один и всё мечтать?
Каков же образ мой желанный,
Который я хочу искать?

Какой хочу иметь подругу?
Кого любить хочу, друзья?
Беру тетрадь, бумагу, ручку
И написать пытаюсь я…

Я не красавицу желаю,
Но и должна быть недурна.
Пусть не кичится тем, что знает,
Но чтоб была умна она.

Пусть держится непринуждённо,
Пусть будет искренна, скромна.
И, добавляю, безусловно,
Она любить меня должна.

Ей тем же я смогу ответить –
В груди моей достаточно огня.
И буду я счастливейший на свете…
Вы понимаете меня?

Из дневника. 10 декабря 1949 г. На вечере отдыха для учащихся старших классов школ района была очень интересная лекция преподавательницы истории 36-й школы Максимовой. Я и раньше слышал об её изумительном умении говорить. Она рассказывала о ложном и настоящем чувствах товарищества. Приводила примеры из жизни Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, а также из своей педагогической практики. Самым интересным был, конечно, вопрос о взаимоотношениях мальчиков и девочек. Всякая дружба мальчика с девочкой облачена в форму какого-то обожания, влюблённости, приятной и нежной романтики. Какой мальчик не влюблён в свою подругу, и какая девочка не влюблена в своего друга?! Эта влюблённость – ещё не настоящая любовь, но может быть зачатком этой любви, большой и глубокой, которую можно и нужно пронести через всю жизнь. Но может и не случиться этого.

Эта лекция произвела на меня глубокое впечатление, открыла мне глаза на многое из того, что происходит со мной.

Самые первые детские романы моих близких друзей проходили на моих глазах.

Юра Ермаков в 7 и 8 классах дружил с Олей Петровой. Я был рад за него, что у него такая подруга – простая, открытая. Как-то

Юрка на неё обиделся: на Энгельса она взяла по руку Жору Терикова, а его самого под руку не брала.

– Просто он высокий, мне неудобно его под руку брать, – объяснила мне Оля.

Ермака ответ удовлетворил, и мир был восстановлен.

Из дневника. 8 ноября 1947 г. Вчера был школьный вечер. Ответственными за вешалку назначили Юрку Ермакова и Вольку Бабанина. Ермак где-то выпил и рвался танцевать. Оля металась и не хотела выпускать его из вешалки, чтобы он чего-нибудь не натворил. Я сначала ей помогал в этом, а потом её успокаивал. Без неприятностей не обошлось. У Евгении Андреевны украли какие-то вещи. Пришла милиция, никого не выпускали, начали розыски. У Юрки, когда он услыхал о пропаже, весь хмель мигом вышел. Их с Волькой задержали для разбирательства. С вечера ушли поздно втроём – Владилен, я и Оля.

Первый роман Павлика Певзнера начался после 8 класса.

Из дневника. 20 июня 1948 г. Днём был у Павлика. Он нашёл себе занятие: его соседка познакомила его со своей подружкой, и Павлик стал осторожненько за ней ухаживать. Девчонки стояли на балконе, делая вид, что смотрят куда-то в сторону, и бросали на нас быстрые взгляды. Не знаю, на кого именно. Предоставляю эту честь Павлику.

22 июня 1948 г. Павка рассказал, что его соседку зовут Катя, подружку – Валя. Валя – девочка хорошенькая, симпатичная. Павлик уверяет, что даже красивая. Он говорит: «Я нашёл себе девочку». Он в неё просто влюблён. Когда я сказал ему об этом, он ответил: «Зачем так сильно? Она мне нравится, но…». Сначала всё время говорил мне о ней, а потом стал петь: «Как много девушек хороших…», «Сильва, ты меня не любишь» и «Любовь такая – глупость большая». Всё ясно!

Я немножко подтрунивал над Павкой. Когда стало известно, что его Валя раньше с кем-то уже дружила, я сказал ему:

– Женился на вдове.

Павка злился.

– Ладно, не сердись – я же шучу.

Первый Павкин роман длился недолго, второй – тоже. Третий оказался посерьёзней.

– Меняю, как перчатки, – подтрунивал он сам над собой.

В эту компанию я впервые попал в середине февраля 50-го. Элла Васильченко, Света Зольникова, Эмма Орлова. И наши ребята вокруг них – Стасик Маслёнков, Павлик Певзнер, Жан Пирумян, Женя Уланов и Юра Голоднов. Все, кроме Голоднова и меня, – *страдальцы*, страдают по красавице Элле. Вокруг Эллы замечены также Шура Елизаров, Валя Варшавский, Боря Гольдман. Полкласса здесь.

Сказать, что Элла – красивая, значит, ещё ничего не сказать. Она слыла первой красавицей Ростова. Но красота *обязывает*: Элла *крутила мозги* нескольким нашим ребятам, переписывалась с другими и гуляла с моряками из моручилища.

Из наших сначала совсем *погибал* Маслёнков. Он влюбился в неё так, что забросил учебу, и опомнился только тогда, когда нахватал три двойки. Для Маслёнкова это было очень много.

Затем наступил черед Павки.

Из дневника. 22 февраля 1950 г. Вечером были танцы. Разучиваем два красивых, но трудных танца: классический – мазурку и новый – пушкинский вальс. Танцевал с Эллой, а Павлик показывал мне кулак. После танцев пошли втроём немножко пройтись. Остановились около дома Эллы, это рядом с нашей школой. Смотрю: бедный Павлик только и ждёт, чтобы я ушёл. Оставил их вдвоём.

26 февраля 1950 г. Вечер в школе. Наши страдальцы не танцевали: Павлик – от избытка чувств, Элла – от головной боли.

22 марта 1950 г. Элла рассказала мне, что на её просьбу сказать что-нибудь по-немецки Павка *брякнул*:

– Ich will dich küssen! (Я хочу тебя поцеловать).

Элла ответила по-русски:

– Ты ещё маленький.

22 июня 1950 г. Гуляли всей компанией: Элла, Эмма, Жан, Павлик и я. Павлик с Эллой что-то дуются друг на друга, Эмма, кажется, ко мне неравнодушна, а Элла со мной кокетничает.

На выпускном вечере Пётр Спиридонович *подначивал* Павку:

– Возвращаюсь ночью из школы. Смотрю – стоит!

В этой компании на меня нередко нападали *приступы остроумия*. Шутил, смеялся. Эмма Орлова говорила, что от моего присутствия у неё возникают припадки смеха, от которых потом живот болит.

Элла пыталась вовлечь меня в число своих поклонников. Как-то сказала, что от моего присутствия она пьянеет. А я не верил, что она может питать ко мне хоть какие-нибудь чувства. Просто ей немножко обидно: как это я, находясь в одной компании с ней, до сих пор в неё не влюбился. Фактически она это потом подтвердила: на первом нашем вечере встречи с выпускниками в 1951 году она призналась мне:

– Хочу, чтобы все мальчишки в меня влюблялись.

Элла Васильченко и её поклонники из числа моих друзей вдохновили меня на песню:

Первая любовь

Время юности стыдливой –
Свет любви издалека…
Очи девушки красивой
Покорили паренька.

И глаза огнём горят,
И зовёт лукавый взгляд,
И коса, словно рожь, золотится.
Нет на свете людей,
Чем она, веселей,
Ну, как же в неё не влюбиться!

Ходит он, как тень за нею,
Всё забросил, всё забыл.
В школе даже за неделю
Восемь двоек получил!

А признаться – духу мало,
И молчать уже не мог.
Если б, девушка, ты знала,
Как тоскует паренёк!

Похудел он, побледнел он,
Потерял покой и сон.
Ну, каким серьёзным делом
Заниматься сможет он?

Ходит он за ней, вздыхая,
Доля парня нелегка!
Что ж ты, девушка, такая –
Не жалеешь паренька?

Время юности стыдливой –
Свет любви издалека…
Очи девушки красивой
Покорили паренька.

И глаза огнём горят,
И зовёт лукавый взгляд,
И коса, словно рожь, золотится.
Нет на свете людей,
Чем она, веселей,
Ну, как же в неё не влюбиться!

После окончания школы мы продолжали дружить с некоторыми из наших девушек из 37-й.

Из дневника. 6 ноября 1950 г. С Юрой Голодновым зашли к Свете Клыковой. Увидев её, я просто изумился.

В простеньком домашнем платьице, с распущенными волосами – только что мыла голову. Она была так свежа и так прекрасна, словно только что на свет родилась. Такой прекрасной я её никогда ещё не видел. Мы просидели у неё час, и это время пролетело мгновенно. Так легко было на душе: сидишь в кругу друзей, таких хороших друзей, которые ещё много-много лет останутся в памяти.

Света Клыкова, июль 1950 г.

Света и обе Лили придут в 1951 г. ко мне на день рождения. Мы повзрослеем, станем естественнее в общении друг с другом. Мои отношения с Лилей Колодяжной станут куда более дружескими, чем во времена нашей полудетской *дружбы* в 1947 году. О Лиле Тащиловой разговор особый – в студенческие годы мы будем дружить с ней большой и чистой дружбой.

Из дневника. 5 января 1953 г. Вчерашний вечер я провёл в обществе двух Лиль. Шёл проливной дождь, и мы сидели дома у Лили Тащиловой. Началось со слов Лили Колодяжной:

– Я, кажется, опять в тебя влюбилась!

– Опять?! Значит, тогда…

– А ты разве не знал?

– Догадывался, конечно.

А потом они начали обе наперебой объясняться мне в любви и даже ревновать друг друга. Шутки шутками, но они меня смутили. А сегодня Лиля Тащилова сказала, что после этого им обеим снились невероятные сны обо мне.

Лиля Тащилова, 1952 г.

Конечно, это были шутки. Только ведь недаром говорят, что в каждой шутке есть доля… шутки.

Но всё это будет впереди.

Много лет спустя из письма Лили Тащиловой я узнал о существовании романа в стихах «Тридцатисемиада», написанного в сентябре 1949 г. Роман посвящён «двум Л» − Лиле Тащиловой и Лясе Кацевич. Написаны были посвящение и глава 1, обещаны – 37 глав. Лиле там адресованы такие строки:

Ко всем ровна и симпатична,
Всегда спокойна и мила,
Она (её мы знаем лично)
Такою издавна была.

Ты горда и неприступна,
Словно крепость Сталинграда.
Ты для многих недоступна,
Одному ж была ты рада.

…На Энгельса выходит Лиля с книжкой,
Желая миру показать:
Мне не нужны совсем мальчишки,
Я не для них хожу гулять.

И в адрес Лили и Ляси :

Эгоисты вы немного.
Это, право, пустяки.
И не жалко Вам другого
На скамейке у реки?

Любите, чтоб были рядом,
А курили не при вас,
Чтоб за каждым вашим взглядом
Дюжина смотрела глаз,
Чтобы каждый восхищался,
Комплименты говорил,
Там, где надобно – смеялся,
Там, где надобно – хвалил.
И молчал бы там, где нужно
(Вам, конечно, не ему),
И чтобы внимали дружно
Все желанью твоему.

Автора Лиля не знала. Спрашивала, не моя ли это работа. Нет, не моя. И, судя по эпиграфу на английском языке, автора нужно искать в параллельном классе «А». Мы же – *немцы*. И полиглотов в наших рядах замечено не было.

Переписка

Январь 1949 года. Недавно закончились зимние каникулы. Класс ведёт себя совершенно необычно: тишина, изредка прерываемая приглушённым смехом. Шуршание листков бумаги, гуляющих по партам. Учителей, если и слушают, то *вполуха*. Мы пишем письмо девочкам из 9-го «Б» 37-й.

Идея, конечно же, принадлежала Мише Бабаеву. Он знал девочек ближе нас всех. Миша был организатором, режиссёром, редактором и главным автором. Шура Елизаров, сидевший рядом, активно ему помогал. Я сидел в другом ряду, и от меня к Бабаеву и обратно курсировали бумаги. Ребята, читавшие их *по дороге*, давали свои предложения. Где-то, у доски, кто-то что-то отвечал. На переменах слетались к парте Бабаева.

Копии этих писем много лет бережно хранил Юра Голоднов. У меня сохранился лишь оригинал одного из писем девочек. Зачитанный чуть ли не до дыр.

Мы любим эту переписку и не смотрим на неё с позиций литературного критика. Просто это – неотрывная часть нашей биографии. Она стоит того, чтобы привести её здесь полностью.

9 классу «Б» школы № 37

Записку тайную тебе,
Девчонок класс, 9-й «Б»,
Плоды досужей трепологии,
Мы шлём с урока психологии.

Мы помираем здесь от скуки,
От скуки чешутся здесь руки.
Чтоб этот зуд быстрей унять,
Мы вам решили написать.

Положит пусть сия записка
Начало долгой переписки.
Клянемся маятником Фуко –
Она разгонит нашу скуку.

Вы также точно напишите
(Конечно, если захотите),
Чем занят ваш богатый ум.
Раскройте тайны ваших дум.

Всё это сделать будет можно
Лишь при работе осторожной.

Кончаем. Страшно перечесть.
Стыдом за рифмы замираем.

Но нам порукой – ваша честь,
От вас ответа ожидаем.

Примите наши уверенья
К вам в совершеннейшем почтеньи.
Мы очень уважаем вас.
9-й «Б», мальчишек класс.
21.01.1949

Эта записка попала к девочкам оригинальным образом. Учительница психологии преподавала в обоих наших классах. Записку засунули в её экземпляр учебника, который она всегда держала на учительском столе.

9 классу «Б» школы № 39

В стены наши монастырские,
То есть в класс 9-й «Б»,
Получили мы записку
От соседей по беде.

Записку тайную от вас
Капелла наша получила,
И, признаемся честно, нас
Она немного огорчила.

Писать о скуке! Вам не стыдно ль?
И, право, нам за вас обидно!
Уже ль так мало развлечений
Нам нынче молодость дарит,
Что без веселья проявлений
Наш бедный родственник грустит?

Вы пишете в записке нам,
Что умираете от скуки,
Что терпите от «девы» там
Нечеловеческие муки.

Ну, а для нас урок её –
Минуты сладких развлечений.
А всё лишь только от того,
Что обладаем мы уменьем
Вполне использовать её
Невозмутимое терпенье.

Желая вам совет подать,
Как сделать, чтобы не скучать,
Во-первых, предлагаем мы
Поэмы наши продолжать.

А во-вторых, бодрей, друзья!
Бери от жизни всё, что можешь!

И если вдруг придёт беда,
9-й «Б», девчонок класс,
Тебе всегда во всём поможет.

Товарищ, верь! Взойдёт она,
Заря пленительного счастья,
И ты, воспрянув ото сна,
Психичку выгонишь из класса,
Как это совершили мы,
Свободы верные сыны.

P.S.
Пишите, только осторожно –
Ведь так легко попасться можно!
24.01.1949.

9 классу «Б» школы № 37

Струн ваших пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К перу рванулись наши руки −
Мы вдохновенье обрели.

Пришло в наш класс посланье ваше,
Достоинств в нём не перечесть.
Гораздо больше их, чем в нашем,
И умные советы есть.

Согласны с вами: в наши годы
Мы в школе не должны скучать,
Веселья целые подводы
Должны от жизни получать.

Мы вам о скуке написали,
Которая терзает нас,
Но эта скука, чтоб вы знали,
Мечты заветные о вас.

Но мы всегда находим время
Повеселиться, пошутить
И педагогов вредных бремя
Своим упорством сокрушить.

Вы пишете, что нашу «деву»
Из класса выставили вы.
Так знайте: этаким манером
Директора прогнали мы.

Он математик заурядный,
Его мы «обожаем» все
За то, что, с книжкою расставшись,
Не скажет он ни «бе», ни «ме».

От жизни брать все то, что сможем,
Нам посоветовали вы.
Вам посоветуем лишь то же –
Ведь в этом солидарны мы.

Желаем весело учиться,
Забыть о скуке навсегда,
Как можно больше веселиться,
Учить уроки иногда.

Мы в нашей рифме стопудовой
Осмелимся вам пожелать
Гулять почаще по Садовой
Кино, театры посещать.

Как можно чаще нам пишите.
Ответа не заставим ждать,
Все ваши новости нам шлите,
С любовью будем отвечать.

И пусть запомнится для вас,
Как звуки сладостной виолы,
Всё то, что написал вам класс
9-й «Б» 39-й школы.

24.01.1949

9 классу «Б» школы № 39

Сегодня классный почтальон
Принёс письмо в наш класс.
Мы благодарны за него –
Оно порадовало нас.

Мы, получив посланье ваше,
Решили написать ответ,
Чтоб выразить признанье наше,
Ни слов, ни выражений нет.

И с вашей рифмой «стопудовой»
Едва ли можем мы сравниться.
Да и гулянью по Садовой
У вас должны мы поучиться.

В своей записке вы просили
Подробней обо всем писать.
Всё то, что мы не позабыли,
Мы постараемся сказать.

Начнем с того, что в перемены
Мы веселы, как никогда,
И нет из классов нашей смены
Задорней нашего «полка».

Ещё прибавим мимоходом,
Что наш порадовало класс
Признанье вашего народа,
Что вы мечтаете о нас.

Быть может, вы не так поняты,
И самомненья много в нас,
Но знайте, что и вы, ребята,
Владельцы наших дум подчас.

И мы, бывает, иногда
О вас всем классом вспоминаем.
Но дело в том, что мы пока
Немногих в вашем классе знаем.

Сие почтенное знакомство
Мы все желаем закрепить:
Кино совместным культпоходом
Мы предлагаем посетить.

Но знайте, что не можем часто
Мы все по Энгельса гулять.
И просим, может и напрасно,
Как можно реже посещать
Соседку – школу 45.

Нам напишите ваше мненье
Об этом нашем предложеньи.
Хотим, чтоб снова ваш поэт
Прислал нам что-нибудь в ответ.

9 класс «Б» школы № 37.
25.01.1949.

9 классу «Б» школы № 37

Приветствуем тебя, счастливый уголок,
Где нет спокойствия, трудов и нет ученья.
Прими от нас слов благодарности поток
За подаренное тобою вдохновенье.

Вы пишете, что незнакомы
Друг с другом многие из нас.
Поверьте, тут потребны томы,
Чтоб точно описать наш класс.

Но всё же мы с трудом берёмся
Блестящих дать портретов ряд.
Теперь урок… Мы оглянёмся
На лица и начнем подряд.

Далее шли полтора десятка эпиграмм на учеников нашего класса. Все они приведены в настоящей повести.

Кончаем выставку портретов.
Их ряд, конечно, очень тесен.
Всегда мы ждем от вас ответа.
Своё письмо кончаем песней:

«Ждём мы от вас посланья,
Ждём мы от вас ответа.
Пускай же не будет молчанья.
Счастливо, друзья, с приветом!»

9 класс «Б» школы № 39
26.01.1949

P.S.
Быть может, прочитавши строки наши,
И вы таких же целый ряд портретов
Пришлёте нам в посланьи вашем.
Мы будем благодарны вам за это.

9 классу «Б» школы № 39

Здравствуйте, товарищи!
Ученье начинается,
Головки начиняются
Знаньями сполна.
На первой переменочке
Записочка читается,
Ответная записочка
От вас, от вас, друзья!
Довольны мы записочкой.
В ответ мы посылаем вам
Такую же записочку,
И в ней все имена:

Таня Алдукова
Алдукова вам знакома –
Это наш конферансье,
Поэтесса и актриса,
Девочка эмансипе.

Валера Воробьёва
Кто подсказывает смело
На контрольной математике?
Ну, конечно, то Валера.
И ещё она у нас
В баскетболе первый ас.

Лена Ганзий
Знаменитый математик
Ганзий Леночка у нас.

И биолог, и историк,
И художничек подчас.

Майя Клюшина
В третьем ряду, у окна
Сидит Майечка одна.
Это главный наш поэт.
Вам знаком её портрет.

Зина Вселюбская
А вот балерина,
Вселюбская Зина.
Играет и пляшет она на все сто.
Старается Зина
По всем дисциплинам,
Но математика не для неё.

Лиля Колодяжная
Лиля Колодяжная –
Немножко саботажная
(Учителям беда!).
Она хоть говорливая,
Но в общем очень милая.

Алла Кацевич
У Аллы Кацевич большие таланты,
И часто завидуют ей музыканты.
Отличница Алла, и девочка эта
Почётный член школьного комитета.

Она умеет злить, как беса,
Молодца-чертёжника.
В ней есть таланты поэтессы
И даже часть художника.

Ленина Перлинер
Перлинер Ленина
У нас балерина,
Певица и знатный спортсмен.

Ира Пиунова
Наша Ира весела и хороша,
Всем улыбку свою нежную дарит.
Любит танцы – от души душа,
Книги и литературу чтит.

Лена Шильникова
Кто сидит за первой партой,
Всех рисуя и чертя,
Не интересуясь картой?
Лена – скромное дитя.

Аня Петросова
Кто самый независимый
Из всех девчонок в классе?
Ну, разве вы не знаете?
Конечно, Аня наша.

Ина Сальникова
Ина у нас и Рина Зелёная,
Ина у нас и Аршин Мал-Алан.
Ина – поэт,
Но этот поэт
Первым несётся всегда в буфет.

Тамара Шаромова
Урок литературы.
Ах, прелесть, не урок!
У Томочки Шаромовой
Прелестный голосок.
Весь класс, как заколдованный,
Учитель очарованный
Ждут новых умных слов.
И все приходят к выводу,
Что всё, что Пушкин выдумал,
Ничто пред красноречием,
Ничто пред вдохновением
Любимой нашей Томочки,
Перед умом её!

Трофименко Валя,
Полушкина Галя,
Швецова, Данилова, Кочергина –
Девочек наших
В школе нет краше,
Хоть наша школа – член «полка».

Все танцуем мы на 5,
Учимся почти на 5.
И в талантах в нашем классе
Недостатка не видать.

Итак, до свиданья.
Ждём ответа
От вашего замечательного поэта.

9 класс «Б» школы № 37
28.01.1949

9 классу «Б» школы № 37

Коллективный труд ваш прочитали.
Лучше написать поэт ваш мог.

Нас сегодня очень опечалил
Ваш немного неудачный слог.

Где же прежний ваш поэт?
Иль у вас поэтов нет?

Не сердитесь на наш класс,
Нашу критику простите,
Ведь желаем мы для вас
Всё, что вы ни захотите.

Пусть воспрянет ваш поэт
И создаст произведенье,
Чтобы мог сказать весь свет:
– Превосходное творенье!

Сегодня предлагаем вам
На вас ряд наших эпиграмм.
Вы нас, конечно, извините,
Скорей в ответе напишите,
Что знаете вы все о нас,
Что ваш подметил зоркий глаз.
Бесспорно, будет интересно
Заняться критикой совместной.
В записке этой отмечаем
Всё, что о вашем классе знаем.

Алдукова Таня
Пой, ласточка, пой!
Жизни не нужно другой.
Песни твои хороши.
Пой и побольше пляши.

Петросова Аня
Хоть в жестах не знаешь ты меры,
Но надо ещё ли примера,
Чтобы могли все сказать:
– Девочка – парню подстать!

Кацевич Алла
Не станем мы её касаться:
Остёр язык – начнет кусаться.

Тащилова Лиля
Талантов в ней не счесть,
В ней целый их вагон.
Бесспорно, это – честь
Для Лили Тащилсон.

Клыкова Света
Света – волейболист.
Этот игрок горяч.

На поле крик: «Ложись!»,
Когда она тушит мяч.

Пиунова Ира
Это имя нам знакомо,
Все мы знаем Пиунову.
Пожелаем ей сейчас
Знать поближе весь наш класс.

Колодяжная Лиля
Нет человека Лили веселей.
В урок она особенно шумна.
Но лучше было бы для всех учителей,
Когда была бы она более скромна.

Вселюбская Зина
На свете нет подобных балерин.
Вселюбская – милейшая из Зин!
И губы её красны, как кармин.
(Пускай в учёбе ею не владеет сплин).

Клюшина Майя.
Не станем ей писать сонет –
Она сама почти поэт.
И подтвердит весь белый свет,
Что недостатков в Майе нет.

Шаромова Тамара
Везде меж нами говорят
О скромности о Томовой.
И нет подобных ей девчат,
Хоть покати ШАРОМовой.

Прочитали вы сейчас
То, что знаем мы о вас.
И в минуту мы вот в эту
Показали вам портреты
Всех девчат, знакомых нам.
Это не смутит вас там?
Кой о чём мы умолчали,
Чтобы не было печали.

Писать кончает наш поэт,
И на письмо мы ждём ответ.
Дай бог вам жизни много лет!
9-й «Б» вам шлёт привет!

P.S.
Собирались мы давно
С вами посетить кино.
Если нету возраженья,
Вот вам наш проект решения:
Предлагаем день любой,

День – на ваше усмотренье.
Лучше, если б меж собой
Мы сошлись на воскресеньи.
Познакомимся мы там,
И тогда всем станет ясно,
Что записки к вам и нам
Посылались не напрасно.

29.01.1949.

На этом переписка прервалась. Уж не обиделась ли автор девичьих писем на нашу критику?

Дело о платке

Был в нашей школьной жизни эпизод, который не хотелось бы вспоминать. Но из песни слова не выбросишь…

18 ноября 1949 г. класс был взбудоражен потрясшей всех вестью: на рынке за продажей краденого платка задержаны Ермаков, Киселёв, Певзнер, Фомичёв и Уланов.

Женька Уланов *стащил* в учительской платок практикантки и рассказал об этом ребятам. *Без царя в голове*, он сделал это из озорства. Ребятам бы надавать ему по шее и отправить положить платок на место. Но Владилену Киселёву пришла в голову другая идея: продать платок на *толчке*. Павку брать не хотели, но он сам навязался, за компанию. Все отнеслись к этому, как к весёлому приключению.

А ведь меня они с собой не позвали! Потому что точно знали: не пойду. И не просто не пойду, а буду их отговаривать. Возмущаться: а о той практикантке, кому принадлежит этот платок, вы подумали?! Наверняка он у неё единственный, и для неё его потеря – тяжёлый удар. Положите его на место, пока в школе шум не подняли! Для ребят это была шалость, приключение, о последствиях которого они даже не думали.

Урок на всю оставшуюся жизнь. Детство закончилось, ребята. Шалости остались позади. За каждый проступок приходится отвечать по-взрослому.

Едва зашли на рынок, как Женьку с платком *замели*. Мальчишка, продающий женский платок, не мог не вызвать подозрений. Ребята стояли в стороне, их не заметили. В милиции Женька быстро *раскололся*. К вечеру всех забрали в милицию.

Разбирательство шло весь вечер, ночь и утро. Вызвали родителей, директора школы Кузикова, завуча Шелепину. Родители плакали. Мать Фомичёва падала в обморок. Таисия Андреевна

Уланова не в состоянии была вести уроки. У Полины Захаровны ночью случился сердечный приступ. Переживали ужасно.

Дело квалифицировали как воровство шайкой. Грозило 8-10 лет тюрьмы. Однако уголовное дело возбуждать не стали. Решили, что на первый раз достаточно как следует припугнуть.

В 11 ч. утра ребят отпустили, предупредив, что теперь за ними будут следить. Поставили два условия:

- Чтобы не собирались вместе.
- Чтобы никогда за ними не замечалось больше ничего плохого, даже просто плохого поведения в школе или на улице.

Владилен сказал нам:

– Теперь я буду в школе тише воды.

Но педсовет школы в тот же день принял решение об исключении из школы Киселёва и Уланова. Киселёва считали организатором и вдохновителем этого дела.

Дело передали в комсомольскую организацию. Ребятам грозило исключение из комсомола.

Я был совершенно потрясён. Ведь это мои близкие товарищи! Как они могли?!

Классное собрание было бурным. Очень резко выступали Бабаев и Елизаров. Вопрос поставили шире: как такое могло случиться? Досталось и школьной администрации, особенно бывшему директору Галилову за его формалистическое и неуважительное отношение к ученикам. На мелкие проступки учеников смотрели сквозь пальцы, ограничиваясь одними разговорами. Вот они и считали, что всё сойдет с рук. Начинали с шалостей, закончили преступлением.

На ребят стали *вешать всех собак*. Говорили, что Женька Уланов и Владька Киселёв замешаны в краже денег у какой-то учительницы, а все пятеро – в воровстве книг из библиотеки. В это мы поверить не могли.

После уроков ко мне подошли девочки – Лиля Тащилова, Лиля Колодяжная и Света Клыкова. Очень расстроенные, они расспросили о ребятах. Лиля Тащилова считала исключение их из комсомола вполне возможным и просила меня выступить на комсомольском собрании, чтобы попытаться отвести исключение. Да я и сам так считал. Ребята оступились, заслужили наказания, но нельзя было дать им погибнуть.

На заседании комитета комсомола присутствовал с совещательным голосом Миша Бабаев. К тому времени он как десяти-

классник уже сложил свои полномочия секретаря. Он говорил о том, что ребят нужно вернуть на истинный путь. Что перевоспитать их должны мы, наша комсомольская организация. Перевоспитать, а не исключать. Но фактически всё решал не комитет, а администрация школы. Присутствовали Пётр Спиридонович, Евгения Андреевна и Ираида Михайловна. Решающее слово было за Евгенией Андреевной. По формуле «царь указал, а бояре приговорили»: Певзнеру и Фомичёву – строгий выговор с занесением в личное дело, поставить вопрос перед комсомольским собранием об исключении Киселёва и Ермакова из комсомола. Уланов комсомольцем не был.

24 ноября кипели страсти на школьном комсомольском собрании. Мнения разделились. Елизаров предложил исключить из комсомола всех четверых.

– Какие руководители выйдут из них в жизни?!

От 10-го «А» его поддержали Гайдук и Нечаев. Борщевский и Дурач выступили против решения классного комсомольского собрания. Всю вину за содеянное они валили на Ермакова и Певзнера и выгораживали Киселёва. Решение классного собрания отстаивал комсорг Маслёнков.

Старший пионервожатый Милев ответил Елизарову:

– Мы должны оставить их в комсомоле, чтобы сделать из них полноценных руководителей.

Представитель райкома комсомола Нина Захаровна Блехер выступала очень резко, но сочла возможным Ермакова, Певзнера и Фомичёва в комсомоле оставить. Выступал даже секретарь партийной организации 2-го отделения милиции. Оказывается, у них было по этому поводу партсобрание, и оно посчитало возможным оставить Ермакова, Певзнера и Фомичёва в комсомоле.

Решением собрания Владилен Киселёв как вдохновитель дела был исключён из комсомола. Ермакову объявлен строгий выговор с последним предупреждением, Певзнеру – строгий выговор, Фомичёву – выговор без занесения в личное дело.

Я голосовал за исключение Киселёва. Делал это искренне, с юношеским максимализмом. Да, мальчишками мы с ним дружили. Потом отдалились друг от друга, к 10-му классу у нас осталось мало общих интересов. Киселёв виделся мне человеком достаточно серьёзным. Это – не Женька Уланов. Раз он организовал этот поход на рынок, значит, он стал *чужим*, и я не имею права защищать его только во имя нашей прежней дружбы. К тому же

в той ситуации защита Киселёва могла обернуться против Ермака. Юрка оступился, но он был *свой*, в нём я был уверен.

Был ли я прав? В последующие годы я не раз размышлял над этим. Конечно, не был Владька пропащим человеком. Только наша школа и мы сами могли наиболее эффективно повлиять на него. Надо было протянуть ему руку и оставить его рядом с собой. Но в силах ли мы были это сделать? Думаю, нет. Время было такое. Вряд ли обо всём этом не думали наши учителя, когда исключали из школы Уланова и Киселёва. Но тогда, в 49-м, другого решения они принять просто не могли. Последствия были бы вполне предсказуемы. И не стоит их осуждать с позиций представлений сегодняшнего дня.

Дело о платке стало для нас суровым уроком.

Буквально через 2 недели в 9 классе «Б» загремело «*дело о чекистах*». Два ученика, Кривобоков и Штерн, попались при попытке реализовать в магазине поддельный чек. Они заплатили в кассе 9 рублей, а дома припечатали 6, получилось 69. В милиции они сознались, что подделкой чеков занимаются уже не в первый раз.

Вспомнили и о недавнем деле бывшего ученика 9 класса нашей школы Кравцове, которого судили и приговорили к 5 годам за растление малолетних мальчиков и подозревали в изнасиловании 14-летней девочки.

Мы были в ужасе: прославилась школа!

Но только ли в школе было дело? Школа – часть общества. И если общество заражено криминалом, чего же тогда ждать от школы?

Я ничего не знаю о судьбе Владилена Киселёва. Очень хотелось бы надеяться, что он выстоял. Все остальные фигуранты *дела о платке* прожили достойные жизни. Школе не должно быть стыдно за них. А Юрий Ермаков, которого когда-то ставили в пример как лучшего пионера района, а потом едва не исключили из комсомола, прожил такую жизнь, что школа вправе гордиться таким выпускником. Несмотря на тот прискорбный эпизод.

Трудный класс

Хорошей дисциплиной наш класс никогда не отличался. Но что вытворяли в 10 классе – уму непостижимо! Такое впечатление, что решили *накуролесить* на всю оставшуюся жизнь.

Из дневника.

14 сентября 1949 г. Хотели всем классом удрать с урока логики. Ребята даже побросали через окно, во двор несколько портфелей, в том числе и мой – я уходить не хотел. Но помешала Ираида. Пришлось бегать за портфелями.

16 сентября 1949 г. Ребята хотели устроить коллективный уход с уроков. Фомичёв и Уланов даже устроили сбор подписей: кто собирается уходить, а кто нет. Всё это совершенно бесцельно, из спортивного интереса. Мы были против. Уже имеем в этом деле опыт наших предшественников, когда в позапрошлом году ушёл с уроков 10 класс. Всем, без исключения, снизили оценки за поведение, многим комсомольцам вынесли выговоры. Побег не состоялся: с нами было 12 человек, и им пришлось идти в класс.

26 сентября 1949 г. У Павки Певзнера в туалете произошло столкновение с мальчишкой из 7 класса. Он грубо с ним обошёлся, толкнул, а Павка в ответ съездил его по морде. Тот позвал своих, и Певзнеру досталось: ему разбили лицо, поломали часы. На следующей перемене наши ребята пошли к 7-му классу. Семиклассники вели себя вызывающе. Раздавались крики:

– Погодите, мы вас по одному переловим!

Ребята вытащили из класса нескольких крикунов и посчитали им рёбра.

Дело дошло до директора. К нему вызвали нескольких наших ребят, а пошёл весь класс. Затем нас отослали на урок, а в кабинете директора шло разбирательство инцидента.

После уроков устроили экстренное собрание. Вопрос был поставлен ребром: считает ли класс допустимым самим выяснять с 7-м классом вопрос об избиении Певзнера или же нужно было обратиться к администрации? После 60-минутного спора с Ираидой Михайловной и Анатолием Степановичем мы настояли на своём: поступили правильно. Своих товарищей будем защищать сами, а не ябедничать директору.

28 сентября 1949 г. На последнем уроке, на логике, ребята устроили настоящий тарарам. Летали портфели, фуражки, книги, тетради, штукатурка, шарики бумаги. Просто какое-то буйство. Урок сорвали.

29 сентября 1949 г. Новый инцидент. По расписанию 5 уроков: 1) астрономия, 2) алгебра, 3) химия, 4) физкультура и 5) физика. Но 1-й, 4-й и 5-й уроки оказались свободными: Анатолий Петрович заболел, а наш физрук в Москве на соревнованиях.

Вместо астрономии Ираида Михайловна устроила диктант, 2-й и 3-й прошли нормально. После 2-го урока 10-й «А» ушёл домой. Пётр Спиридонович обещал отпустить нас после 3-го урока. Дружно собираем портфели, спускаемся по лестнице к выходу. Навстречу Стасюк.

– Куда?! Марш в класс! Сейчас будет урок истории.

– Так ведь нас отпустили, урока не будет.

– А я говорю: будет! Я проведу!

– Да ну, Анатолий Степанович, мы ведь уже ушли.

– Всем вернуться! Я действую по распоряжению директора.

Пошли за директором, но его на месте нет.

– Всё равно я вас из школы не выпущу! После урока я вас отпущу, иначе 3 часа мариновать буду!

Чтобы с нами так разговаривали! Ладно, будем здесь стоять. Искали другой выход из школы, но все двери оказались запертыми.

По лестнице к выходу организованно, парами спускаются первоклашки, ведомые молодой учительницей.

– Ребята! Нас не выпускают, и мы тогда никого не выпустим!

У стен поставили два стула и сели друг другу на колени, образовав живой заслон. Стасюк уже не знает, что ему предпринять. Понял: нашла коса на камень,нас уже не вернуть.

Первоклашки дошли до живого заслона и остановились. С интересом смотрят на забавы взрослых парней. Учительница замерла в растерянности. С тревогой глядят на нас мамы и бабушки, собравшиеся перед школой. Прошло несколько томительных минут.

– Ладно, ребята! Жалко детишек. Их-то за что? Пропустим.

Живой заслон распался.

Тихий голос учительницы:

– Спасибо, мальчики.

Просидели под дверью до конца 5-го урока. Упрямцы!

30 сентября 1949 г. По инерции едва не откололи новый номер. На 1-м уроке вместо физики был немецкий, 6-й – снова немецкий. Подняли крик – идти не хотели. На перемене устроили в зале танцы. Когда прозвенел звонок, пришла англичанка гнать всех в классы. Всех повыгоняла, а наши деточки уселись на стулья у стенки и сидят. Англичанка прогнала крайнего, а он уселся на другой край. Прогнала второго – тот туда же. Когда на втором краю мест не оказалось – пересели к противоположной стенке. Беззлобно позабавились и… пошли на урок.

18 октября 1949 г. После 4-го урока ходили в туберкулёзный диспансер на рентген. 1,5 часа ждали, чтобы 3 минуты осматривали. Зато уж нашкодили… Устроили шум, крик, поломали два стула. Несколько раз сбегались врачи, да разве наших остановишь!

19 октября 1949 г. Сегодня была политминутка в полном смысле слова. Ираида отсутствовала, а Миша Бабаев пытался сделать доклад. Но ребята начали кидаться портфелями, и все попытки их остановить успехом не увенчались. Мишка в сердцах написал мелом на доске: «Всё!!!» и сказал:

– Пошли домой!

Дорогой он напевал:

– Я помню чудное политмгновенье…

29 октября 1949 г. На перемене кто-то запер дверь в наш класс. Запертыми оказались Ираида Михайловна и человек 7 ребят. Едва мы с Павкой подошли к двери, пришли Евгения Андреевна и инспектор ГорОНО, который шёл к нам, на урок тригонометрии. Стоя у двери, я услышал, как Бабаев пытается открыть её своими ключами. Я тоже

вынул свои ключи. Это увидела Евгения Андреевна и отобрала их у меня. Подумала, что это моя работа.

На классном собрании пытались выяснить, кто запер дверь. Конечно, никто не признался. Ираида Михайловна не поверила в то, что это – я. Передав мне ключи, демонстративно потребовала, чтобы я закрыл ими дверь. Естественно, ничего не вышло.

В этом эпизоде – вся Евгения Андреевна Шелепина. Миша Бабаев, как это юристы квалифицируют? *Презумпция виновности?* Я был *правильным* учеником, даже *чересчур правильным*. Никаких серьёзных прегрешений за мной не числилось, и Евгения Андреевна отлично об этом знала. Какие основания у неё были так поступать?

Из дневника.

11 января 1950 г. Наши умники сорвали первый же урок третьей четверти. Собралась "тёплая" компания – Старовойтов, Архипов, Дурач и Фомичёв. Разговаривали, орали, топали ногами и не дали даже начать урок. Едва не довели Ольгу Ксенофонтьевну до слёз.

12 января 1950 г. Вчера по радио передали: при температуре –25° и ниже занятия в 1-7 классах отменяются. Ночью мороз достиг 30°. В школу пришли почти все. Помещение плохо отапливается, очень холодно. Вешалку закрыли, никто не раздевался. В школе пусто и непривычно. Одна из учительниц младших классов сказала нам, что учителя надеялись нас не застать. Раз так, то и уйти не поздно. Недолго думая, оставили школу пустой. Ходили в кино, на новый венгерский фильм «Огонь».

25 января 1950 г. Мой приход в класс после гриппа ознаменовался срывом урока по военному делу. В классе было выбито стекло, его забили только на первой перемене. Все сидели в пальто, а в ряду, примыкающему к окнам, не сидел никто. И вдруг в средней парте этого ряда загорелась бумага. Повалил густой дым. В классе поднялся гвалт. Дурач перчатками вытащил горящую бумагу и потушил её. Военрук, собрав свои автоматы, ушёл из класса. Вскоре появился директор.

– Выкуриваете, как клопов?

Никого не ругал, только к каждому обратился с одним и тем же вопросом:

– Вы это сделали?

Все дали отрицательный ответ.

Военрука вернули. Обозлённый, он наставил двоек.

6 февраля 1950 г. Как это ни печально, но я вынужден констатировать, что наш класс разваливается. Появились тяжёлые признаки развала: наплевательское отношение друг к другу, к школьному имуществу, к преподавателям. Доставляет удовольствие сделать какую-нибудь пакость. Швыряют по классу книги, тетради, портфели. Почти каждый день ломают стул, стол или парту, отбивают штукатурку в стенах, бьют лампочки, на переменах переворачивают парты. Всё это с какой-то детской лёгкостью и весёлостью. Заправилы буйства – Дурач, Старовойтов, Архипов, Фомичёв, Черкасов. Иногда сходит с ума Юрка Ермаков.

8 февраля 1950 г. На свободном уроке (не было немецкого) устроили тарарам: перевернули парты, доску, швырялись мелом и кусками штукатурки. Потом, увидев, что натворили, стали убирать: притащили швабру и веник, подмели и даже побрызгали пол водой, чтобы было меньше пыли. На входной двери написали мелом: «Класс закрыт на переучёт. Уборка», «Посторонним вход воспрещён» и «Не кантовать!». Кто-то сострил:

– Собакам и учителям вход воспрещён!

Затем устроили джаз, как в «Весёлых ребятах», да ещё с танцами. И вдруг истошный вопль:

– Ираида!

Вмиг все расселись по местам. Последовала обычная мораль, которую слышали уже так много раз, что абсолютно никак на неё не реагировали.

Весной завуч Евгения Андреевна распорядилась: все учащиеся должны приходить в школу не позднее, чем за 20 минут до начала первого урока. Потом дверь в школу будет закрыта. В 7.40 уже в школе?! Ну, вот ещё! Мы привыкли приходить за 5-10 минут. Около 8 двери обычно открывали вновь, и мы проходили в класс.

Возможно, у Шелепиной были какие-то резоны для нового требования. Ну, приди в класс, объясни, прояви элементарное уважение к уже взрослым ученикам. Не было бы никакого конфликта. Но она не привыкла что-либо объяснять. Приказ слышали? Выполняйте!

В тот день, 15 марта, я пришёл в школу, как обычно, в 7.50. Дверь была закрыта, на крыльце стояла половина класса. Решили немножко пройтись, а к 8 часам вернуться. Человек 8 вышли на Энгельса, около кинотеатра увидели целую группу наших ребят. Они и соблазнили нас идти смотреть «Хлеб наш насущный». Так мы, 15 человек, во главе с Бабаевым, Елизаровым, Миллером и Дурачем, вместо школы отправились в кино.

Собирались вернуться к 4-му уроку. Но стояла чудесная весенняя погода. Солнце, сухо, 8° в тени. И мы отправились в горсад. Дурач и Дорофеев сбегали в магазин, купили две буханки хлеба и пачку соли. Весь хлеб съели.

Городской сад имени Горького – любимое место отдыха ростовчан. Самый центр города, и от нашей школы недалеко. Сколько раз мы гуляли в этом саду! Вот и сейчас прогульщиков *потянуло* именно туда. Но в этот день такой шумной ватаге в саду *не гулялось*. Всё-таки сад располагал к спокойной прогулке вдвоём с товарищем или подругой, был местом, где можно *собраться с мыслями*, что-то обдумать в одиночестве. И *ватага* двинулась на Ворошиловский проспект.

Сайт http://pasha-sevkav.ru/2009/03/staryj-rostov/

На Ворошиловском сошёл с рельсов трамвай. Вроде бы всё цело, даже стёкла не тронуты. Но, удивительно, трамвай сошёл прямо против бани.

– Трамвай в баню пошёл, – сострил кто-то.

– Не знаю, как насчет трамвая, но нам завтра баня обеспечена, – мрачно бросил Елизаров.

Как в воду глядел! Слишком много всего натворил наш класс за год, чтобы коллективный уход с уроков, включая лучших учеников, мог сойти с рук. Пришлось вести в школу маму и иметь очень неприятный разговор с Евгенией Андреевной. Я был очень зол на неё за этот разговор. Да, конечно, мы были не правы: уходить с уроков не следовало. Но на каждое моё слово она отвечала:

– Ты лжёшь!

Я лгу, что дверь была закрыта. Я лгу, что раньше её не закрывали. Я лгу, что около 8 часов её обычно открывали опять. Я лгу, что мы не имели изначального намерения прогуливать.

− Евгения Андреевна, если Вы считаете, что я умею только лгать, зачем тогда меня спрашиваете?

И уж совсем меня возмутили её слова о моей якобы причастности к делу о платке. Еле сдержался, чтобы не высказаться в её адрес.

Мама долго меня потом успокаивала. Конечно, она была права: осталось так немного, и следовало потерпеть.

Оргвыводы не последовали. Шелепина тоже не была заинтересована в том, чтобы раздувать скандал.

Но в школу нас теперь впускали. Поступила команда: 10-й класс пропускать! Кто их знает, этих упрямых мальчишек: а вдруг ещё что-нибудь *выкинут*?

Из дневника. 4 апреля 1950 г. Вчера Старовойтов, Архипов, Фомичёв и К° сорвали урок истории. Устроили джаз, и Ольга Ксенофонтьевна ушла из класса. Эта троица вместе с комсомольским бюро класса была вызвана к директору, где они имели крупный разговор.

Сегодня Ольга Ксенофонтьевна на урок не пришла. Вместо него было классное собрание. Меня возмутило заявление Старовойтова, что ничего особенного не произошло, что шумел весь класс и вообще О.К. сама виновата. Конечно, не нужно было ей терпеть хулиганские выходки. На её месте я бы просто выгнал этих *гавриков* из класса и не пускал бы на свои уроки. Сразу бы утихомирились. А теперь натворили и прикидываются овечками. Мол, весь класс виноват.

Когда Ираида объявила, что этим троим и Дорофееву снизили оценки за поведение в 3-й четверти, они и вовсе распоясались. Архипов грубил Ираиде. А Старовойтов паясничал. Почему, дескать, Страдомский, проболевший всю четверть, мог по болезни пропускать уроки, а ему, здоровому, пропускать их не дозволено? Хотел демонстративно уйти с собрания, но ребята силой усадили его на место. Закончил тем, что стал *представлять*, как Страдомский якобы умоляет о чём-то Ираиду. Стал на колени, сделал красивый жест и театрально произнёс:

– Ираида Михайловна! Дорогая!

Это в её присутствии!

Чертовски хотелось просто дать ему в морду.

Отпетые хулиганы, из которых ничего путного в жизни не выйдет? Да нет, не надо из них преступников делать. Расшалившиеся мальчишки, которым явно не хватало твёрдой мужской руки, которая постоянно держала бы их *в рамках дозволенного*. Это сейчас я отчётливо понимаю: школа жила не в безвоздушном пространстве. Недавняя страшная война не только разрушила наш родной город, не только унесла жизни многих, но и *опалила* души выживших. Пройдут годы, и окажется, что все эти ребята *выстояли* и прожили достойные жизни.

Финиш

Время неумолимо приближалось к экзаменам.

Моей целью в решающем 10-м классе была медаль. Неважно, какая, золотая или серебряная, но – медаль. Любая медаль давала право на поступление в вуз без вступительных экзаменов. Золотая медаль – это все пятёрки в аттестате. Серебряная – не более 3-х

четверок, но в их числе не должно быть литературы. Четвёрка по литературе допускалась лишь как единственная.

Из дневника. 13 мая 1950 г. Сегодня последний раз в жизни был на школьном уроке. Собственно, официально занятия продолжаются до 18 мая. Но Ираида Михайловна развязала нам руки: «Поступайте, как знаете». Всё-таки как-то странно: 10 лет ходил в школу – и всё!

20 мая 1950 года в торжественной обстановке мы писали выпускное сочинение.

Нам предложили три темы:

- Образ молодого человека Сталинской эпохи в советской литературе.
- Пореформенная Русь в изображении Некрасова (поэма «Кому на Руси жить хорошо»).
- «Нас ведёт к победе светлый Сталин,
  Вокруг него сплотился весь народ» (Джамбул).

Самое интересное, что первые две темы я угадал. Вторую при подготовке я формулировал так: «Русский народ в поэзии Некрасова». Впрочем, и третью тему можно было предвидеть – не прошло и полугода с тех пор, как вся страна отмечала 70-летие Сталина.

Конечно, я выбрал первую тему. Именно её я готовил накануне экзамена: обдумал план сочинения, всё у меня было уже в голове. Поэтому писал легко и быстро. Но 5 часов – очень мало. Написал 8 листов и еле успел переписать набело, хотя и развил умопомрачительную скорость. Завершил собственным стихотворением:

Ровеснику

Тебе всего 17 лет,
Жизнь твоя ещё вся впереди.
Ты хранишь комсомольский билет
На горячей и смелой груди.

Ты ещё не забыл те года,
Когда ты ещё маленьким был,
Когда немец топтал города
И твой жизненный путь своротил.

Может быть, был на фронте отец
Или брат твой на фронте был.
Как винтовку сжимал боец,
Ты, конечно, ещё не забыл.

И, наверно, тогда ты мечтал
Александром Матросовым быть,

Чтобы вождь о тебе услыхал
И страна не могла бы забыть.

Быть героем и подвиг свершить!
Кто не думал об этом из нас!
Сделать так, чтоб Москву защитить,
Чтоб очистить от немцев Кавказ!

Жизнь твоя ещё вся впереди,
Много трудностей, много побед.
В них поможет тебе на пути
Твой маяк – комсомольский билет.

И по жизни ты смело иди!
Там, где трудно, ты песню запой,
Будет грустно, но ты не грусти,
Будет трудно – назад не смотри,
Будь таким, как Олег Кошевой!

Мы стояли стайкой перед зданием школы в ожидании результатов экзамена, когда к нам вышла Таисия Михайловна, молодая *литераторша*, которая была на экзамене ассистенткой. Первым делом она спросила:

– Среди вас есть Файн?

Меня она не знала.

– Я. А что такое?

– У вас сочинение хорошее. Очень хорошее. Оригинальное.

Когда пришла Ираида Михайловна, она добавила:

– А я здесь не удержалась – сказала комплимент Файну.

– Что ж, у него сочинение хорошее. Ошибок нет, содержание хорошее. Только вот есть один недочёт…

– Какой недочёт?

Ираида Михайловна промолчала.

Ну, вот! Начали за здравие, а закончили за упокой!

Ребята из 10-го «А» рассказали мне, что Евгения Андреевна охарактеризовала моё сочинение как лучшее на оба класса.

На устном экзамене по литературе вторая ассистентка, Анна Демьяновна, тоже спросила:

– Кто из вас Файн?

Всё это обнадёживало. Но этот таинственный недочёт долго держал меня в напряжении. Даже на выпускном вечере ничего не было известно. Аттестаты вручали всем, кроме потенциальных медалистов. И уже потом мне рассказали, что моё сочинение было признано одним из лучших в городе. Восторженное сочинение *идеологически правильного* юноши, к тому же без ошибок написанное.

А таинственный недочёт состоял, оказывается, вот в чём. Переписывая сочинение с максимально возможной скоростью,

я с разбега поставил где-то ненужный мягкий знак и тут же его зачеркнул. Ираида написала на полях: «Описка. В черновике правильно». И всё же за него опасалась.

Устную литературу я совсем не боялся. Был полностью уверен в себе. На экзамене был, что называется, *в ударе*: отвечал так, что даже самому понравилось. В качестве последнего вопроса билет предписывал прочитать наизусть письмо Татьяны Онегину.

– Это нам только что Гольдман читал. А другой отрывок можете прочитать?

Я кивнул головой и начал с самого начала: «Мой дядя – самых честных правил…». Пару минут спустя меня прервали. Сидевший *на галёрке* Фомичёв не удержался от комментария:

– Да он всего «Евгения Онегина» наизусть знает!

– Действительно, всего знаете?

– Ну, не всего, конечно, но многое − помню.

Ираида, выйдя в коридор, где мы стояли в ожидании результатов, сказала, указывая на меня:

– Вот кто классически отвечал!

Что ж, похвала всегда приятна.

Задачи по геометрии с применением тригонометрии всегда были трудными. Нас тренировали целый год. И всё равно этого экзамена опасались. Поэтому ребята заранее продумали, кто где сядет. Чтобы на оба варианта было равное количество самых сильных учеников и чтобы слабым можно было помочь.

4 часа, выделенных на экзамен, я собирался распределить так: 1 час на решение задач, 1,5 часа на написание подробнейшего объяснения на черновике, 1,5 часа на переписывание набело и проверку.

Неожиданно задачи оказались заметно сложнее тех, к которым нас готовили. Даже учителя изрядно с ними провозились. Прошёл час, а решения ни у кого не было. Наконец, раздалось радостное:

– Есть!

Учителя кинулись к решившему.

– Не то. Ответ другой.

Но у следующего экзаменуемого получился тот же ответ.

Ещё час ушёл на разбирательство, откуда разные ответы. Оказалось, что заключительные выражения сводились друг к другу. Стали искать, какое из решений рациональней. Нет, учителя нам не помогали. Они только не мешали переговариваться и с тревогой ждали. Нас было трое или четверо, кто участвовал в этом разбирательстве. Остальные ждали. Всё закончилось благополучно.

Конечно, я разнервничался. Времени на тщательное оформление работы не осталось, а ещё надо было кое-кому помочь. Объяснение

я писал в спешке и сразу набело, проверить не успел. Я чувствовал, что оно у меня не блестящее. Уже после экзамена я сам нашёл в нём два недочёта, за которые вполне могли снизить оценку.

За работу поставили 4. За неправильное использование термина «апофема».

Но… результаты обоих письменных работ становились известными лишь после окончания всех экзаменов. Такие были правила игры. Расслабляться было нельзя. Надо было получать пятёрки на каждом экзамене.

Устные экзамены по геометрии и алгебре прошли у меня без проблем. Переживал за Мишу Бабаева, получившего 4 по алгебре.

По химии достался билет, который я знал очень хорошо. Даже досада взяла: знал бы, 3 дня бы гулял!

На экзамене по немецкому языку отвечал пятым по 5-му билету, получил 5.

К физике готовился, как проклятый. 4 дня напряжённейшего труда. На консультации Анатолий Петрович нас припугнул:

– Вообще-то я задавать вопросы особенно не буду, но вот медалистов поспрашиваю…

Вечером последнего дня я валился с ног от усталости. Не успел повторить всего один вопрос – первый вопрос последнего, 34-го билета: Строение ядра атома. Протоны и нейтроны. Расщепление ядра нейтронами. Выделение энергии при ядерном делении. Цепная реакция.

На экзамене только и мечтал о том, чтобы не вытащить 34-й билет.

Вызвали меня предпоследним. Никогда не любил отвечать в конце! Лучше уж в начале, когда голова свежая и не перегорел от волнений.

Подхожу к столу и думаю, какой же взять билет. А у угла стоит Борохов и показывает на самый крайний билет, рядом с ним. Я решил, что он знает, что это за билет, что он лёгкий. Взял его – и аж в глазах помутилось: 34-й! Вот влетел! Это тебе компенсация за химию!

Взял себя в руки и принялся вытаскивать из памяти всё, что знал. Главное – уравнения ядерных реакций.

Ответ прошёл гладко. А потом Анатолий Петрович вдруг решил проверить мои знания о диалектическом материализме и метафизике. Я аж опешил: какая ещё метафизика? В программе этого нет, и мы этого не проходили! С помощью наводящих вопросов Таисии Андреевны, бывшей на экзамене ассистентом, с грехом пополам одолел и это. Но эти вопросы – внеконкурсные.

Своей пятёрке я был очень рад. И рад за товарищей: в нашей смене 7 пятерок и 3 четвёрки. Для физики результат небывалый.

20 июня 1950 года. Последний школьный экзамен – история СССР. Более 60 лет спустя любопытно читать формулировки билета № 36, на который я отвечал:

1. Великая Сталинская Конституция. Победа социализма в СССР. Основные особенности Сталинской Конституции. Всенародные выборы в Верховный Совет СССР. Основные права и обязанности граждан СССР. Морально-политическое единство советского народа. Всемирно-историческое значение Сталинской Конституции.

2. Крымская война. Героическая защита Севастополя. Причины поражения царской России в Крымской войне.

Этот билет я даже не повторял, знал его хорошо. Последняя школьная пятёрка!

Когда все экзамены закончились, и выяснилось, что четвёрка по геометрии – единственная, кое-кто выражал мне соболезнование.

– Это несправедливо: 4 тебе и 4 тем, кто сам решить не смог и у тебя списал!

От меня ждали золотой медали и полагали, что я расстроен.

А я был счастлив! В конце концов, своей цели я добился – могу без экзаменов поступить в университет. А золотая или серебряная – это уже не так важно. По большому счёту, я и не считал себя достойным золотой медали. Их у нас были 2 – Миллер и Елизаров. В точных науках Миллер был на голову выше меня, да и Елизаров учился ровнее. Не помочь тем, кто ждал, чем закончатся наши разбирательства, какое из двух решений рациональнее, я не мог. На обдумывание объяснения к решению задачи у меня времени не осталось. Миллеру и Елизарову времени на всё хватило, мне – нет. В этом «забеге» я не пришёл в числе самых первых. Значит, всё правильно: они «золото» заслужили, а я довольствовался «серебром». А получать единственную четвёрку на экзаменах мне было не привыкать: двух четвёрок я не получал никогда. Вторую серебряную медаль в нашем классе получил Миша Бабаев.

…Много лет спустя я понял, что результат выпускного экзамена по геометрии, в том числе и моя четвёрка, целиком на совести Андрея Никандровича. Его поражение как учителя-предметника. Конечно же, он должен был знать, кто в классе претендует на медаль, кто нацелен на пятёрки по математике. И научить их не подстраиваться под общий средний уровень, а уметь решать задачи повышенной сложности. Я умел учиться и хотел учиться. Учитель допустил ещё один промах – неверно оценил уровень сложности задач, которые могли быть предложены на экзамене. Не мне судить, правильно ли нам предложили задачу *с двойным дном*, которую можно было решать двумя путями. Класс оказался не готовым к тому, чтобы уметь быстро

анализировать, какое из двух возможных решений рациональнее. Конечно, на экзамене каждый обязан самостоятельно справляться с заданием. Но если бы мы не организовали взаимную выручку, класс на этом экзамене ждал бы оглушительный провал. Провал, которого ребята совершенно не заслужили.

За золотую медаль Миллера шёл бой. Вова не успел переписать набело всё сочинение. Многие не успели. У нас – Миллер, Страдомский, Маслёнков. В параллельном классе – Нечаев, Караглуев. Ребята, которые могли бы получить медаль. И я был очень рад за Володю, за его золотую медаль.

2 золотых и 2 серебряных медали на 25 учеников – это был достойный результат.

Из дневника. 24 июня 1950 г. Вчера в последний раз был на вечере отдыха в 37-й школе. Было скучновато и… грустно. Потом пришли Лиля Тащилова, Лиля Колодяжная, Света Клыкова и другие девочки из их класса, и я разговорился с ними. Танцевал мало, больше разговаривал с Лилей Тащиловой. Сколько в ней внутренней, душевной красоты! У меня с ней во многом общие интересы, и мы с ней вчера проговорили часа два. Она тоже поступает на химфак. После вечера пошли немного пройтись – обе Лили и я.

К выпускному вечеру мы готовились заранее. Сфотографировались на память. Нашли шефов, которые помогли материально. Помню: Бабаев вернулся от шефов и трясётся от хохота.

– Ребята, знаете, какие фамилии у руководителей шефов? Бублик, Мельник и Коржик!

На выпускной вечер каждый мог придти со своей подругой. Собирали деньги – за себя и за подругу. Придти вдвоём – всячески поощрялось. У меня было много знакомых девочек, но такой, одной, подруги – не было. Я колебался, но ребята и учителя меня уговорили. Я пригласил Лилю Тащилову. И не пожалел об этом.

Из дневника. 30 июня 1950 г. Вчерашний выпускной вечер получился неплохим. Конечно, торжественный акт начался не в 8, а в 9 часов. Мы бродили по школе – прощались с ней. Потом гостей пригласили в зал, и нас ввели туда под общие аплодисменты. Далее, как и полагалось: выступления Петра Спиридоновича и Евгении Андреевны, приказ по школе, вручение книг медалистам (мне вручили «Сыновья» Смирнова), вручение аттестатов зрелости выпускникам, выступления классных руководителей, ответное слово учащихся. От выпускников коллективу учителей был вручён большой портрет Сталина, а каждому преподавателю – приветственный адрес и букет цветов.

Кто-то, кажется, Борщевский, преподнёс Ираиде Михайловне её портрет. Весь вечер она буквально молилась на портрет, никого даже близко к нему не подпускала. А наши ребята не удержались от последней

шутки: *заговорили зубы* Ираиде и *спёрли* портрет. Она огорчённо его искала. Вернули, конечно. Все расчувствовались. Даже Андрей Никандрович, до чего уж сухой человек, впервые назвал меня по имени.

После торжественного акта – первый ужин. Салат, колбаса, сыр, 3 или 4 вида пирогов, стакан вина и ситро. Пьяным никто не был, но все стали на редкость весёлыми. Танцы и игры шли вовсю. Танцевать, правда, было трудновато – от вина немного заплетались ноги.

Около 4 часов утра – второй ужин (или завтрак?). Когда совсем расцвело, начали философствовать: рассвет нового этапа жизни! Всей оравой отправились на набережную. Человек 12 ребят начали купаться. Ныряли в воду прямо с набережной.

Набережная Дона. В наше время здесь не было так красиво

Как хорошо мне было на том вечере! Учителя стали какими-то совсем своими: шутили, смеялись. Кажется, именно тогда Пётр Спиридонович произнёс свой афоризм, который мы нередко потом вспоминали: «Что касается вина, то он пил воду». Ребята были внимательны друг к другу. Куда девалась неприязнь, которая нет-нет, а проявлялась раньше между некоторыми одноклассниками. Мы расставались и хотели расстаться по-доброму.

А моя *подруга* была так мила и так внимательна ко мне! Каждую конфету она делила на две половинки: одну мне, другую – себе. Лиля заразительно смеялась и *тащила* меня танцевать. Ни одна девушка никогда ещё не относилась ко мне так тепло и так трогательно! Если бы я выпил ещё один стакан вина, то непременно набрался бы храбрости поцеловать её. Но этого так и не случилось – ни в тот вечер, ни когда-либо в будущем.

10-й класс «Б» 39-й школы. Верхний ряд: преподаватель физкультуры П.Х. Авдеенко, преподаватель химии Т.А. Уланова, преподаватель математики А.Н. Чеботарёв, директор школы П.С. Кузиков, завуч Е.А. Шелепина, преподаватель физики А.П. Головко, преподаватель немецкого языка П.З. Варламова. Второй ряд: Певзнер, Файн, Миллер, преподаватель литературы и русского языка И.М. Владыкина, Елизаров, Бабаев, Страдомский. Третий ряд: Дронов, Гольдман, Голоднов, Маслёнков, Дурач, Фомичёв, Ермаков, Борщевский, Старовойтов. Нижний ряд: Борохов, Гоголев, Грушевский, Архипов, Пирумян, Черкасов, Варшавский.

Из дневника. 5 июля 1950 г. На сегодняшнем городском утреннике, посвящённом окончанию школы, было много наших. Вова Миллер сидел в президиуме. Цитировали экзаменационное сочинение Лили Тащиловой. Лиля читала приветственное письмо товарищу Сталину. В городе 87 медалей, из них 12 золотых. Наша школа, единственная, имеет 3 золотых медали. По общему количеству медалей мы на 4-м месте в городе. У 37-й 8 медалей, они – вторые. После торжественного акта давали оперу Бородина «Князь Игорь».

2 февраля 1951 г. Вчера в школе на вечере встречи с выпускниками нам вручали медали. Сразу же посыпались просьбы:

– Покажи!

Моя медаль пошла по рукам. Стаська Маслёнков даже на зуб её попробовал, а Элла Васильченко предложила просверлить в ней дырку и носить на шее.

Мы с Таликом Страдомским из нашего класса, Олег Шелепин из 10-го «А», Лиля Тащилова и Ляся Кацевич из *нашего* 10-го 37-й школы принесли свои аттестаты на химический факультет

Ростовского университета. Вступительные экзамены из нас сдавали только Страдомский и Шелепин.

Но это уже страницы другой повести.

О Сталине, мудром, родном и любимом…

С самых пелёнок нас воспитывали в духе преданности идеям Ленина-Сталина. «Рассказы о Ленине» мы читали раньше, чем «Курочку Рябу» или «Колобок».

Наш путь – коммунизм! Это мы знали твёрдо.

Коммунизм – это рай на земле. Это то, к чему нельзя не стремиться. Для чего не жалко отдать всё, включая жизнь.

В природе существуют два божества. Одно лежит в Мавзолее. Всё самое лучшее, самое человечное, что только существует на свете, сосредоточено в образе Ленина. Ленин указал нам путь к коммунизму. Это − то Солнце, которое освещает путь всему человечеству.

Другое божество живёт в Кремле. **Сталин – это Ленин сегодня!** Он вождь, он хорошо знает, куда нас вести. За его спиной спокойно. Вера в него была безгранична. О Сталине слагали песни, писали стихи, поэмы, романы. Портреты и скульптуры Сталина были повсюду. Любой большой концерт начинался «Кантатой о Сталине» Алымова, которую потрясающе проникновенно исполнял Краснознамённый ансамбль Советской Армии под управлением Александрова:

О Сталине, мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ!

Или песня, которую все мы очень любили:

На просторах Родины чудесной,
Озаряясь в битвах и в труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полёт!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт!

И конечно:

to-kranov.livejournal.com

В 1-м классе нас принимали в *октябрята*. Всех, без исключения. В 4-м классе принимали в пионерскую организацию. Приём обставляли самым торжественным образом. Принимали сразу не всех: честь стать пионером нужно было заслужить. Некоторое время спустя всё же оказывалось, что пионерами являются все. Пионерская форма – белая рубашка с красным галстуком, значок в виде красной звезды с портретом юного Ильича. Её надевали во всех торжественных случаях. Звучали пионерские горны, били барабаны. Это было красиво и привлекательно.

Пионер! К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!
Всегда готов!

В комсомол, потом в партию. Другого пути мы и не видели.

Коммунизм – это молодость мира,
И его возводить молодым!

Самым главным предметом в университете считалась марксистско-ленинская теория. Сначала основы марксизма-ленинизма, затем марксистско-ленинская философия и, наконец, политэкономия. Любой из этих курсов предполагал подробное изучение текущих партийных документов – докладов, статей, постановлений. И, конечно, трудов товарища Сталина. От студентов-химиков требовали подробного изучения даже работы «Марксизм и вопросы языкознания».

Сталин выступал редко, но каждое его слово подлежало тщательному изучению широкими народными массами. Высказывания товарища Сталина сразу становились *абсолютной истиной.* Ссылка на вождя венчала любой спор. «А товарищ Сталин по этому вопросу сказал то-то». Всё! Спор окончен. Спорить больше не о чем.

Любой научный доклад или диссертация, даже на техническую тему, обязательно начинались с подходящей цитаты из товарища Сталина.

О репрессиях, разумеется, знали все, хотя в то время об истинных их масштабах не догадывались. С именем Сталина репрессии не связывали. Конечно же, Сталин ничего не ведал! Иначе не дал бы этому свершиться! 37-й год называли *ежовщиной* по фамилии тогдашнего руководителя НКВД Николая Ежова.

Я был очень *правильным* комсомольцем и советским человеком. Никаких сомнений в правильности пути, по которому нас ведёт партия, у меня не возникало.

Из дневника. 29 ноября 1951 г. Мне 18 лет, и, по-моему, они прошли недаром: я уже многое сделал. Я на правильном пути, он приведёт меня к счастью, даст мне жить со спокойной совестью. И я смогу считать коммунизм своим. Какая всё-таки прекрасная наша юность! Легко и спокойно жить! Веришь настоящему, веришь в будущее. Знаешь, что сбудется всё, о чём только может мечтать человек. Счастье – жить в такой стране. Счастье – быть современником величайшего из великих – Сталина.

Это не выписка из газетной передовой. Это **строки из дневника**.

Потомкам, что-то слышавшим о культе личности Сталина, наверное, трудно себе представить, каким потрясением была его смерть для тех, кто был заражён этим культом. Об этом потрясении лучше расскажут не воспоминания, а живое свидетельство – записи в моём дневнике. Несомненно, типичные: **так** видели и **так** чувствовали тысячи людей вокруг меня. Те, кого сталинские репрессии не коснулись тогда напрямую.

Из дневника.

4 марта 1953 г. Сегодня утром ЦК партии сообщил о тяжёлой болезни товарища Сталина. В ночь на 2 марта у него было кровоизлияние в мозг, в результате паралич правой половины тела, потеря речи и сознания, нарушение важных функций мозга и всего организма.

Узнали мы об этом около 10 часов утра, на большой перемене после 1-й лекции. Трудно даже передать, как это ошарашило всех нас. Как дубиной по голове! Мысль, что со Сталиным может что-нибудь случиться, никогда не укладывалась в голове. Кто угодно, но не Сталин! У меня аж мороз по коже прошёл, девчонки плакали. Никакие занятия не шли уже в голову. Одна только мысль: как там?

В 2 часа в главном корпусе я слышал само сообщение ЦК и первый медицинский бюллетень. На перемене собралось около 1200 человек. Стояла гробовая тишина. Когда закончили передавать, все стояли и ещё чего-то ждали. Только бы остался жив!

6 марта 1953 г. В это невозможно поверить! Умер Сталин. В голове не вяжутся эти два слова. Сердце не хочет верить!

Траурные флаги на всех зданиях. Портреты с красно-чёрной каймой. Колонны здания Обкома партии обвёрнуты красными и чёрными полотнищами. Заплаканные лица людей. Передачи по радио через каждый час с промежутками, заполненными траурными маршами.

В 6.50, когда я включил радио и услышал первые слова: «От Центрального Комитета Коммунистической партии…», в мозгу мелькнуло: «Всё!». И сразу всё поплыло перед глазами.

В глубоком молчании собирались на химфаке. Приходили за 20-30 минут до начала занятий и молча стояли в вестибюле, избегая смотреть друг другу в глаза. Небывалая, непривычная тишина. Красные от слёз глаза девушек. Серьёзные, сосредоточенные лица ребят. Уставишься в одну точку, и всё окружающее для тебя не существует.

Семинар по политэкономии.

– Почтим память Иосифа Виссарионовича Сталина вставанием.

Голос нашего преподавателя Козельского дрожит. Весь семинар он сидел, опустив глаза, боясь выдать слёзы. Ни говорить, ни слушать никто не мог. На переменах – тишина.

Возле Большой химической аудитории убирали траурными лентами и хвоей большой портрет Сталина. Вокруг молча стояли студенты. Стояли и плакали. Это невозможно – портрет Сталина и траурные ленты!

Толпа у репродуктора. Наверное, 10 раз слушают одно и то же сообщение, и каждый раз острой болью взрывается сердце. Никто уже не пытается скрыть слёз.

12 часов. Большая химическая переполнена. А тишина стоит, как в пустом зале. Ждут открытия митинга. Это пятиминутное ожидание в молчании бьёт больнее самых страшных слов. Сталин умер – я и сейчас не могу понять этого никак!

Вечером выпускали траурный номер стенгазеты. Никого не звали, но собралась вся редколлегия. Скупо тратили слова. Работали молча.

Единственная мысль сверлит мозг:

– Как же без Него? Что теперь будет с нами?

9 марта 1953 г. Сегодня страна провожала в последний путь товарища Сталина. Все студенты пришли с траурными лентами и повязками. Печать горя на всех лицах.

11 часов утра. Главный корпус университета. По радио передают траурный митинг на Красной площади. Опять обильные слёзы девушек, комок в горле и жгучая одинокая слеза у мужчин.

12 часов. Залпы артиллерийского салюта. Страшной болью отдаётся каждый выстрел. Спазм сжимает горло. Ещё немного, и из глаз неудержимым потоком хлынут слёзы. Рядом, сжимая мою руку, стоит Талик Страдомский. Сбоку – преподавательница английского языка; она уже перестала вытирать слёзы со щёк. Вокруг уже не плачут, а рыдают.

Медленно шли на химфак. Молча разделись, зашли в Большую химическую. С лицом, красным от слёз, нас уже ждала преподаватель химической технологии Людмила Николаевна Успенская. Когда все собрались, она, плача, сказала:

– Сегодня мы в первый раз занимаемся без товарища Сталина…

Это была спичка, поднесенная к пороху. Зарыдала вся аудитория.

2 часа дня. Траурное собрание в Большой химической. Почётный караул из преподавателей и студентов у портрета Сталина сменяется каждые 5 минут. Прерывающимся голосом собрание открывает секретарь парторганизации доцент О.А. Осипов. Всё время низко нагибается, чтобы за столом кафедры скрыть слёзы. Докладчик – декан факультета И.Н. Беляев говорит с трудом. В середине доклада замолк минуты на 2 – душили слёзы. Никогда не слышал, чтобы так говорил П.И. Проценко – смесь горечи, слёз и решимости.

Разрыдалась на трибуне пятикурсница Галя Горбатых. За ней расплакались все. «Общие даже слёзы из глаз…»

12 марта 1953 г. Только теперь, когда Он ушёл от нас, мы действительно поняли всё величие этого Человека. Поняли, как бесконечно дорог Он нам…

В эти дни всенародного горя до нас дошло, каким могучим талантом должен был обладать Маяковский, чтобы написать поэму «Владимир Ильич Ленин». Раньше мы заучивали отрывки из этой поэмы, но истинный их смысл представился так ясно в эти скорбные дни. В самые тяжёлые минуты приходили на память эти строки:

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи:
Ещё бы –
такое не увидишь и в века!

И я вижу Осипова, прячущего слёзы за кафедрой.

Потолок
на нас
пошёл снижаться вороном.
Опустили головы –
ещё нагни!
Задрожали вдруг
и стали чёрными
Люстр расплывшихся огни.

И у меня перед глазами траурное собрание на химфаке 9 марта.

Улица –
будто рана сквозная,
так болит
и стонет так.

И мне видится траурный Ростов.

Всё это было в моей жизни.
Но…

«… и пока никто ещё не знал,
что́ это – конец или спасенье».
(А. Ревич. Поэма о мартовском снеге).

Откуда я мог тогда знать, какая жуткая судьба была предопределена мне тем, кому я так безоглядно был предан, чью смерть так искренне оплакивал! Неважно, что *правильный комсомолец* ничем не отличался от большинства советских людей. Он был ещё и евреем.

В годы перестройки и гласности, когда всплыли многие тайны, тщательно спрятанные от посторонних глаз, выяснилось, что зловещий сценарий «окончательного решения еврейского вопроса в СССР»

уже был написан, съёмки второй серии кровавого фильма под названием «Холокост» уже начались. Первую серию ставил другой режиссёр – Адольф Гитлер. Она унесла жизни родителей моего отца. Во второй серии должны были прийти за нами.

Уже были арестованы и расстреляны члены Еврейского антифашистского комитета. Велась борьба с *безродными космополитами*, под которыми имели в виду евреев. Раскручено «дело врачей-вредителей», обвинённых в умерщвлении видных деятелей партии и советского государства А.А. Жданова, А.С. Щербакова, А.М. Горького. У большинства из них были еврейские фамилии. На середину марта был намечен показательный процесс по этому делу. «Убийц в белых халатах» собирались публично повесить на центральных площадях Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска и других крупных городов. Чтобы возбудить ненависть народа к о всем евреям. «Патриотически-настроенные граждане» должны были «стихийно» начать еврейские погромы. А правительство, «спасая евреев от народного гнева», осуществит их массовую депортацию в Сибирь и на Дальний Восток. У Сталина был богатый опыт по организации массового переселения народов.

Вам ничего не напоминает этот сценарий? Мне напоминает – «Воззвание к еврейскому населению города Таганрога», с которым фашистские захватчики выступили в октябре 1941-го. Это воззвание я уже цитировал. Чтобы оградить евреев от актов насилия, их *концентрировали* в отдельном районе города. Всё так и было: собрали, перевезли «в другой район» – в Петрушанскую балку, где всех *оградили* – расстреляли.

Уже было подготовлено письмо видных евреев на имя «великого и мудрого вождя товарища Сталина» с *просьбой* о депортации, а политический обозреватель «Правды» Хавинсон, писавший под псевдонимом М. Маринин, вместе с известными академиками Митиным и Минцем уже вёл сбор подписей под этим письмом. Было подготовлено и обращение «Ко всем евреям Советского Союза», призывающее их «честным и самоотверженным трудом там, куда направят нас партия и правительство» «доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа». Уже была создана специальная комиссия по депортации под председательством М.А. Суслова. По всей стране уже составлялись списки лиц еврейской национальности – *чистокровных* и *полукровок*.

В феврале 53-го Сталин дал указание Булганину подогнать к Москве и другим крупным городам несколько сотен железнодорожных составов. Планировалось организовать крушение части этих поездов и «стихийные нападения» на них «патриотически-

настроенных граждан», чтобы расправиться с депортируемыми ещё в пути. До мест назначения должна была добраться лишь половина, а там, в концлагерях, уже строили для них бараки со стенами в одну доску, обеспечивающие гибель большинства прибывших от сильных морозов. Начало *акции* было намечено на 6 апреля 1953 г.

Лишь спасительная смерть Сталина похоронила дальнейшие съёмки этого фильма ужасов. Всего лишь за месяц до того, как должна была быть безвозвратно смята, сломана в числе прочих и моя жизнь.

Но тогда я не знал, каким *светлым*, каким счастливым должно было стать моё ближайшее будущее, в котором я был столь наивно уверен. И нежданное *избавление* воспринимал как самое сильное *потрясение* в своей жизни.

Дорогие мои дети и внуки, если бы Сталин прожил даже несколькими месяцами дольше, вам, скорее всего, жить было не суждено.

Все приведенные здесь факты взяты из публикаций в открытой печати тех лет. Не в «жёлтой» прессе, а в респектабельных изданиях. Я ничего не придумал. Доказывать их в суде я не могу и не буду. Но что-то я не слышал об исках, предъявленных к авторам этих публикаций.

А вот и новые свидетельства: «Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной[1], рассказанная ею в фильме Олега Дормана», М.: Астрель, 2010, с. 216.

«Был такой академик Минц, придворный специалист по истории партии. От его дочери я узнала, что он пишет письмо Сталину. В этом тексте, который должны были подписать самые известные евреи, они признавали преступления, совершённые их собратьями против русского народа и социализма, и просили разрешения их искупить. С другой стороны, мне рассказывал приятель, журналист Семён Беркин: он готовил репортаж из Сталинграда – рабочие тракторного завода единогласно проголосовали за принятие резолюции о всеобщей депортации евреев. А Лёня Агранович и Сеня Листов, наши друзья-драматурги… рассказали, что они написали для Театра Советской армии пьесу, которую с энтузиазмом приняли, но когда завлит пришёл к директору театра с вопросом, какой гонорар им выплатить (обычно это было от 15 до 25 тысяч рублей), то директор-генерал… ответил:

---

[1] Лунгина Лилианна Зиновьевна (1920-1998) – филолог, переводчик художественной литературы (с французского, немецкого и скандинавских языков). Благодаря ей русские читатели узнали «Малыша и Карлсона» и «Пеппи Длинныйчулок» Астрид Линдгрен, романы Гамсуна, Стриндберга, Бёлля, Сименона, Шиллера, А. Дюма, Виана, Аджара. В детстве жила во Франции, Палестине, Германии, в СССР вернулась в 1934 г. 14-летней девочкой.

«Выписывай три, им хватит». Завлит изумился, а генерал пояснил: «По полторы тыщи на месяц вполне достаточно, а потом их посадят по вагонам и отправят в Сибирь».

…Служил в Симином театре зав постановочной частью Додик Левит. Он… иногда организовывал выступления актёрских бригад в армии. Он рассказал, что недавно поехал на такую гастроль в Восточную Сибирь, в большую глушь… с Юрием Любимовым… И в какой-то момент лётчик ему сказал: «…Посмотрите внизу, видите?» И показал такие большие, в виде букв поставленные бараки. Каждые 8-10 метров гряда бараков, в виде буквы «Т». Он говорит: «А ведь это для вас построено… Это вас туда вывозить будут. Уже есть постановление правительства».

Как-то раз Сима[2] пошёл в домоуправление за какой-то справкой, и сидевшая там делопроизводительница не без злорадства, но как бы по-дружески сказала: «Вот видите списки? Вот нас заставляют здесь сидеть по вечерам и их дополнять и дополнять. Это списки ваши… Вот вас выселять будут. Здесь написано, кому куда, на какой вокзал».

И всё же кто-то скажет: Не верю, быть того не может! Чем чудовищнее правда, тем труднее в неё поверить. Евреи, которых 30 октября 1941 года немцы собирали в Таганроге, тоже не верили… И публикациям на Западе о репрессиях 1937 года и о ГУЛАГе тоже не верили.

Тяжёлые удары *сталинского антисемитизма* успели докатиться тогда и до нас. В феврале 1953 г. отца, лучшего инспектора труда в своём профсоюзе, неоднократно премированного за отличную работу, освободили от должности. Председатель ЦК профсоюза Асланов сделал всё от себя зависящее, чтобы смягчить удар: официально отца освободили в связи с ликвидацией должности и дождались, пока он найдёт себе другую работу, существенно менее ответственную и ниже оплачиваемую. В частном порядке причину увольнения и не скрывали: *сверху* было предписано *убрать* всех евреев.

Ежегодно в университете проводились студенческие теоретические конференции. В 1954 году я выступал на такой конференции с основным докладом «Марксизм-ленинизм о роли личности в истории». Разумеется, он отражал официальную позицию по этому вопросу. Историю делают народные массы, но роль личности в истории очень велика. Культ личности – явление отрицательное. Товарищ Сталин выступал против культа своей личности.

---

[2] Лунгин Семён Львович (1920-1996), муж Л.З. Лунгиной – драматург и сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1981), лауреат Государственной премии РСФСР (1978). Автор сценариев таких известных фильмов, как «Мичман Панин», «Тучи над Борском», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён», «Внимание, черепаха!», «Розыгрыш», «Трое в лодке, не считая собаки» и др.

XX съезд партии застал меня в Гуково, где я преподавал в школе. Поползли слухи о том, что Сталина *объявили врагом народа.* Эту потрясшую меня новость обсуждали в учительской. На следующий день меня вызвали в КГБ. Разговор был очень корректный. От меня хотели узнать, кто распространяет такие слухи. Мне сказать толком было нечего, и меня отпустили на очередной урок.

Вскоре состоялось учительское собрание, и посланец горкома партии рассказал нам о знаменитом докладе Хрущёва. Степень моей растерянности выдал глупейший вопрос, который я задал на том собрании:

– А как же быть с лозунгом партии «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперёд, к победе коммунизма!»?

– Будут другие лозунги.

Развенчание Сталина в годы перестройки стало для меня большим ударом. Человек, которому мы поклонялись как божеству, которому в своём школьном сочинении «Образ товарища Сталина в советской литературе» я приписал самые лучшие человеческие качества, оказался совсем другим. А смерть, которая была для нас тяжелейшим жизненным испытанием, оказалась благом для измученной страны.

Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.
(М. Исаковский)

Это страшно – узнать, что ты поклонялся нарисованной иконе, не имеющей ничего общего с истинным обликом.

Это страшно – узнать, что тобой манипулировали.

Это страшно – узнать, что твои идеалы – всего лишь красивый фасад, которым прикрывались люди, преследующие корыстные цели.

Это страшно – узнать, что светлое будущее, во имя приближения которого ты работал всю жизнь, в конце концов, оказалось ещё дальше, чем было.

Это страшно – видеть, как многие лучшие люди покидают страну, потеряв веру в её будущее.

Всю жизнь я занимался активной общественной работой. Занимался, потому что верил в *светлое будущее* страны. Это будущее называли коммунистическим – значит, в *светлое коммунистическое будущее*. Если не для нас самих, то хотя бы для наших детей и внуков. Эта вера, которую в нас воспитывали с пелёнок, была святой. Ради *светлого будущего* наших детей можно было идти на любые лишения. С моим представлением о своём месте в этой жизни были созвучны

слова песни из телефильма «Как закалялась сталь» по Н.А. Островскому:

Я это сделать должен,
В этом судьба моя.
Если не я, то кто же?
Кто же, если не я?!

Это неправда, будто в партию шли одни карьеристы. Идеалистов было значительно больше. Меня окружали, в основном, именно такие люди. О них говорили:

– Это честный и порядочный человек. Ведь он – коммунист!

Я не выходил из КПСС. Что-то удерживало меня от массового бегства из партии, похожего на бегство крыс с тонущего корабля. *Партия вышла из меня.* А КПРФ я никогда не считал *своей партией*. Моя общественная активность закончилась в 1991 году.

Мне не в чем каяться. Я был честен перед собой, перед своими детьми, перед страной. Я искренне делал то, что мог. Такие, как я, стали жертвами **большого обмана.**

А *светлое будущее* растаяло, как мираж в пустыне.

И всё-таки я не уйду из жизни, разочарованный во всём. Наперекор всему я верю в будущее моей страны. Да, нашим детям, внукам и правнукам придётся немало потрудиться во имя этого. Но я верю: они справятся.

Эпилог

2 октября 1982 года в Московском Доме архитектора собрались те, кто в 1949-51 годах окончил 39-ю и 37-ю школы. Девиз встречи: «Вторая молодость приходит к тому, кто первую сберёг».

Почему в Москве? Волею судеб очень многие наши выпускники оказались в Москве. На встрече шутили: Москву не смогли завоевать ни поляки, ни французы, ни немцы. Москву завоевали ростовчане!

Небольшая группа детишек, невесть как оказавшаяся в вестибюле, где мы собирались, с изумлением наблюдала за немолодыми дядями и тётями, которые вели себя, как расшалившиеся школьники.

Меня попросили представить некоторых *гостей*, приехавших на встречу из других городов.

Представление я хочу начать с тех, кого можно считать символом нашей встречи:

Алла Калинина и Толя Гаврилов. Супружеская пара, символизирующая дружбу 37-й и 39-й школ.

Аллу Калинину я помню ещё активной пионеркой, участницей многих пионерских слётов. Уже тогда судьба предсказала ей родство с 39-й школой: на один из слётов в президиум, перепутав, пригласили делегатов наших школ Юру Калинина и Аллу Ермакову. Но не Юра Ермаков стал её избранником. Красивая и очень строгая девочка Алла знала, что ей предстоит стать генеральшей. Сейчас она кандидат медицинских наук, счастливая жена, мать и бабушка.

Каждый из нас носил в своём рюкзаке жезл если не маршала, то генерала, но достать его оттуда сумел только рыжий Толик Гаврилов. Мы, правда, считали, что настоящие генералы могут быть только из 10-го «Б», но Толя заставил нас убедиться в том, что и в 10-м «А» тоже не лыком шиты. Говорят, что он знал об этом давно, и когда студент юрфака Гаврилов уговаривал студентку-медичку Калинину выйти за него замуж, он говорил:

– Обязательно стану генералом, что я рыжий что ли!

Генерал-майор милиции Гаврилов – начальник Академии МВД в Волгограде.

Зина Смоленская жила за углом школы, и у неё собирались все, кто сбегал с уроков. В этой компании был и Миша Бабаев, молочный брат Зины. Правда, я не помню, чтобы Бабаев сбегал с уроков, так что о времени его посещений история умалчивает. Зина окончила исторический факультет пединститута. По свидетельству очевидцев, она счастливая жена, мать очень красивой дочери и бабушка очаровательной внучки.

Вова Миллер – золотой медалист, гордость класса и всей школы. По физико-математическим способностям равного ему не было. Мы знали, что Миллер пойдёт далеко, но он пошёл ещё дальше –

аж в Бийск Алтайского края. Кандидат физико-математических наук Владимир Давидович Миллер работает в заведении, которое принято скромно называть *ящиком*. Он не поленился прилететь на нашу встречу из Бийска, продемонстрировав свою верность юношеской дружбе. Вова не был среди тех, кто бегал на свидания с девочками из 37-й школы – девочек он боялся, как огня. Это не помешало ему жениться одним из первых в классе. Союз молчаливого физика с говорливой юристкой оказался счастливым. Вова и здесь оказался первым: у него трое дочерей и двое внуков – рекорд, который превзойти пока не смог никто.

Мы хорошо помним Майю Клюшину. Она хорошо училась и была *компанейской девочкой.* В кругу друзей её звали *Майюнчик – розовые щёчки.* У неё была строгая мама, которая очень вкусно кормила гостей Майи, но при этом строго следила за тем, чтобы вилку они держали в левой руке, а нож – в правой. Майя окончила юрфак университета и работает в Минске заведующей лабораторией судебной экспертизы. Мать двоих детей.

Юра Карагодин был тихий и скромный мальчик. Он хорошо учился, но никогда не жаждал демонстрировать у доски свои знания. Помню, в классе были Карагодин и Караглуев, и наш историк Стасюк играл при опросах у них на нервах. Он вызывал:

– Кара…,– и делал большую паузу, во время которой оба сжимались от страха, – …глуев! – и у Юры отходило от сердца.

Теперь Юра сам декан РИСИ, гроза студентов.

Мери Платкова – из довольно зажиточной семьи, и нередко подкармливала своих изголодавшихся в послевоенные годы подруг. Левицкий когда-то о ней сказал:

– Это такая ученица, что её никогда не обМЕРИшь!

Врач-эпидемиолог, Мери живёт там, куда посылают её мужа, полковника, сейчас – в Симферополе. Счастливая бабушка.

В заключении хочу представить Алика Пóляка, которого я знаю более, чем давно – вместе ходили в младшую группу детского сада. Была у нас в школе компания *босяков* во главе с Левицким. Вместе с Юрой Рихтером в неё входил и Алик. Они доводили учителей до белого каления своими действиями, явно направленными на расшатывание основ школы и всего среднего образования СССР, а на вечерах потешали сверстников с эстрады. Предводитель компании в своё время написал такую эпиграмму на своих друзей:

Чтобы мигреней не было и колик
От школьных мастеров эстрады,
Сыграть и покривляться рады
Ю. Рихтер и, конечно, Пóляк.

– Ох, уж он докатится! – мрачно предсказывали Поляку учителя. Поляк, действительно, *докатился*: он доктор медицинских наук, профессор, известный в Ростове аллерголог.

Королевой бала была **Зина Вселюбская**. Я не видел её сто лет, с тех пор, как мы окончили школу. Все та же Зина – балерина, певунья. Открытая улыбка. Сама доброжелательность. Она бросилась ко мне с искренним порывом:

– Я так рада видеть тебя, Витя!

Она рада была всем. Зина много пела и танцевала. Неподражаем был дуэт Зины и Алика Поляка – сцены из старых, любимых оперетт.

На встрече кипело веселье. Блистали остроумием и хулиганили Олег Левицкий и Юра Рихтер.

И приятные, незабываемые встречи.

Света Клыкова. Теперь она Светлана Андреевна Келешьян. Это мы постарели, поседели, облысели. На Свете же время словно остановилось – такая же молодая, простая и доброжелательная. Только чуть-чуть стала полнее. Света горняк, окончила Новочеркасский политехнический. Рассказывала о своих сыновьях. Один из них живёт в Москве, и Света иногда приезжает. Тогда мы обязательно встречаемся втроём – с Юрой Голодновым.

Валеру Воробьёву я вначале не узнал – столько лет прошло! Да и в юношеские годы мы мало бывали вместе. Мы сидели рядом за столом, а я силился вспомнить, кто же она, такая знакомая. Потом подошла Света, и всё стало на свои места.

Майю Клюшину *оккупировал* Юра Голоднов. Они не раз потом встречались в Москве и в Минске. А потом Юра сообщил мне трагическую весть: 2 февраля 1986 г. Майя погибла в авиакатастрофе: при взлёте в Минске разбился самолет, в котором она летела на экскурсию в Ленинград.

Вторая встреча состоялась 27 мая 1989 года в том же Доме архитектора. Во многом она походила на первую встречу.

На большом фотоснимке, запечатлевшем её участников, больше 60 человек. Из нашего класса Бабаев, Гольдман, Голоднов, Ермаков, Крамеров, Миллер, Певзнер, Териков и я. Зина Вселюбская, Света Клыкова, Валера Воробьёва…

Здесь я впервые после многих лет встретился с **Лясей Кацевич.** Она увела меня в пустой зал и долго рассказывала о себе, о своей трагичной судьбе.

Алла (Ляся) Алёшина (Кацевич), 1955 г.

Ещё в университете она вышла замуж за нашего школьного товарища Юру Алёшина, который учился классом позже и был в компании, группировавшейся вокруг Миши Бабаева. У них рос сын. А потом случилось ужасное: один за другим она потеряла и сына, и мужа. Теперь Ляся в Минске, на встречу приехала со вторым мужем, который очень трогательно и внимательно её опекал.

– Тогда я не хотела жить, – говорила мне она. – Он спас меня.

Трагическая судьба не пощадила Лясю Кацевич и в дальнейшем: в 1997 году она умерла от рака.

После длительного перерыва мы обнялись с Жорой Териковым. **Георгий Карпович Териков** – известный в эстрадных кругах человек, заслуженный артист России. Пишет юмористические рассказы и репризы, с которыми выступают известные артисты. И сам с ними выступает. Написал книгу об истории отечественной эстрады. Я неоднократно видел его по телевидению. В том числе и в передаче Макаревича «Смак», где Жора демонстрировал своё кулинарное искусство. Иногда мы переговариваемся по телефону. С удовольствием встретились в квартире Юры Голоднова.

После той памятной встречи мы, четверо старых и верных друзей – Юра Голоднов, Вова Миллер, Павлик Певзнер и я, ездили гулять в Абрамцево. Большой знаток московских окрестностей, Юра водил нас по хорошо знакомым ему местам, показывал, рассказывал, делал фотоснимки, снимал фильм.

Абрамцево, 1989 г.

На следующий год, в мае 90-го – третий слёт школьных друзей, на сей раз уже в Ростове.

Гимн встречи – «Ростов-город»:

Мы жили в этом городе,
Учились в этом городе,
И вот сегодня встретились опять.
Пусть кое-кто с сединами,
Но сердцем все едины мы,
И кажется, что нам по 25.

Ростов-город, Ростов-Дон,
Синезвёздный небосклон,
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая…
Ростов-город, Ростов-Дон.

Ну, что нам расстояния!
Лишь сообщи заранее,
И каждый с другом встретиться готов!
И жизнь прожить, как следует,
Быть нашей дружбе преданным,
Ведь нас такими вырастил Ростов!

Ростов-город, Ростов-Дон,
Синезвёздный небосклон,
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая…
Ростов-город, Ростов-Дон.

Я не знаю, кто автор этих переиначенных строк. Таня Алдукова?

Перед встречей организаторы прислали нам анкету. Заполняя её, я вспомнил незабываемые мгновенья школьной жизни: творческие муки на уроках, на которых мы писали стихотворные послания 9-му «Б» 37-й школы, саботаж опроса по истории, после которого состоялась наше близкое знакомство с новым директором школы Кузиковым... Тогда была анкета, а теперь вот целая повесть!

Встречались дважды – в банкетном зале и за Доном, на туристской базе. Бабаев, Бадальян, Голоднов, Ермаков, Миллер, Певзнер, Пирумян, Старовойтов, Териков, Уланов, Черкасов…

Женя Уланов, когда-то один из самых маленьких в нашем классе, стал большим и полным. Больше Ермака. Горный инженер. Работал мастером и начальником участка в шахте.

Обнялся с **Жаном Пирумяном.** Приятно было встретить **Роберта Бадальяна**. Он с нами школу не оканчивал, но всё равно – *наш*. Роберт стал спортивным работником.

На ростовской встрече мы увидели совсем другого **Юру Старовойтова**. Бравада спала. Нормальный, спокойный, вежливый, доброжелательный, он был искренне рад видеть всех нас. Привёз в багажнике своей машины огромных рыбин, из которых сварили прекрасную уху. Мы тоже были искренне рады встрече с **таким**

Старовойтовым. Он окончил Ростовский мединститут, заведовал небольшой районной больницей где-то под Батайском.

Стоят: 2-й слева Уланов, далее Левицкий, Миллер, Файн, Певзнер, Бадальян, Териков, Черкасов, Ермаков. Сидит в центре Голоднов.

Встретился с **Лилей Колодяжной**. Она теперь Людмила Павловна Дремлюга, преподает информатику в нашей 39-й школе. Вот ведь как бывает! Мы с удовольствием вспоминали многое из того, что связывало нас в школьные годы. **Лиля Тащилова** живёт в Новочеркасске. Она скромно держалась как-то в стороне, раньше уехала, и в суматохе многолюдных встреч, к сожалению, мне так и не удалось обстоятельно с ней поговорить. А ведь так хотелось! **Света Клыкова** и **Валера Воробьёва**, как радушные хозяйки, очень трогательно нас опекали. Неважно, что у вас уже другие фамилии. Всё равно для нас вы остались теми, восемнадцатилетними!

Мы вспомнили тех, кто преждевременно от нас ушёл. Шуру Елизарова, Талика Страдомского, Гену Фомичёва.

Гена Фомичёв учился вместе с Голодновым и Певзнером в Новочеркасском политехническом институте. Уехал работать в Приднестровье, в Тирасполь на электростанцию. Дослужился там до должности директора Дубоссарских электросетей и, к сожалению, умер в конце 80-х годов.

Валера Воробьёва, Юра Голоднов, Лиля Колодяжная, я и Юра Сторовойтов

Ростов, 1990 г. В переднем ряду с цветами – Света Клыкова. Средний ряд: Миллер, Бадальян, Териков, Черкасов, Файн, Лиля Колодяжная, Голоднов, Зина Вселюбская, ?, Валера Воробьёва, Ермаков. В верхнем ряду 2-й слева Певзнер, 5-й – Уланов.

На встрече организовали конкурс красоты. Самые красивые девушки – в купальниках. Его исход был предрешён: конечно же, главный приз первой красавицы достался **Элле Васильченко**. Элла мало напоминала ту Эллочку-сердцеедку, Эллочку-обольстительницу, которую я помнил. Нет, годы её пощадили – она по-прежнему была хороша. Вот только желания *обольщать* уже как-то не ощущалось. Куда девались горящие глаза, лукавая, искусительная улыбка, кокетливое желание влюбить в себя всех окружающих? Как бы нехотя, нарочито *вразвалку* передвигалась она по *подиуму*, словно вопрошая: «Ребята, ну зачем мне всё это нужно?». Но какой конкурс красоты без Эллы?! Немолодые уже ребята отдавали честь своей молодости.

Я был очень польщён тем, что Лиля Колодяжная, Света Клыкова и Валера Воробьёва приехали в аэропорт попрощаться со мной.

Мне очень повезло, что от школьных лет у меня на всю жизнь остались настоящие друзья. Это большое богатство.

Послесловие

Оглянись назад немного,
Вспомни прошлые года
И пойми, что за дорога
Привела тебя сюда.

Эти строки я написал в далёком 1948 году. Когда впору было не назад оглядываться, а вперёд смотреть. Но уже тогда я понимал, какое большое значение в моей жизни имеет школьная дорога. Дорога, опалённая войной. А ведь впереди ещё были и 1953-й, и 1991-й. Годы, круто менявшие жизнь страны и мою жизнь, которая была и остаётся частичкой жизни всего народа.

Школьные годы – это тот исток, который задаёт тон всей жизни. Именно они сделали меня таким, каким я стал. И теперь, годы спустя, я отчётливо понимаю, что школьные годы были самыми яркими, самыми эмоциональными, самыми запоминающимися в жизни. И самыми богатыми на друзей.

Это не только моё представление. Вот свидетельство Володи Гайдука, с которым мы в 2000 году обменялись несколькими письмами:

Оглядываясь на прожитое, могу уверенно сказать, что по интенсивности чувств и душевному подъёму мои школьные годы превосходят все последующие. Это – печать времени, заслуга наших интересных параллельных классов, результат общения с девочками

из 37-й. А также благодаря молодости, широкому Дону, пляжу на той стороне и многому другому. …От общения с «нашими» очень часто тепло на душе.

…Юбилейная встреча, посвящённая 50-летию окончания школы, увы, не состоялась. Света Клыкова, главный её организатор, летом оказалась в больнице с инфарктом и надолго вышла из строя. А без неё ничего не получилось.

Уже после того, как я завершил «Страницы», я написал письмо **Лиле Тащиловой**, и она мне ответила. Так мы снова нашли друг друга. Так восстановилась наша дружба.

Из письма Л.П. Тащиловой. 24 мая 2000 г. Дорогой Витя! Очень обрадовалась твоему письму. Воспоминания тёплые, светлые, добрые, которые остались на всю жизнь.

Много лет Лилия Петровна проработала на Новочеркасском электродном заводе, руководила научно-исследовательской лабораторией. Имеет много изобретений и научных публикаций. Дважды награждалась грамотами Министерства цветной металлургии. Была секретарём первичной партийной организации и пропагандистом. В 1997 году в возрасте 88 лет ушла из жизни её мама, а в 1998-м – муж. Осталась одна. В 99-м покинула завод и стала преподавать химию в частной общеобразовательной естественнонаучной школе.

Из письма Л.П Тащиловой. 11 марта 2001 г. Второе моё призвание после химии – педагогика. Если помнишь, я была лучшей пионервожатой в школе, мой опыт даже обобщали по городу. Когда училась в университете, на каникулах ездила работать воспитателем в детский сад на станцию Иноземцево, под Пятигорском. Мои ученики (8-11 классы) пишут и защищают рефераты по химии. Воспринимаю их взрослыми, обращаюсь «на Вы». Каждый ученик – личность. Как важно не сфальшивить – в этом возрасте они очень болезненно реагируют на малейшую несправедливость.

Лиля очень интересуется моей работой. Когда по её просьбе я послал ей оттиск своей последней статьи, она, к моему удивлению, подробно её проштудировала. И просила присылать другие.

Почти в каждом письме Лиля рассказывала о новостях в жизни Лили Колодяжной, Светы Клыковой, Валеры Воробьёвой, передавала их приветы. «Ты всем нам – родной»,– писала она.

Новое тысячелетие началось с неожиданного письма **Вали Варшавского.** После моего ответа были и другие, более подробные. Как я был рад *возникновению* давно потерянного старого друга! Вот что пишет он о своей судьбе.

Из письма Валентина Яковлевича Варшавского. 16 февраля 2001 г. После института я отправился в Кустанайскую область осваивать целину. Через год приехала Нонна, мы поженились ещё на 5-м курсе. К тому времени я построил совхоз, и меня перевели в Кустанай, наградив медалью «За освоение целинных земель». В Кустанае я строил пединститут. В 1958 году умер мой отец. Я срочно уволился, и мы вернулись в Ростов. Жить было негде, и мы уехали в Таганрог, откуда родом Нонна. В Таганроге протекала вся наша жизнь. 13 лет я работал на Комбайновом заводе начальником строительного бюро. Занимался реконструкцией завода. Последние годы работал в Таганрогском филиале института Ростоблпроект главным инженером проекта. Вёл реконструкцию Театра юного зрителя. Работа была хорошо оценена, и я получил путёвку на олимпиаду 1980 года, затем Грамоту Госстроя СССР и премию.

В 1993 году ушёл на пенсию. У меня было два инсульта с потерей речи и полным параличом. Отходил 4 года – Нонночка меня выходила, да и сыновья помогли.

Старшему сыну Игорю 42 года. Окончил Радиоинститут, акустик. Много плавал, побывал во многих странах – Африка, Америка, Испания, Германия, Таиланд и др. Сейчас – директор аудиторской фирмы. Женат, двое детей – сын Денис 17 лет и дочь Ева – ей 3 года. Младший сын Борис окончил РИСИ, факультет отопления и вентиляции. Работал в Ростове – в институте Промстройпроект. После развала СССР переехал в Таганрог, сейчас заместителем в той же фирме.

У нас дача под Таганрогом, в 7 км от города. Кирпичный дом 6х7 м, строил я сам, с сыновьями. Ещё когда был здоров. Машины у обоих сыновей. Летом я живу на даче безвыездно. Копаюсь в саду, делаю посильную работу. Нонна на пенсии с 1996 года, крутится по хозяйству.

Валя усердно зовёт меня к себе в гости со всей семьёй. С удовольствием побывал бы у него. Я ведь знал его Нонну и рад, что так удачно сложилась их семейная жизнь. Только непросто всё это…

В июне 2000 г. подробный *отчёт* о жизни прислал **Володя Миллер**. Обычно он пишет очень кратко, а тут – целое сочинение на 4-х страницах!

Из писем В.Д. Миллера.

1 июня 2000 г. Я безработный пенсионер уже второй год, и пока возможность поработать проблематична. Валя работает в юридической консультации и бросать не хочет, хотя сильно устаёт. Старшая – Лена – в Искитиме, под Новосибирском, в представительстве заказчика. Выслужила уже вредный стаж и через год (в 45 лет) получит пенсию. Надеется, что с работы не выгонят. Они связались с достройкой новой квартиры и влезли в долгосрочную кабалу с кредитом. Их дети: Дима (1979 г.) заканчивает НЭТИ, вернее, одну из фаз нынешней запутанной вузовской системы. До «полного» окончания ещё год или два. Витя

(1982 г.) окончил 1-й курс пединститута (математика и информатика). Эта семья наиболее благополучная.

Средняя – Соня – в Челябинске. Работает в отделе сбыта радиозавода. Живёт с двумя дочками в общежитии, и шансов на квартиру не видно. И у всех трёх проблемы с глазами. Девочки 1987 и 1988 г.р., учатся по-разному, скорее средне.

Младшая – Аня – живёт с нами, работает в той же школе, где сама 10 лет училась. Преподаёт английский, хотя её основной язык – французский. Когда-то она из-за любви к французскому год потеряла (не пошла на английское отделение). А сейчас французский не пользуется спросом. Её дочка Дина (по «паспорту» – Диана), 1995 г.р.

Садовый участок у нас близко – 2 остановки автобуса, можно ходить пешком. Там я абсолютно неквалифицированный помощник, вся идеология – Валина, частично Анина.

6 февраля 2003 г. У нас появился Институт прикладных химико-энергетических технологий в составе СО РАН. Сейчас для одной из работ потребовался мой опыт 40-летней давности (!). Хожу туда изредка. Иногда даже платят что-то символическое. А так мозги шевелятся в основном при помощи шахмат. Играю в ветеранских турнирах.

Может ли стать процветающей страна, позволяющая себе роскошь оставлять не у дел такие светлые головы, как Миллер? Люди! Оглянитесь вокруг: сколько ещё таких Миллеров не находят себе применения?!

17 марта 2001 года мы собрались у Юры Голоднова, чтобы отметить его день рождения. Миша Бабаев, Жора Териков с женой, очень кстати приехавший в командировку Юра Ермаков и я. Компанию нам составили сестрёнка Юры Наташа с мужем. Её я помню маленькой девочкой, после чего много лет не видел.

Как приятно снова оказаться в обществе старых друзей!

Ермак привёз фотографии *камерной* августовской встречи под Ростовом: два Юры (Ермаков и Голоднов), две Лили (Колодяжная и Тащилова) и Мара Смолкина:

А Юра Голоднов показал свой видеофильм об этой встрече.

И не только этот фильм. Также и кинорассказ о сегодняшнем Ростове. Старые, знакомые места и новые постройки, которых я и не видел. При виде знаменитого памятника красноармейцам Миша Бабаев вспомнил, как давно, ещё во времена СССР, его *прикупили* с этим памятником. Памятник стоит в самом центре города, как раз напротив здания Обкома КПСС. Не на самой улице Энгельса, а чуть в глубине площади, сзади него – бывший Дом Советов.

– Ты знаешь, памятник собираются передвинуть – поближе к улице.

– Да? А зачем?

– Он же ранен, не добросит.

И показали на фрагмент композиции памятника: раненый красноармеец замахнулся гранатой.

С интересом смотрели фильм, который Юра Голоднов снимал в ноябре 2000 года в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) на праздновании 70-летия Жоры Терикова. Полный зал, приветственные выступления известных артистов – Петросяна, Степаненко, Винокура, самого Терикова… А вот поёт жена Жоры – Ирина Гвоздева. Приветствие, с которым вышли на сцену Ермак, Юра Голоднов и Миша Бабаев…

Георгий Териков – известный человек, писатель-сатирик, драматург, заслуженный артист России, лауреат Всесоюзных и Всероссийских конкурсов. Пишет книги, юмористические рассказы и репризы, с которыми выступают известные артисты. И сам с ними выступает. Постоянный участник телевизионных передач «Смехопонорама», «Под знаком зодиака», «Ах, анекдот, анекдот». Я неоднократно видел его по телевидению.

Териков – автор нескольких книг об эстрадном искусстве. Свою книгу «Я им пишу, чего же боле?», изданную в 1999 году, Жора подарил мне с автографом: «Вите Файну, земляку, соученику – старому товарищу с искренним уважением. Да здравствует Ростов!».

Монологи, интермедии – с указанием их исполнителей: Борис Брунов, Евгений Петросян, Елена Степаненко, Клара Новикова, Любовь Полищук… Песни – их пели Иосиф Кобзон, Николай Сличенко, Алла Пугачёва, Ирина Бржевская… Эпиграммы: Клавдии Шульженко, Никите Богословскому, Людмиле Гурченко, Роберту Рождественскому, Николаю Озерову, Татьяне Шмыге, Юрию Яковлеву и многим другим – великое множество известных имён!

Я читал отрывки из своей повести, а ребята вспоминали эпизоды, которые в неё не вошли. Здесь-то я и узнал, как за последние годы ещё более поредели наши ряды: ушли Володя Розенберг, Юра Старовойтов, Владилен Киселёв…

Март 2001 г.

Прошло ещё 10 лет. Один за другим мы теряли друзей.

Ермак, который работал до последнего дня, до своего 70-летия немного не дотянул. В 2002 году в Грозном погибла группа офицеров и генералов, он летал на расследование, и эта командировка оказалась для него последней – не выдержало сердце.

Из письма Лили Тащиловой. 24 сентября 2002 г. Случилась большая беда: 7 сентября ушёл из жизни Юра Ермаков. Хоронили 10 сентября. Гроб стоял в Доме офицеров. Хоронили Юру со всеми воинскими почестями на Братском кладбище рядом с его дедушкой. На кладбище были Света Клыкова, Валера Воробьёва, Мара Смолкина, я. Был Павлик Певзнер. На гражданской панихиде я сказала несколько добрых слов о Юре от нашего имени – его школьных друзей. Надежда Николаевна, жена Юры, сказала, что твою телеграмму с соболезнованием они получили. Теперь вспоминается, как Юра сказал Валере: «В любой ситуации я обязательно приду на школьную встречу, если меня не будет, значит, меня вообще нет». Юра очень сокрушался, что не смог перевести текст твоих «Страниц ненаписанной повести» на бумагу. Я сделала для него ксерокопию, но передать не успела. Мне бесконечно жаль, что так получилось, ведь я свидетель, как Юра очень хотел прочесть твою повесть. Ксерокопию повести я привезла на похороны Юры.

Из-за неисправного принтера я не смог тогда распечатать свои «Страницы».

− Нет проблем, − сказал Ермак, − давай дискету, я в Ростове распечатаю.

Но оказалось, что проблема существовала: в его компьютере была установлена старая операционная система, и открыть файлы он не смог. Выйти из положения не успел – помешала срочная работа, а потом – та самая командировка в Чечню.

Лиля прислала мне копии вырезок из ростовских газет, которые писали о Ермакове, помещали его фотографии.

Полковник Ю.Р. Ермаков. Фото из газеты «Вечерний Ростов»

Опубликовав «Несколько историй из жизни одного эксперта», газета «Вечерний Ростов» писала:

Полковник Ермаков ещё и пишет стихи. Но он гордится лишь одним своим четверостишием, в котором выразил сущность профессии судебно-медицинского эксперта:

Связующим звеном между юристом и врачом
Мы испокон веков служили Божьей воле.
Но никогда эксперт не должен быть врагом
Ни медицине, ни юстиции − тем боле.

На кончину одного из самых близких моих школьных друзей газета откликнулась редакционной заметкой:

Соболезнования – и от «Вечернего Ростова»!

СУДМЕДЭКСПЕРТ ЕРМАКОВ СО СМЕРТЬЮ БЫЛ НА «ТЫ»

В субботу в окружном военном госпитале ушел из жизни полковник медицинской службы Юрий Рубенович Ермаков.

По роду своей работы полковник Ермаков со смертью был на «ты». В свое время он возглавлял окружную судебно-медицинскую лабораторию, затем работал в ней ведущим экспертом. Лаборатория получила печальную известность во всем мире под номером 124, когда в нее стали поступать тела военнослужащих, погибших в Чечне...

Опознание тел погибших, установление причины смерти – все это входило в служебные обязанности полковника Ермакова. Он видел смерть в лицо тысячи раз. Тем не менее был очень жизнерадостным человеком. А еще – верным другом и постоянным автором «Вечернего Ростова». Причем писал в нашу газету он не только о последствиях авиакатастрофы под Батуми или о подробностях расстрела псковского ОМОНа в Чечне. Он приносил в «Вечерний Ростов» фотокорреспонденции о том негативном, что замечал на улицах родного города, необычные истории из своей практики для рубрики «Вот, помню, был случай...».

В середине августа полковника Ермакова в составе группы специалистов срочно вызвали в Ханкалу, где боевиками был сбит транспортный вертолет Ми-26, и погибли 119 российских военнослужащих.

Юрий Рубенович повидал многое, но эта страшная беда, как видно, оказалась последней каплей. На второй день этой командировки его пришлось госпитализировать: не выдержало сердце. Полковника Ермакова перевезли в Ростов, в окружной госпиталь. Но усилия врачей не помогли...

Редакция «Вечернего Ростова» выражает искренние соболезнования семье, друзьям и сослуживцам полковника Ермакова. Прощание с телом состоится во вторник, 10 сентября, в окружном Доме офицеров.

Из письма Лили Тащиловой. 3 ноября 2004 г. Встречались 7 сентября, в день смерти Юры Ермакова, у его могилы. Юра у многих людей остался в памяти. Многие люди приходят к нему на могилу. На этот раз была женщина, сыну которой Юра помог. Всегда у Юры на могиле свежие цветы.

На 70-летие Голоднова в марте 2003 года прилетал Володя Миллер, тогда мы и встретились с ним в последний раз. Своё 70-летие Володя отметил, а до следующего дня рождения не дожил, скончался 23 сентября 2003 г., так и не дождавшись возможности ещё поработать. Как больно терять лучших друзей!

Из моего письма Лиле Тащиловой. 28 сентября 2003 г. Вчера вечером по телевизору сообщили о землетрясении в Сибири, с эпицентром в Бийске. И я подумал: что это – прощальный салют природы? Или, может быть, её протест против ухода Володи Миллера?

Обе Лили – Тащилова и Колодяжная – дружно ушли осенью 2005 года. Мы не сразу об этом узнали. Обе работали *до упора*, до конца 2004-05 учебного года. Лиля Тащилова писала мне время от времени, а после февраля 2005 года вдруг замолкла, на письма не отвечала, и я в последний раз нутром почувствовал неладное. Лиля Тащилова умерла от рака поджелудочной железы в конце сентября – начале октября 2005 года, точную дату никто из нас не знает. Об этом мне рассказал Юра Голоднов 2 декабря 2005 года. На ноябрьские праздники он ездил на пару дней в Ростов и узнал печальную весть от Валеры Воробьёвой.

28 ноября 2005 года ушёл Валя Варшавский, встреча с которым так и не состоялась. Так случилось, что именно 2 декабря 2005 года мне звонил Игорь Варшавский и сообщил о кончине отца. В один день я узнал, что потерял сразу троих близких школьных друзей.

До последнего работал и Павел Певзнер. Заведовал электрической частью и техникой безопасности в Ростовской библиотеке имени Карла Маркса. Перенёс операцию. Потерял жену, жил с дочерью Аней и её мужем. Аня защитила кандидатскую, доцент в вузе, преподаёт языки. 5 января 2011 г. я целый день пытался дозвониться до Павки, чтобы поздравить его с днём рождения. Никто не брал трубку. Послал электронное поздравление, а в ответ получил печальное известие от Ани: папы больше нет с нами. После продолжительной болезни он умер 24 декабря 2010 г.

А наших девочек из 37-й преследовала целая череда трагедий.

О гибели Майи Клюшиной, одной из самых ярких звёздочек из их класса я уже писал. О трагической судьбе Ляси Кацевич тоже. В том же ряду – жизнь и смерть Нины Хмельницкой. По свидетельству Л.П. Тащиловой, которая дружила с ней в школе, Нина работала в лепрозории. Заразившись проказой, утопилась.

Но самой трагичной оказалась судьба Тани Алдуковой. В молодости на почве несчастной любви она бросилась под поезд, но не погибла, а осталась без ног. Пыталась найти себя в жизни. Принимала деятельное участие в подготовке первой встречи выпускников 39-й и 37-й школ, хотя на самой встрече, конечно, не была. Пыталась собрать и издать сборник стихов наших выпускников и обращалась ко мне с просьбой прислать мои стихи. Я послал ей всего пару стихотворений, поскольку не считал продукты своего «поэтического творчества» достойными

серьёзной публикации. Под фамилией Гамлешко (по мужу) издала книжку «Наша пёстрая жизнь», ссылку на которую я нашёл в Интернете: Гамлешко Т. Наша пестрая жизнь: Сатир. примочки. Штрихи к портр. - Б.м., 1998. - 174 с. - 100 экз. ШБ: 10:98-21/82-4; 10:98-21/83-2. Судьба не позволила ей спокойно уйти из жизни: она погибла при пожаре в собственной квартире, не сумев выбраться из огня.

За что злой рок преследует наших подруг?!

Из нашего класса в живых остались те, кто перебрался в Москву. Миша Бабаев, Жора Териков, Юра Голоднов, Артём Баятов, Борис Гольдман и я. Стараемся встречаться ежегодно. Многие удивляются нашей непреходящей дружбе, которую мы пронесли через всю жизнь.

Каждая наша встреча – праздник и… побуждение к творчеству. Из взаимных поздравлений можно составить уже целый сборник. Пример подаёт Г. Териков. На общей встрече выпускников 39 и 37 школ они с Олегом Левицким исполнили частушки «Сорок лет спустя». Обо мне там были такие строки:

Мы хотели спеть про Файна,
Что, конечно, не случайно:
Про таких, как он, и впредь
Нужно не болтать, а петь.

Витя Файн всё видит, слышит,
Всё, что будет здесь, опишет.
Всем своё найдёт он место,
Он наш летописец Нестор.

В 2003 году Жора подарил мне свою автобиографическую книгу «За кулисами смеха. Записки московского эстрадника ростовской расфасовки» с такой подписью: «Вите Файну, земляку, однокласснику, старому товарищу, с искренним уважением от второгодника Жоры Терикова». На одной из встреч, проходившей на квартире Терикова, я *вернул ему должок*:

А в школе ругали, не зная,
Что он перед будущим чист:
Что вырастет из шалопая
Писатель-сатирик, артист.

В нашей стране самые известные люди – ведущие телевизионных программ, артисты, политики и спортсмены. Поэтому неудивительно, что самым публичным и известным человеком из нас стал Георгий Териков, первый в нашей стране писатель-сатирик, удостоенный звания заслуженный артист России за исполнение своих произведений. В нашей компании он даже немного бравировал тем, что совсем не обязательно хорошо

учиться в школе, чтобы стать успешным и уважаемым человеком. Мы, отличники и медалисты, единодушно это признали. Но следует признать и другое: из *шалопаев* успешными оказываются лишь немногие – те, кто в школьные годы проявляли свой талант в какой-либо области. Среди тех, кто хорошо учился в школе, процент *состоявшихся* значительно выше.

С Г.К. Териковым. Март 2008 г. Фото Ирины Гвоздевой

Я давно уже не пишу стихов. Но стихотворные поздравления друзьям нет-нет, а иногда сочиняю. 9 июня 2007 года я адресовал Бабаеву такую эпиграмму:

Три четверти – не то,
Чтобы гордиться им.
Вот стукнет тебе сто –
Тогда поговорим!

И чтобы долго-долго жить,
Ты старой заповедью связан:
Юристом можешь ты не быть,
А нашим другом быть обязан!

13 ноября 2010 года в Центральном доме работников искусств состоялся юбилейный вечер, посвященный 80-летию Г.К. Терикова. Я принёс ему эксклюзивный подарок – большой кляссер с марками, спецгашениями, почтовыми конвертами и открытками, посвящёнными Ростову. И… поздравление в жанре юморески. Никогда не писал юморесок, а тут – попробовал. Если врага нужно бить его же оружием, то и друга стоит приветствовать на его языке.

На последнюю встречу нас собрал Бабаев 11 июня 2011 года. Мы очень славно провели время. Вот только угнетала подленькая мыслишка: уж не последняя ли это наша встреча?

На той встрече Миша Бабаев вспоминал, как в 1959 году, когда бывший Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин стал Председателем КГБ и начал собирать под своё крыло комсомолят, его звали на работу в КГБ. Он отказался, объяснив, что хочет работать по специальности.

У профессора Михаила Матвеевича Бабаева завидная советская биография. После окончания юридического факультета Ростовского университета работал в Ростове-на-Дону народным судьёй и председателем районного народного суда (1955-1962). В 1962-1965 г.г. обучался в очной аспирантуре юридического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1975 г. − докторскую. С 1964 по 1978 г. − во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Профессор М.М. Бабаев

В 1978-1992 г.г. − профессор Академии МВД СССР, а с 1992 г. − главный научный сотрудник ВНИИ МВД России. Заслуженный деятель науки РФ, член двух академий. Был постоянным ведущим программы "Человек и закон" на Центральном телевидении СССР (1979-1991), что сделало его человеком публичным и узнаваемым. Автор свыше 150 научных трудов, в том числе 8 монографий и учебных пособий. Имеет государственные награды, в том числе орден Почёта. Лауреат премии МВД СССР.

Моя судьба сложилась в целом благополучно. В 1955 г. окончил с отличием химический факультет Ростовского университета. Год работал в школе в г. Гуково (теперь Ростовской области). В 1956-1969 г.г. – в Рубежанском (Луганской области) филиале Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей (НИОПиК), где прошёл путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника. Окончил аспирантуру НИОПиК, в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1969 года – в Москве, в НИОПиКе, где сначала руководил большой группой разработчиков новых технологий, а затем работал главным технологом. На моём счету 14 изобретений, пуск 3-х промышленных химических цехов, разработка и создание 20 новых промышленных производств, разработка более 50 производственных технологических

документов. Работы с моим участием в разные годы выдвигались институтом на соискание Государственной премии СССР и премии Совета министров СССР. В 1993-1997 г.г. главный специалист Научного издательства «Фазис». В 1997-2003 г.г. нештатный консультант Центра фотохимии Российской Академии наук. Пенсионером веду большую научно-исследовательскую работу в сотрудничестве с кафедрой химии Российского университета дружбы народов, результаты которой публикуются в центральных химических журналах. Автор более 180 научных работ, включая 6 монографий. Без ложной скромности я могу отнести себя к большой армии специалистов, чьими усилиями создавалось народное хозяйство нашей страны.

Из письма В. Гайдуку. 27 мая 2000 г.

Твоя научная судьба, видимо, более благополучна: ты имеешь возможность делать то, что тебе интересно. Завидная возможность! Я такую возможность получил, только уйдя на пенсию. А так, работая в прикладном институте, всю жизнь делал, в основном, то, что требовали сиюминутные ведомственные интересы. Интересующими меня исследованиями занимался походя, подчас рискуя вызвать недовольство начальства, занимаясь не тем, за что мне зарплату платят. Эти исследования не поощряли, а всего лишь терпели, поскольку свою официальную работу я исполнял достаточно исправно, не раз спасая своего шефа от неожиданных наскоков вышестоящего начальства.

В начале 80-х я собрался было оформить докторскую, даже написал во время зимнего 2-х-недельного отпуска в пансионате автореферат. Кое-кому показал и понял, что это чревато дракой, на которую придётся потратить много времени, усилий и нервов. Такая цена представилась мне чрезмерной, отложил до лучших времён, а после 1991 г. всё это потеряло смысл.

Таких, как я, не включают в шикарные альбомы и не таскают по презентациям. И вообще в родном Отечестве не привечают. И слава Богу, я человек не публичный, и меня бы это напрягало. Мне значительно комфортнее в кругу семьи и друзей. Я никогда не беспокоился о том, чтобы добиваться высоких званий и признания. Тем не менее, в научном мире мои работы не остались незамеченными. Удостоен помещения в американский справочник «Who’sWho in the World» и британский (Кембридж) биографический справочник «2000 иностранных интеллектуалов 21 века». Получаю многочисленные приглашения на международные научные конференции – в США, Японию, Австралию, Бразилию, Турцию и т.д. и т.п. Однако никуда не езжу – некому финансировать дорогостоящие вояжи.

У меня три дочери, три внучки, внук и правнук. Старшая дочь Наталья пошла по моим стопам – химик-органик. Средняя, Светлана –

доцент Академии внешней торговли, преподаёт итальянский язык. Как и её мама, моя жена – кандидат филологических наук. Обе они в своё время окончили школу с золотыми медалями, перекрыв *серебряные* достижения своих родителей. Младшая, Юлия – режиссёр музыкальных театров, у неё два высших образования.

Можно уже подвести итог. Нет, не жизни – жизнь продолжается. Итог моим запискам. Я не писатель и, тем более, не поэт. Я не историк, и это – не история нашего класса. Мне неведома судьба каждого из наших одноклассников. Дружбу с одними мы пронесли через всю жизнь. С другими расстались в 1950-м, чтобы никогда больше не встретиться. А итог такой: **все мои друзья-товарищи состоялись в этой жизни**. По-разному, в разной степени, но состоялись все. Не все успели сделать всё, на что были способны. Но никто не спился, не сжёг свою жизнь без всякой пользы, не пошёл *по кривой дорожке*, все оставили в жизни свой добрый след.

Наша 39-я школа вполне может гордиться своими выпускниками, которые учились в ней *в моё время*, даже многими из тех, кто не преуспел в учёбе и кого активно ругали учителя.

В один ряд с Г.К. Териковым можно поставить его многолетнего соавтора Олега Левицкого, который учился классом позже нас. **Олег Юрьевич Левицкий** (1932−2000) стал известным драматургом эстрады. Он писал репризы для М. Гаркави, куплеты для дуэта П. Рудакова и В. Нечаева, программы для А. Шурова и Н. Рыкунина, интермедии для Ю. Тимошенко и Е. Березина, конферанс для Б. Брунова. Автор сценариев спектаклей для Ленинградского мюзик-холла «Нет тебя прекрасней», «Миллион новобрачных» и для Московского мюзик-холла (совместно с М.М. Жванецким и Г.К. Териковым) «„Красная стрела“ прибывает в Москву». Автор стихов популярных песен, которые исполняли Л. Зыкина, И. Кобзон, А. Стрельченко, и многое другое.

Его одноклассник **Ю.М. Рихтер** – известный писатель-юморист, работавший во Всесоюзном сатирическом киножурнале «Фитиль».

Евгений Марголин, по свидетельству Г. Терикова, окончил Московский институт стали и сплавов, но работал не по специальности, а в качестве конферансье. В 70-х годах Териков писал для него программы.

Борис Козинец (1930 г.р.) стал артистом. Г. Териков рассказывал мне, что он окончил ГИТИС, работал в Тбилисском театре имени Грибоедова, затем в Ростовском драматическом театре. В начале 90-х уехал в США, живёт в Вашингтоне.

Немало выпускников 39-й реализовали себя на научном поприще. Как, например, **В.И. Гайдук**, который учился в параллель-

ном 10-м «А». Он окончил Московский энергетический институт и стал доктором наук по специальности «физическая электроника», профессором, работал в институте радиотехники и электроники РАН в Москве, затем во Фрязино. Или его одноклассник **Олег Евгеньевич Шелепин,** сын Евгении Андреевны, с которым судьба свела меня на химическом факультете Ростовского университета и который сделал кандидатскую диссертацию под руководством Юрия Андреевича Жданова.

Владимир Григорьевич Иноземцев (1931-2003) учился классом старше нас. Золотой медалист, окончил с отличием в 1954 году Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта. Ректор Московского института инженеров транспорта. Член-корреспондент АН СССР. Председатель объединённого научного совета Российской АН по проблемам транспорта, академик и вице-президент Академии транспорта РФ (с 1992 года). Мастер спорта по спортивной ходьбе.

Самый яркий из выпускников 39-й – химик, академик Российской Академии наук **Владимир Исаакович Минкин** (1935 г.р.)**.** Он учился двумя классами позже меня, а на химфаке слыл самым талантливым студентом. Ныне он директор НИИ физической и органической химии Южного Федерального университета (ЮФУ), заместитель председателя Президиума Южного Научного Центра РАН, заведующий кафедрой химии природных и высокомолекулярных соединений ЮФУ, директор Научно-образовательного Центра ЮФУ.

Лауреат Государственной премии СССР (1989), международной премии имени А. фон Гумбольдта (1999), премий РАН имени А.М. Бутлерова (2000), Л.А. Чугаева (2003) и А.Н. Несмеянова (2009), премий Фонда поддержки российской науки в номинации «Выдающиеся учёные РАН» (2003, 2004). Автор более 900 научных работ.

Наверное, из таких судеб и складывается судьба нашей страны.

Академик В.И. Минкин

Ростов-на-Дону, 1946-1954
Москва, 2000-2012

Содержание

М.М. Бабаев. О документальной повести Виктора Файна 3
Вместо предисловия 6
Довоенное детство 9
Беженцы 18
Малая Вильва 29
Путь к дому 41
Возвращение 45
Ростов послевоенный 52
Мальчишки 62
Реформа 1947 года 71
Активисты 75
Литературные опыты 83
Ираида 89
Учителя 96
Истории с историей 109
Ода друзьям 116
Одноклассники 133
Девочки 145
Переписка 158
Дело о платке 168
Трудный класс 172
Финиш 177
О Сталине, мудром, родном и любимом 186
Эпилог 196
Послесловие 203